

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Научно-практический юридический журнал

Основан в феврале 2017 г.

2023. Том 7. № 1
Сквозной номер выпуска – 25

Выходит 4 раза в год

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК при Минобрнауки России (с 25.12.2020 г.), по юридическим научным специальностям 5.1.1, 5.1.3, 5.1.4 (с 01.11.2022). Категория К2. Индексируется РИНЦ, CrossRef, размещен в НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
(392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: **Зелепукин Роман Валерьевич** – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), доцент кафедры конституционного и международного права Института права и национальной безопасности

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

Андрियाшко Марина Васильевна – к.ю.н., доцент. Барановичский государственный университет (г. Барановичи, Республика Беларусь), доцент кафедры общеправовых дисциплин и государственного управления

Афанасьев Сергей Федорович – д.ю.н., профессор. Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, РФ), заведующий кафедрой арбитражного процесса

Блинкова Елена Викторовна – д.ю.н., профессор. Российская государственная академия интеллектуальной собственности (г. Москва, РФ), профессор кафедры гражданского и предпринимательского права факультета управления интеллектуальной собственностью

Воронов Александр Федорович – д.ю.н., профессор. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва, РФ), профессор кафедры гражданского процесса юридического факультета

Ельцов Николай Сергеевич – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности; Управление Росреестра по Тамбовской области, руководитель; заслуженный юрист Российской Федерации

Золотухин Александр Дмитриевич – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой гражданского и арбитражного процесса Института права и национальной безопасности

Иванова Нелли Александровна – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой гражданского права Института права и национальной безопасности

Камышанский Владимир Павлович – д.ю.н., профессор. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (г. Краснодар, РФ), заведующий кафедрой гражданского права, профессор кафедры гражданского и международного частного права

Клименко Таужан Микаиловна – д.ю.н., доцент. Юридический институт Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии (г. Черкесск, РФ), профессор кафедры уголовного права и процесса

Комаров Сергей Александрович – д.ю.н., профессор. Юридический институт (г. Санкт-Петербург, РФ), научный руководитель; Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права (г. Москва, РФ), президент; Башкирский государственный университет (г. Уфа, РФ), профессор кафедры теории государства и права

Кочетков Александр Викторович – к.ю.н., доцент. Арбитражный суд Воронежской области (г. Воронеж, РФ), председатель суда

Лагутин Игорь Борисович – д.ю.н., доцент. Юго-Западный государственный университет (г. Курск, РФ), заведующий кафедрой финансового права, конституционного, гражданского и административного судопроизводства

Лопашенко Наталья Александровна – д.ю.н., профессор. Саратовская государственная юридическая академия, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права; Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции (г. Саратов, РФ), директор

Овсянников Игорь Владимирович – д.ю.н., доцент. Академия ФСИН России (г. Рязань, РФ), главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра

Осокин Роман Борисович – д.ю.н., профессор. Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (г. Москва, РФ), начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров

Панько Кирилл Константинович – д.ю.н., доцент. Воронежский государственный университет (г. Воронеж, РФ), профессор кафедры уголовного права

Полищук Николай Иванович – д.ю.н., профессор. Академия ФСИН России (г. Рязань, РФ), профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права

Рыбакова Светлана Викторовна – д.ю.н., доцент. Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, РФ), профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой

Соловьева Виктория Викторовна – д.и.н., профессор. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал (г. Липецк, РФ), профессор кафедры теории и истории государства и права

Трофимов Василий Владиславович – д.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности

Шуняева Вера Анатольевна – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), директор Института права и национальной безопасности

Юдин Андрей Владимирович – д.ю.н., доцент. Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (г. Самара, РФ), и. о. заведующего кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права юридического факультета

Для цитирования:

Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 1. 164 с. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1>

Издание журнал «Актуальные проблемы государства и права / Aktual'nye problemy gosudarstva i prava / Current Issues of the State and Law» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-69827 от 18 мая 2017 г.

ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

Адрес редакции и издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33
Телефон редакции +7(4752)72-34-34 (доб. 3117). Электронная почта: lexnauka.tgu@yandex.ru

Ответственный секретарь объединенной редакции научных журналов *И.В. Ильина*

Редакторы: *Ю.А. Бирюкова, М.И. Филатова*

Редакторы английских текстов: *Д.Г. Самодуров, М.А. Сенина*

Дизайн обложки *Т.О. Прокофьевой*

Администратор сайта *М.И. Филатова*

Прием статей:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, 181 Б, каб. 209. Институт права и национальной безопасности

Телефон: +7(4752)72-34-34 (доб. 3117). **Электронная почта:** lexnauka.tgu@yandex.ru

Веб-сайт: <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/> (на русском языке)
<http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/> (на английском языке)

Распространяется бесплатно и по подписке. Индекс 80661 в каталоге ООО «УП Урал-Пресс»

Подписано в печать 27.03.2023. Дата выхода в свет

Формат А4 (60×84 1/8). Гарнитура «Times New Roman». Печать на ризографе.

Печ. л. 20,5. Усл. печ. л. 19,1. Тираж 1000 экз. Заказ 2349. Свободная цена.

Отпечатано с готового оригинал-макета в отделе оперативной печати Издательского дома «Державинский»

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

392008, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г. Электронная почта: izdat_tsu09@mail.ru

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2023
Все права защищены

© Редакционная коллегия журнала «Актуальные проблемы государства и права», 2023

© Редакция журнала «Актуальные проблемы государства и права», 2023

CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW

Scientific-practical law journal

Established in February, 2017

2023, vol. 7, no. 1

Issued 4 times a year

Continuous issue number – 25

The journal is on the “Official list of scientific reviewed periodicals for publication principal scientific researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science” by High Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia (from December 25, 2020), in law scientific specialties 5.1.1, 5.1.3, 5.1.4 (from November 1, 2022). Category K2.
Indexed by the RSCI, CrossRef, uploaded to EBSCO, eLIBRARY.RU, CyberLeninka

The establisher and publisher:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Derzhavin Tambov State University”

(33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Russian Federation)

EDITOR-IN-CHIEF: Zelepukin Roman Valerevich – Candidate of Law, Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Associate Professor of Constitutional and International Law Department of Law and National Security Institute

EDITORIAL BOARD:

Andryashka Maryna Vasilevna – Candidate of Law, Associate Professor. Baranovich State University (Baranovichy, the Republic of Belarus), Associate Professor of General Legal Disciplines and Public Administration Department

Afanasev Sergey Fedorovich – Doctor of Law, Professor. Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation), Head of the Arbitral Procedure Department

Blinkova Elena Viktorovna – Doctor of Law, Professor. Russian State Academy of Intellectual Property (Moscow, Russian Federation), Professor of the Civil and Business Law Department of Intellectual Property Management Faculty

Voronov Alexander Fedorovich – Doctor of Law, Professor. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), Professor of the Civil Procedure Department, Faculty of Law

Eltsov Nikolay Sergeevich – Candidate of Law, Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Head of the Theory and History of State and Law Department of Law and National Security Institute; Federal Registration Service in the Tambov region, Head of the Office; Honored Lawyer of the Russian Federation

Zolotuhin Aleksandr Dmitrievich – Candidate of Law, Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Head of the Civil and Arbitral Procedure Department of Law and National Security Institute

Ivanova Nelli Aleksandrovna – Candidate of Law, Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Head of the Civil Law Department of Law and National Security Institute

Kamyshanskiy Vladimir Pavlovich – Doctor of Law, Professor. Kuban State Agrarian University (Krasnodar, Russian Federation), Head of the Civil Law Department, Professor of the Civil and Private International Law Department

Klimenko Tazhan Mikailovna – Doctor of Law, Associate Professor. North Caucasian State Academy Law Institute (Cherkessk, Russian Federation), Professor of Criminal Law and Procedure Department

Komarov Sergey Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor. Private Educational Institution of the Higher Training “Institute of Law” (St. Petersburg, Russian Federation), Scientific Advisor; The Interregional Association of Theorists of State and Law (Moscow, Russian Federation), President; Bashkir State University (Ufa, Russian Federation), Professor of State and Law Theory Department

Kochetkov Aleksandr Viktorovich – Candidate of Law, Associate Professor. Arbitral Court of Voronezh Region (Voronezh, Russian Federation), Court President

Lagutin Igor Borisovich – Doctor of Law, Associate Professor. Southwest State University (Kursk, Russian Federation), Head of the Financial Law, Constitutional, Civil and Administrative Court Procedure Department

Lopashenko Natalya Aleksandrovna – Doctor of Law, Professor. Saratov State Law Academy, Professor of the Criminal and Penal Enforcement Law Department; Saratov Research Centre for Organized Crime and Corruption Issues (Saratov, Russian Federation), Director

Ovsyannikov Igor Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor. Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation), Chief Research Scholar of Research Department of Scientific Center

Osokin Roman Borisovich – Doctor of Law, Professor. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot (Moscow, Russian Federation), Head of the Faculty of Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel Training

Panko Kirill Konstantinovich – Doctor of Law, Associate Professor. Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation), Professor of Criminal Law Department

Polishchuk Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor. Academy of the FPS of Russia (Ryazan, Russian Federation), Professor of Theory of the State and Law, International and European Law Department

Rybakova Svetlana Viktorovna – Doctor of Law, Associate Professor. Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation), Professor of the Financial, Banking and Customs Law Department Named After Professor Khimicheva Nina Ivanovna

Solovyova Viktoriya Viktorovna – Doctor of History, Professor. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk Branch (Lipetsk, Russian Federation), Professor of the Theory and History of the State and Law Department

Trofimov Vasilii Vladislavovich – Doctor of Law, Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Director of Research Institute of State Legal Research, Professor of the Theory and History of the State and Law Department of Law and National Security Institute

Chunyaeva Vera Anatolevna – Candidate of Law, Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Director of Law and National Security Institute

Yudin Andrew Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor. Samara National Research University (Samara, Russian Federation), Acting Head of the Civil Procedure and Business Law Department of the Law Faculty

For citation:

Current Issues of the State and Law. 2023. Vol. 7, no. 1. 164 p. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1>

The journal “Aktual’nye problemy gosudarstva i prava / Current Issues of the State and Law” is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor), the mass media registration certificate ПИИ no. ФС 77-69827 dated May 18, 2017.

ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

Editorial Office and Publisher address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Russian Federation

Editors telephone: +7(4752)72-34-34 (extension 3117). E-mail: lexnauka.tgu@yandex.ru

Executive Editor of Incorporate Editorial of Scientific Journals *I.V. Ilyina*

Editors: *Y.A. Biryukova, M.I. Filatova*

English texts editors: *D.G. Samodurov, M.A. Senina*

Cover design *T.O. Prokofeva*

Web-site administrator *M.I. Filatova*

Article acceptance:

Office 209, 181 B, Sovetskaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Derzhavin Tambov State University, Law and National Security Institute. **Telephone:** +7(4752)72-34-34 (доб. 3117). **E-mail:** lexnauka.tgu@yandex.ru

Web site: <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/> (In Russian)
<http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/> (In English)

Distributed free of charge and by subscription. Index 80661 in the catalogue LLC “Ural-Press”

Signed for printing 27.03.2023. Release date

Format A4 (60×84 1/8). Typeface «Times New Roman». Printed on risograph.

Pr. sheet 20,5. Conv. pr. sheet 19,1. Copies printed 1000. Order no. 2349. Free price.

Published basing on ready-to-print file in Instant Print Department of Publishing House “Derzhavinskiy”

FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”

190g Sovetskaya St., Tambov, 392008, Tambov Region, Russian Federation. E-mail: izdat_tsu09@mail.ru

Content of the journal is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

© FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”, 2023.

All rights reserved

© Editorial board of the journal “Current Issues of the State and Law”, 2023

© Editorial of the journal “Current Issues of the State and Law”, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

<i>Илюхина В.А.</i> К вопросу о восприятии принципов права в разных концепциях правопонимания	7
<i>Климук В.В., Зеленукин Р.В.</i> Перспективы развития нормативно-правового обеспечения политики Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации в научно-инновационной и образовательной сферах	17
<i>Малков Н.Г.</i> Правовая реальность в контексте социальной реальности: философско-правовой аспект	28
<i>Носырева А.Е., Гаврилова А.В.</i> Соотношение реабилитации и абилитации инвалидов	35
<i>Орцханова Т.М., Демьянов В.Н.</i> Правовые и иные смежные аспекты по вопросу оказания медицинской помощи онкобольным в условиях рисков распространения и противодействия коронавирусной инфекции (COVID-19) и ее штаммам: «на стыке» профессиональных воззрений и опыта	45
<i>Пашин В.П.</i> Работа советской адвокатуры по оказанию бесплатной юридической помощи гражданам России и пропаганде правовых знаний в 1918–1940 гг. (на материалах Курского края)	60
<i>Силуянова Н.М.</i> Некоторые проблемы терминологической неопределенности в правовом регулировании страхования на случай пожара	71

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Зайцева Н.В.</i> Моральный вред и психологическая травма, как основания для деликтной ответственности	81
<i>Кравченко Н.В., Труфанова А.Ю.</i> Некоторые аспекты правового регулирования суррогатного материнства	89
<i>Митрофанов Н.В.</i> О некоторых особенностях, связанных с приобретением права собственности на недвижимое имущество	98
<i>Родионов А.Б.</i> Понятие «недвижимость» в XXI веке: возможные варианты изменения содержания	107

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Гавриленко В.А.</i> Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Сравнительный анализ законодательства государств БРИКС	120
<i>Ковалев Н.С., Каретников К.В.</i> Участие осужденных в видеоконференцсвязи с судами: правовые и организационные проблемы	132
<i>Попов В.А., Теткин Д.В., Пудовкин А.А.</i> Проблемные вопросы криминалистического анализа, возникающие на первоначальном этапе расследования использования рабского труда	141

ОБЗОР ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

<i>Сафронова Е.В., Петрищева Н.С.</i> «Пандемическое соглашение» Всемирной организации здравоохранения: анализ концептуального нулевого проекта	149
---	-----

ЮРИДИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО

<i>Садыхина Н.Е.</i> Культурно-правовой феномен В.Г. Баева (в память об ученом, преподавателе и общественном деятеле)	159
---	-----

CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW

Scientific-practical legal journal

Established in February, 2017 2023, vol. 7, no. 1 Issued 4 times a year

CONTENTS

GENERAL THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE

<i>Vera A. Ilyukhina</i> , On the issue of law principles perception in different concepts of legal understanding	7
<i>Vladimir V. Klimuk, Roman V. Zelepukin</i> , Prospects for the development of regulatory and legal support for the policy of the Union State of Republic of Belarus and Russian Federation in the scientific, innovative and educational spheres	17
<i>Nikita G. Malkov</i> , Legal reality in the context of social reality: a philosophical-legal perspective	28
<i>Alyona E. Nosyreva, Anzhelika V. Gavrilova</i> , The ratio of rehabilitation and habilitation of disabled people	35
<i>Tat'yana M. Orckhanova, [Vladimir N. Dem'yanov]</i> , Legal and other related aspects on the issue of providing medical care to cancer patients in conditions of risks of spreading and countering coronavirus infection (COVID-19) and its strains: "at the junction" of professional views and experience	45
<i>Vasilii P. Pashin</i> , The work of the Soviet advocacy to provide free legal assistance to Russian citizens and promotion of legal knowledge in 1918–1940. (on the materials of the Kursk region)	60
<i>Natalia M. Siluyanov</i> , Some problems of terminological uncertainty in the legal regulation of fire insurance	71

SUBSTANTIVE LAW

<i>Natalia V. Zaytseva</i> , Moral damage and psychological trauma as grounds for tort liability	81
<i>Natalia V. Kravchenko, Alexandra Y. Trufanova</i> , Some aspects of the legal regulation of surrogacy	89
<i>Nikita V. Mitrofanov</i> , About some features related to the acquisition of ownership of real estate	98
<i>Andrey B. Rodionov</i> , The concept of "real property" in the 21st century: possible options for changing the content	107

PROCEDURAL LAW

<i>Vladimir A. Gavrilenko</i> , Issues of jurisdiction of disputes to arbitration. Comparative analysis of legislation of BRICS states	120
<i>Nikolay S. Kovalev, Konstantin V. Karetnikov</i> , Participation of convicts in videoconferences with courts: legal and organizational problems	132
<i>Vladimir A. Popov, Denis V. Tetkin, Andrey A. Pudovkin</i> , Problematic issues of forensic analysis arising at the initial stage of labor investigations	141

REVIEW OF LEGISLATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

<i>Elena V. Safronova, Natalya S. Petrisheva</i> , The "Pandemic Agreement" of the World Health Organization: an analysis of the conceptual zero project	149
--	-----

LEGAL COMMUNITY

<i>Nataliya E. Sadokhina</i> , Cultural and legal phenomenon of V.G. Baev (in memory of the scientist, teacher and social activist)	159
---	-----

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА GENERAL THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.12

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-7-16>

Шифр научной специальности 5.1.1

К вопросу о восприятии принципов права в разных концепциях правопонимания

© ИЛЮХИНА Вера Александровна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права, ФГКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», Российская Федерация, 390000, Рязань, ул. Сенная, 1; старший научный сотрудник Научного центра, Нижегородский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, 46, <https://orcid.org/0000-0001-7049-4593>, ResearcherID AAR-5203-2021, eva3011@bk.ru

Аннотация

Представленное исследование посвящено изучению восприятия принципов права в разных концепциях правопонимания. Целью работы является анализ понятия и места принципов права в правовой системе в рамках различных типов правопонимания, а задачами работы – восприятие принципов права в концепции естественного права Р. Дворкина, либертарной теории права В.С. Нерсесянца, позитивистском и интегративном правопонимании. Обосновано, что понятие принципов права, выделение их видов и определение роли в правовой системе во многом обусловлено типом правопонимания, сторонником которого является ученый. Сделан акцент на аксиологической составляющей исследуемых подходов применительно к принципам права. Доказано, что естественно-правовой, либертарный, позитивистский и интегративный типы правопонимания позволяют сосредоточить внимание на сторонах правовой реальности, связанных с различного рода идеями в сфере права. Сделан вывод, что в правоприменительном плане наибольшее значение имеет позитивистский подход, так как он позволяет субъектам права не только понять основные идеи, заложенные в законодательстве, но и ориентирует их на практическую реализацию нормативно определенных принципов права. Естественно-правовой, либертарный и, отчасти, интегративный подходы обладают теоретико-методологической ценностью – они не имеют значения непосредственно для регулирования общественных отношений, но формируют у законодателя представление о ценности тех или иных идей, возможности их закрепления в текстах нормативных правовых актов и, следовательно, дальнейшей их практической реализации.

Ключевые слова

концепции правопонимания, принципы права, теории естественного права Р. Дворкина, либертарная теория права, позитивистское правопонимание, интегративное правопонимание

Для цитирования

Илюхина В.А. К вопросу о восприятии принципов права в разных концепциях правопонимания // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 1. С. 7-16. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-7-16>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-7-16>

On the issue of law principles perception in different concepts of legal understanding

© Vera A. ILYUKHINA,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of Theory of State and Law, International and European Law Department, Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service, 1 Sennaya St., Ryazan, 390000, Russian Federation; Senior Research Scholar of Research Center, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 46 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-7049-4593>, ResearcherID [AAR-5203-2021](https://orcid.org/0000-0001-7049-4593), eva3011@bk.ru

Abstract

The present research is devoted to the study of law principles perception in different legal understanding concepts. The purpose of work is to analyze the concept and place of law principles in the legal system within the framework of various types of legal understanding, and the tasks of work are the law principles perception in the natural law concept by R. Dworkin, the libertarian theory of law by V.S. Nersesyants, positivist and integrative legal understanding. It is substantiated that the law principles concept, the allocation of their types and the definition of their role in the legal system is largely due to the type of legal understanding, which the scientist is a supporter of. Emphasis is placed on the axiological component of the studied approaches in relation to the law principles. It is proved that the natural-legal, liberal, positivist and integrative types of legal understanding allow focusing on the aspects of legal reality associated with various kinds of ideas in the field of law. It is concluded that in terms of law enforcement, the positivist approach is of the greatest importance, since it allows the subjects of law not only to understand the main ideas embodied in the legislation, but also orients them towards the practical implementation of normatively defined law principles. Natural-legal, liberal and, to some extent, integrative approaches have theoretical and methodological value – they do not directly matter for the regulation of social relations, but form the legislator's idea of the value of certain ideas, the possibility of their consolidation in the texts of normative legal acts and hence their further practical implementation.

Keywords

legal understanding concepts, law principles, natural law theories by R. Dworkin, libertarian theory of law, positivist legal understanding, integrative legal understanding

For citation

Ilyukhina, V.A. (2023). On the issue of law principles perception in different concepts of legal understanding. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 1, pp. 7-16 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-7-16>

Введение. Постановка проблемы

Понимание сущности любого объекта действительности во многом детерминируется взглядом на него познающего субъекта. Сами объективные характеристики изучаемого объекта при этом не меняются, а вот практическое его применение может быть существенно скорректировано.

Сказанное выше в полной мере относится и к правовой сфере жизни общества. Од-

ним из объектов правовой действительности, несомненно, являются принципы права. Тип правопонимания, которого придерживается тот или иной познающий субъект, определяет подход к восприятию принципов права, их сущности, места в правовой системе, теоретической и практической значимости.

В задачи данной работы не входит анализ типов правопонимания, наша цель более скромная, а именно: дать общую характери-

стику понимания принципов права в рамках разных концепций правопонимания. Далее мы остановимся на проблеме восприятия принципов права в контексте естественно-правового, либертарного, позитивистского и интегративного правопонимания.

В мировой научной литературе существуют разные подходы к пониманию принципов права. Эти различия обуславливаются не только индивидуальной научной позицией исследователя, но и, как мы уже отметили ранее, типом правопонимания, которого он придерживается. Причем приверженность тому или иному типу правопонимания, что вполне закономерно, не определяется принадлежностью к какой-либо стране. Место принципам права нашлось и в естественно-правовом, и в либертарном, и в позитивистском, и в интегративном правопонимании.

Результаты исследования

1. Принципы права теории Р. Дворкина

В варианте современной интерпретации теории естественного права Р. Дворкина (1931–2013) определенное внимание уделяется принципам права. Принципы права воспринимались американским ученым как стандарты, отличные от собственно юридических правил, стандарты, которые есть требования справедливости, честности и иных моральных измерений. Успешность правоприменения, по мнению Р. Дворкина, во многом зависит от знания судьей принципов права. Критикуя позитивистское правопонимание, он делал акцент на том, что в принципах права наиболее важная составляющая именно моральная, а не нормативная. Последнее, на наш взгляд, обусловлено тем, что Р. Дворкин работал помощником судьи в США, и его мировоззрение было сформировано в условиях англосаксонской правовой семьи.

В теории Р. Дворкина имеет место гипотетическая фигура «юридического Геркулеса» – идеального судьи, непогрешимость которого обуславливается двумя факторами, а именно: неограниченными знаниями принципов права и неограниченным временем, в течение которого он может принимать решения [1]. По мнению Р. Дворкина, в отличие от правовых норм правовые принципы могут конфликтовать между собой и иметь

разный вес: одни являются более значимыми, другие – менее значимыми [2]. Причем конкуренция принципов разрешается не на основе каких-то строго установленных правил, а на оценочной основе. В отличие от нормы права принцип не может диктовать конкретного решения жизненной ситуации, а играет роль общего ориентира [3, с. 48-52]. При этом, как справедливо отмечает В.В. Лапаева, «Р. Дворкин в силу сугубо прагматической ориентации своего подхода не задавался вопросом о том, какими критериями (или, точнее – каким теоретическим критерием, выступающим в качестве основополагающего для правовой системы принципа) должен руководствоваться судья, взвешивая разные принципы при принятии решения» [4, с. 151].

Р. Дворкин обращал внимание на то, что в «логической природе принципа нет ничего такого, что помешало бы ему быть обязательным» [3, с. 62]. При этом в научной литературе точно подмечено, что ученый не объясняет, какие принципы в действительности являются обязательными, а какие – нет [5, с. 95]. Принципы права в концепции Р. Дворкина, как верно отмечают исследователи его творчества, выступают «средством нейтрализации правовой неопределенности и судебного правотворчества» [6, с. 16].

Итак, в рамках теории Р. Дворкина принципы права, во-первых, не являются правовыми нормами в позитивистском понимании. Здесь нужно учитывать, что данный вариант теории естественного права был разработан представителем англосаксонской правовой семьи, в которой имеется специфическое соотношение нормы закона и нормы прецедента.

Во-вторых, принципы права есть выражение естественной справедливости, они не обусловлены какими-либо внешними факторами, а том числе законодательной деятельностью государства. Свидетельством этого является широкая судебная практика, когда высшие суды своими решениями либо отменяют нормы позитивного права либо интерпретируют их таким образом, что итог не соответствует первоначальному смыслу.

В-третьих, существует иерархия принципов права. Значение разных принципов далеко не равнозначно в правовой системе

общества. Фактором, определяющим их ценность и место в иерархии, является соответствие естественным правам человека. Иерархия принципов права определяется не законодателем, а правприменителем – судьей.

В-четвертых, субъектом применения принципов права является судья. Именно «идеальный судья» («юридический Геркулес») знает в отличие от всех прочих субъектов все принципы права, имеет представление об их иерархии. И только он может в условиях неограниченного времени для проведения анализа их соотношения и применимости в конкретной жизненной ситуации правильно применить тот или иной принцип или их совокупность при разрешении любого спорного правоотношения.

2. Принципы права в либертарной теории В.С. Нерсисянца

Примерно в то же время (конец 1960-х – 1980-е гг.), что и концепция Р. Дворкина, сформировалась либертарная теория права В.С. Нерсисянца (1938–2005). Начав с критики марксистского правопонимания, ученый в конечном итоге создал оригинальную теорию, отличающуюся и от позитивизма, и от естественно-правовой доктрины.

Основным теоретико-методологическим посылом либертарной теории права является четкое разграничение права и закона как сущности и явления. Представители этого типа правопонимания (кроме В.С. Нерсисянца здесь можно назвать В.В. Лапаеву [7], В.С. Нерсисяна [8; 9], В.А. Четвернина [10], Н.В. Варламову [11]) не писали работ, специально посвященных принципам права. Тем не менее, в различных ракурсах эта проблематика постоянно затрагивалась в их исследованиях. О понимании значимости принципов права свидетельствует, что В.С. Нерсисянец рассматривал их в качестве жизненной силы, механизма саморегулирования и стержня, который обеспечивает единство и согласованность всех элементов правовой системы [12, с. 342-343].

В данной статье мы не будем подробно рассматривать понимание принципов права В.С. Нерсисянцем, так как это уже было сделано нами ранее [13]. Здесь же мы кратко изложим лишь основные моменты, касающиеся принципов права.

Итак, ключевым принципом права в либертарной концепции права является принцип формального равенства. Именно он выступает в качестве одной из основополагающих идей либертарной теории, и именно он позволяет отграничить право от закона. Принцип формального равенства как триединство всеобщей равной меры, свободы и справедливости одновременно выступает совершенно в разных ипостасях: 1) это сущность права, его наиболее абстрактное определение и выражение; 2) это содержание правовых явлений, то, что отграничивает право от произвола, что отличает его от всех иных социальных явлений, норм и регуляторов; 3) это метод познания права.

Как теоретической абстракции принципу формального равенства присущи стабильность и неизменность. Однако в исторической реальности он часто подменяется неправовыми началами. Причем, по мнению В.С. Нерсисянца, там, где действует принцип формального равенства, есть право, а где он не действует – права нет [12, с. 14].

Наряду с общеправовым универсальным принципом формального равенства В.С. Нерсисянец также называл в своих работах и то, что является в иных типах правопонимания принципами позитивного права. Их исследование не было целью работ ученого, тем не менее, он называет такие принципы права, как принцип приоритетного характера прав и свобод человека и гражданина, принцип неотчуждаемости прав и свобод человека [14, с. 58].

Также В.С. Нерсисянец упоминает, не раскрывая его содержания, принцип верховенства права [15, с. 383]. Причем непонятно, одно и то же ли в его понимании принцип верховенства права и принцип господства права [15, с. 82]. Наконец, ученым был назван еще один правовой принцип – принцип согласования различных видов социальных норм [15, с. 83].

В целом в рамках либертарного правопонимания так и не сложилось целостной концепции принципов права. Практического значения эта теория (мы имеем в виду только проблематику принципов права) не имеет. На нормативное регулирование либертарные идеи также влияния не оказывают и,

на наш взгляд, в силу специфики самой теории, оказать не могут. Полагаем, что можно говорить только об аксиологической ценности либертарного правовопонимания, позволяющего на доктринальном уровне осознать ценность принципов права, а также способствовать переводу идей правосознания в основополагающие нормативно закрепленные идеи, то есть в принципы права.

3. Позитивистский подход к пониманию принципов права

В настоящее время наиболее оптимальным и отражающим правовые реалии нам представляется позитивистский подход к принципам права. Он нашел отражение, например, в исследованиях Г. Харта [16] и Дж. Раза [17]. В Советском Союзе большинство исследователей в плане принципов права тоже стояли на позитивистских позициях [18–20]. Многие российские ученые продолжают рассматривать принципы права в контексте позитивистского правовопонимания [21–23].

В целом с позиции позитивистского правовопонимания в континентальной правовой семье принципами права являются исходные, определяющие, базовые идеи, лежащие в основе отрасли права, совокупности отраслей или всего правового регулирования в целом, закрепленные в тексте нормативных правовых актов.

Несомненно, принципы права – это определенные идеи. Но идеи не любые, а наиболее значимые в силу их исторической обусловленности и социальной значимости в текущий конкретно-исторический момент. По этой причине они нашли закрепление в Конституции РФ и кодифицированных нормативных правовых актах и играют роль регулятора соответствующей сферы общественных отношений. Принципы права – это не декларация о намерениях законодателя, а четкая императивная установка, адресованная правоприменителю. Как и любые правовые нормы, принципы права обладают императивностью, обязательны для правоприменителя. Являясь основополагающими идеями, принципы права выражают сущность права, отражают его специфику в конкретно-исторический период исходя из уровня государственно-правового, социально-экономического, культурного развития.

Принципы права как основополагающие идеи в определенной сфере правового регулирования не только осознаются законодателем в качестве таковых, играют важную роль при подготовке проекта нормативного акта, но и закрепляются таким образом, чтобы правоприменителю было ясно, что это именно принципы права, а не какая-то иная правовая материя. Мы имеем в виду способ закрепления принципов права в текстах нормативных правовых актов. В Российской Федерации, как, впрочем, и в других странах существуют разные модели закрепления принципов права в текстах нормативных правовых актов [24; 25]. Но, в любом случае, законодатель акцентирует внимание правоприменителя на том, что перед ним именно принципы права. Делает он это не только путем использования слова «принцип» в названии соответствующих глав или статей, а также в тексте самого документа, но и за счет расположения этих норм в определенных структурных элементах нормативного правового акта. Принципы отраслей права, отнюдь, не разбросаны по всему тексту кодифицированного акта. Поскольку это не любые, а основополагающие идеи отрасли, то они закрепляются в начальных структурных элементах нормативных актов (части, разделы с названиями «Общие положения», «Основные положения»). Идеальным же вариантом представляется, когда принципам права отводится специальная глава или статья, и при этом в самом ее названии используется слово «принцип», а в тексте раскрывается содержание.

Принципы права, закрепленные в текстах нормативных правовых актов, – это элемент правовой системы, системы права и механизма правового регулирования. Также это одна из разновидностей норм права, получившая название нормы-принципа. Обозначено и художественно, но, по сути, абсолютно верно А.Ф. Воронов охарактеризовал место принципов права в системе правовых норм: «принципы – это главные, общие системообразующие нормы отрасли, это такие нормы, которые оказывают влияние на содержание всех норм данной отрасли права. Принципы – это каркас, скелет отрасли права, без которых «тело» любой отрасли права не может существовать, оно разрушается. Это

ствол и ветви отрасли права, листьями которого являются остальные нормы» [26, с. 21].

От принципов права (принципов позитивного права, нормативно закрепленных принципов права) следует отличать доктринальные принципы (иногда они называются правовыми принципами). Последние есть проявление не права, а правосознания. Соответственно они не играют и не могут играть роль в правовом регулировании. Однако доктринальные принципы как идеи, сформулированные учеными, практиками, общественными деятелями, могут стать основой для законотворческой деятельности, принятия новых нормативных правовых актов, внесения изменений в действующие нормативные акты.

По нашему мнению, как бы позитивистское правопонимание ни критиковалось, в современном его варианте оно наиболее адекватно отражает государственно-правовые реалии, поскольку носит не абстрактно-философский, а прагматичный, практико-ориентированный характер. Знак равенства между правом и законом позволяет сделать право вполне определенным и понятным и законодательно, и правоприменительно, и населению.

Учитывая, что ряд принципов права в Российской Федерации закреплен на конституционном уровне (конституционные принципы права) и то, что Конституция РФ обладает прямым действием, можно утверждать, что принципы такого рода также обладают прямым действием. Наконец, следует отметить, что принципы права являются одним из способов устранения пробелов в правовом регулировании.

4. Принципы права в рамках интегративного правопонимания

Не остались без внимания принципы права и у сторонников интегративного правопонимания [27–32]. Сущность принципов права в рамках интегративного правопонимания носит двойственный характер. Сторонники этого подхода механистически объединяют явления разного порядка: нормативные и когнитивные. В их представлении принципы права – это и нормы-принципы, и руководящие идеи, закрепленные в законодательстве, и форма права, и стандарты, на которых основываются правовые нормы, и

некие универсальные правовые ценности. Так, наряду с тем, что существуют принципы-нормы, Дж. Даци отмечает, что правовые принципы практически одинаковы во всех правовых системах мира. И это показывает самую истинную природу правового принципа как всеобщей правовой максимы [28, р. 111]. Также Дж. Даци воспринимает правовые принципы как правовые ценности, очерчивающие основы правовой системы: «По сути, правовые ценности правовой системы можно отождествлять и с основными характеристиками правовой системы, поскольку они как таковые очерчивают основы правовой системы и, таким образом, являются в то же время правовыми принципами» [28, р. 115].

В свою очередь А.В. Скоробогатов и А.В. Краснов приходят к выводу, что «правовой принцип как философско-правовая категория является конвенциональным результатом правовой коммуникации и может быть представлен в гносеологическом, онтологическом и аксиологическом аспекте», принципы «могут иметь внешнее нормативное выражение в системе норм права либо содержаться в научной и официальной доктрине» [31, с. 567]. В.В. Ершов «с позиции научно обоснованной концепции интегративного понимания права» рассматривает основополагающие (или общие) принципы национального и (или) международного права «в качестве фундаментальных форм внутригосударственного и международного права, определяющих сущность права, обеспечивающих его сбалансированное состояние (гомеостазис), взаимосвязь, целостность и внутреннее единство; непротиворечивость, последовательность, ожидаемость и объективность как правотворческих, так и право-реализационных процессов» [29, с. 306–307].

Интегративное правопонимание не является на самом деле чем-то единым и устойчивым. И это прекрасно осознается его сторонниками. Отсюда и попытки выделить концепции научно-дискуссионного и научно-обоснованного интегративного правопонимания. По сути, ни тот, ни другой вариант интегративного правопонимания не дает именно интегративного, целостного понимания принципов права – имеет место обычная эклектика. Заходя в теоретические дебри и

усложняя терминологию, ученые просто механически объединяют разные подходы. Попытки в этой ситуации выйти на практическую пользу принципов права тоже ничего нового по сравнению с другими подходами к пониманию принципов права не дают. Так, С.М. Амосов и С.Ю. Некрасов утверждают, что «Концепция научно-обоснованного интегративного правопонимания в отношении принципов гражданского процессуального права как формы права обоснованно может использоваться судами в правоприменительной деятельности» [32, с. 51]. В приведенном утверждении нет ничего нового по сравнению с позитивистским пониманием принципов права. Естественно, принципы гражданского процессуального права как особый вид правовых норм, как нормативно закрепленные идеи не просто могут, а должны использоваться судами в правоприменительной деятельности. Более того, если судебное решение принято в нарушение принципов гражданского процессуального права, оно должно быть в обязательном порядке отменено вышестоящей судебной инстанцией.

Заключение

Охарактеризовав восприятие принципов права в различных концепциях правопони-

мания, мы не будем акцентировать внимание на плюсах и минусах того или иного типа правопонимания в рамках интересующей нас проблематики. Отметим лишь аксиологическую составляющую этих подходов. Естественно-правовой, либертарный, позитивистский и интегративный типы правопонимания позволяют сосредоточить внимание на сторонах правовой реальности, связанных с различного рода идеями в сфере права.

По нашему мнению, в правоприменительном плане наибольшее значение имеет позитивистский подход, так как он позволяет субъектам права не только понять основные идеи, заложенные в законодательстве, но и ориентирует их на практическую реализацию нормативно определенных принципов права.

Естественно-правовой, либертарный и, отчасти, интегративный подходы обладают теоретико-методологической ценностью — они не имеют значения непосредственно для регулирования общественных отношений, но формируют у законодателя представление о ценности тех или иных идей, возможности их закрепления в текстах нормативных правовых актов и, следовательно, дальнейшей их практической реализации.

Список источников

1. *Dworkin R.* Law's Empire. Cambridge: Harvard University Press, 1986. 470 p. URL: <https://www.filosoficas.unam.mx/~cruzparc/empire.pdf>
2. *Dworkin R.* The model of rules // University of Chicago Law Review. 1967. Vol. 35. P. 14-46. URL: <https://chicagounbound.uchicago.edu/uclrev/vol35/iss1/3/>
3. *Дворкин Р.* О правах всерьез / пер. с англ. М.Д. Лахути, Л.Б. Макеевой. М.: РОССПЭН, 2004. 389 с. URL: <https://studfile.net/preview/1765930/>
4. *Лапаева В.В.* Концепция права Р. Дворкина с позиций либертарно-юридического подхода // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 4. С. 142-169. <https://elibrary.ru/sambud>
5. *Ветютнев Ю.Ю.* О правопонимании Рональда Дворкина // Журнал российского права. 2005. № 10. С. 93-102. <https://elibrary.ru/opcusf>
6. *Касаткин С.Н.* Учение о правовых принципах и критика позитивизма в работах «раннего» Р. Дворкина // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2018. № 1 (20). С. 3-22. <https://elibrary.ru/ywmazf>
7. *Лапаева В.В.* Типы правопонимания: правовая теория и практика. М.: Российская академия правосудия, 2012. 580 с. URL: <http://philosophicalclub.ru/content/docs/Lapaeva.pdf>
8. *Нерсисян В.С.* Право и правовой закон: становление и развитие / под. ред. В.В. Лапаевой. М.: Норма, 2009. 384 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004321350>
9. *Нерсисян В.С.* Современное право: теория и методология / под ред. В.В. Лапаевой. М.: Норма; ИНФРА-М, 2020. 304 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005472728>
10. *Четвернин В.А.* Современная либертарно-юридическая теория // Ежегодник либертарно-юридической теории. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007. № 1. С. 5-9. URL: <https://www.hse.ru/data/2010/02/20/1232122347/300%2025.02.pdf>

11. Варламова Н.В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. СПб.: Национ. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2010. 143 с. URL: <http://www.igpran.ru/aspirantura/obuchenie/literatura/problemu-tgp/Варламова-Типология%20правопонимания.pdf>
12. Нерсисянц В.С. Право и закон: Из истории правовых учений. М.: Наука, 1983. 366 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001140427>
13. Илюхина В.А. Принципы права в либертарно-правовой теории В.С. Нерсисянца // Вестник Нижегородского института управления. 2022. № 1 (63). С. 58-64. <https://elibrary.ru/xhntub>
14. Нерсисянц В.С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М.: Юристъ, 1996. 160 с. URL: <https://psihdocs.ru/nersesyanc-v-s-pravo-matematika-svobodi-opit-proshlogo-i-persp.html>
15. Нерсисянц В.С. Философия права. М.: Норма, 2004. 656 с. URL: <https://artsakhlib.am/wp-content/plugins/download-attachments/includes/download.php?id=31435>
16. Hart H.L.A. The Concept of Law. N. Y.: Oxford University Press, 1961. 258 p. URL: http://fs2.ame-rican.edu/dfagel/www/Class20Readings/Hart/Concept20of20LAW_Chapters201_2.pdf
17. Raz J. Legal principles and the limits of law // The Yale Law Journal. 1972. № 81. P. 823-854. URL: https://scholarship.law.columbia.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1531&context=faculty_scholarship
18. Александров Н.Г. Социалистические принципы советского права // Советское государство и право. 1957. № 6. С. 16-29. URL: <http://lawlibrary.ru/article1041261.html>
19. Чечина Н.А. Принципы советского гражданского процессуального права и их нормативное закрепление // Правоведение. 1960. № 3. С. 78-83. URL: <https://poisk-ru.ru/s52814t18.html> (дата обращения: 10.11.2022)
20. Лукашева Е.А. Принципы социалистического права // Советское государство и право. 1970. № 6. С. 21-29. <https://elibrary.ru/wmzmdz>
21. Демичев А.А. Позитивистская классификация принципов современного российского права // Государство и право. 2014. № 5. С. 5-13. <https://elibrary.ru/sgnrrx>
22. Давыдова М.И. Принципы позитивного права в теоретико-правовом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия, социология и социальные технологии. 2016. № 3 (33). С. 36-45. <https://doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.3.5>, <https://elibrary.ru/wxqovd>
23. Баранов А.В. Нормы-принципы в механизме правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 4 (22). С. 5-14. <https://doi.org/10.17223/22253513/22/1>, <https://elibrary.ru/xnhnln>
24. Демичев А.А., Илюхина В.А. К вопросу о месте закрепления принципов права в нормативных правовых актах (сравнительный анализ российского и армянского опыта) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2. С. 23-27. <https://doi.org/10.24411/2078-5356-2019-10203>, <https://elibrary.ru/muxfar>
25. Илюхина В.А. Универсальная модель закрепления принципов права в кодифицированных нормативных правовых актах (общетеоретическое исследование) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 2. С. 31-35. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-2-31-35>, <https://elibrary.ru/xhytbg>
26. Воронов А.Ф. Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. М.: Изд. дом «Городец», 2009. 496 с. URL: https://perviydoc.ru/v43391/воронов_а.ф._принципы_гражданского_процесса_прошлое,_настоящее,_будущее
27. Cankorel T. Cognitive classification of legal principles: a new approach to international legal training // Ankara Law Review. 2008. Vol. 5. № 2. P. 153-200. URL: <https://dergiler.ankara.edu.tr/xmlui/bitstream/handle/20.500.12575/42807/16909.pdf?sequence=1&isAllowed=y>
28. Daci J. Legal principles, legal values and legal norms: are they the same or different? // Academicus International Scientific Journal. 2010. № 2. P. 109-115. URL: <https://www.academicus.edu.al/nr2/Academicus-MMX-2-109-115.pdf>
29. Еришов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М.: РГУП, 2018. 628 с. URL: <https://op.raj.ru/index.php/serijnye-izdaniya/103-monografii/642-ershov-v-v-pravovoe-i-individualnoe-regulirovanie-obshchestvennykh-otnoshenij>
30. Ershov V.V. The essence of the principles of law // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2018. № 11 (12). P. 2089-2103. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0375>, <https://elibrary.ru/yrqkot>
31. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Философско-правовая природа правового принципа: методологические проблемы исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 3. С. 547-571. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2020-24-3-547-571>, <https://elibrary.ru/smsyof>

32. Амосов С.М., Некрасов С.Ю. Современные типы правопонимания и правореализация принципов гражданского процессуального права // Академический юридический журнал. 2020. № 4 (82). С. 48-52. <https://elibrary.ru/pxefsq>

References

1. Dworkin R. (1986). *Law's Empire*. Cambridge, Harvard University Press, 470 p. Available at: <https://www.filosoficas.unam.mx/~cruzparc/empire.pdf>
2. Dworkin R. (1967). The model of rules. *University of Chicago Law Review*, vol. 35, pp. 14-46. Available at: <https://chicagounbound.uchicago.edu/uclrev/vol35/iss1/3/>
3. Dworkin R. (2004). *Taking Rights Seriously*. Moscow, ROSSPEN Publ., 389 p. (In Russ.) Available at: <https://studfile.net/preview/1765930/>
4. Lapaeva V.V. (2013). R. Dworkin's concept of law in the context of libertarian theory of law. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, no. 4, pp. 142-169. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sambud>
5. Vetyutnev Yu.Yu. (2005). O pravoponimani Ronal'da Dvorkina [On the legal understanding of Ronald Dworkin]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, no. 10, pp. 93-102. (In Russ.) <https://elibrary.ru/opcuf>
6. Kasatkin S.N. (2018). Doctrine of legal principles and critique of positivism in works of "Early" R. Dworkin. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Pravo = Bulletin of Samara Academy for the Humanities. Series: Law*, no. 1 (20), pp. 3-22. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ywmazf>
7. Lapaeva V.V. (2012). *Tipy pravoponimaniya: pravovaya teoriya i praktika* [Types of Law Understanding: Legal Theory and Practice]. Moscow, Russian Academy of Justice Publ., 580 p. (In Russ.) Available at: <http://philosophicalclub.ru/content/docs/Lapaeva.pdf>
8. Nersesyan V.S. (2009). *Pravo i pravovoi zakon: stanovlenie i razvitie* [Law and Legal Law: Formation and Development]. Moscow, Norma Publ., 384 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004321350>
9. Nersesyan V.S. (2020). *Sovremennoe pravo: teoriya i metodologiya* [Modern Law: Theory and Methodology]. Moscow, Norma; INFRA-M Publ., 304 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005472728>
10. Chetvernin V.A. (2007). *Sovremennaya libertarno-yuridicheskaya teoriya* [Modern libertarian legal theory]. *Ezhegodnik libertarno-yuridicheskoi teorii* [Yearbook of Libertarian Legal Theory]. Moscow, SU HSE Publishing House, no. 1, pp. 5-9. (In Russ.) Available at: <https://www.hse.ru/data/2010/02/20/1232122347/300%2025.02.pdf>
11. Varlamova N.V. (2010). *Tipologiya pravoponimaniya i sovremennye tendentsii razvitiya teorii prava* [Typology of Legal Understanding and Modern Trends in the Development of the Theory of Law]. St. Petersburg, National Research University Higher School of Economics Publ., 143 p. (In Russ.) Available at: <http://www.igpran.ru/aspirantura/obuchenie/literatura/problemy-tgp/Варламова-Типология%20правопонимания.pdf>
12. Nersesyants V.S. (1983). *Pravo i zakon: Iz istorii pravovykh uchenii* [Law and Legislation: From the History of Legal Doctrines]. Moscow, Nauka Publ., 366 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001140427>
13. Ilyukhina V.A. (2022). Principles of law in the libertarian legal theory of V.S. Nersesyants. *Vestnik Nizhegorodskogo instituta upravleniya = Bulletin of the Nizhny Novgorod Institute of Management*, no. 1 (63), pp. 58-64. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xhntub>
14. Nersesyants V.S. (1996). *Pravo – matematika svobody. Opyt proshlogo i perspektivy* [Law is the Mathematics of Freedom. Past Experiences and Perspectives]. Moscow, Yurist', 160 p. (In Russ.) Available at: <https://psihdocs.ru/nersesyanc-v-s-pravo-matematika-svobodi-opit-proshlogo-i-persp.html>
15. Nersesyants V.S. (2004). *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow, Norma Publ., 656 p. (In Russ.) Available at: <https://artsakhib.am/wp-content/plugins/download-attachments/includes/download.php?id=31435>
16. Hart H.L.A. (1961). *The Concept of Law*. New York, Oxford University Press, 258 p. Available at: http://fs2.american.edu/dfagel/www/Class20Readings/Hart/Concept20of20LAW_Chapters201_2.pdf
17. Raz J. (1972). Legal principles and the limits of law. *The Yale Law Journal*, no. 81, pp. 823-854. Available at: https://scholarship.law.columbia.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1531&context=faculty_scholarship
18. Aleksandrov N.G. (1957). *Sotsialisticheskie printsipy sovetского prava* [Socialist principles of Soviet law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], no. 6, pp. 16-29. (In Russ.) Available at: <http://lawlibrary.ru/article1041261.html>

19. Chechina N.A. (1960). Printsipy sovetskogo grazhdanskogo protsessual'nogo prava i ikh normativnoe zakreplenie [Principles of Soviet civil procedural law and their normative consolidation]. *Pravovedenie* [Law Science], no. 3, pp. 78-83. (In Russ.) Available at: <https://poisk-ru.ru/s52814t18.html> (accessed: 10.11.2022)
20. Lukasheva E.A. (1970). Printsipy sotsialisticheskogo prava [Principles of socialist law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], no. 6, pp. 21-29. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wmzmdz>
21. Demichev A.A. (2014). Positivist classification of principles of modern Russian law. *Gosudarstvo i pravo* = *State and Law*, no. 5, pp. 5-13. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sgnrrx>
22. Davydova M.L. (2016). The principles of positive law in the theoretical and legal discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya, sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii* = *Science Journal of Volgograd State University. Series 7: Philosophy. Sociology and Social Technologies*, no. 3 (33), pp. 36-45. (In Russ.) <https://doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.3.5>, <https://elibrary.ru/wxqovd>
23. Baranov A.V. (2016). Norms-principles in the mechanism of legal regulation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* = *Tomsk State University Journal of Law*, no. 4 (22), pp. 5-14. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/22253513/22/1>, <https://elibrary.ru/xhnhln>
24. Demichev A.A., Ilyukhina V.A. (2019). On the issue of the place of consolidation of the principles of law in normative legal acts (a comparative analysis of the Russian and Armenian experience). *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* = *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 2, pp. 23-27. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2078-5356-2019-10203>, <https://elibrary.ru/muxfar>
25. Ilyukhina V.A. (2021). A Universal model of consolidating the principles of law in codified normative legal acts (general theoretical study). *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* = *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 2, pp. 31-35. (In Russ.) <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-2-31-35>, <https://elibrary.ru/xhytbg>
26. Voronov A.F. (2009). *Printsipy grazhdanskogo protsessa: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Principles of Civil Process: Past, Present, Future]. Moscow, Publishing House "Gorodets", 496 p. (In Russ.) Available at: https://perviydoc.ru/v43391/voronov_a.f._printsipy_grazhdanskogo_protsessa_proshloe,_nastoyashchee,_budushchee
27. Cankorel T. (2008). Cognitive classification of legal principles: a new approach to international legal training. *Ankara Law Review*, vol. 5, no. 2, pp. 153-200. Available at: <https://dergiler.ankara.edu.tr/xmlui/bitstream/handle/20.500.12575/42807/16909.pdf?sequence=1&isAllowed=y>
28. Daci J. (2010). Legal principles, legal values and legal norms: are they the same or different? *Academicus International Scientific Journal*, no. 2, pp. 109-115. Available at: <https://www.academicus.edu.al/nr2/Academicus-MMX-2-109-115.pdf>
29. Ershov V.V. (2018). *Pravovoe i individual'noe regulirovanie obshchestvennykh otnoshenij* [Legal and Individual Regulation of Public Relations]. Moscow, Russian State University of Justice Publ., 628 p. (In Russ.) Available at: <https://op.raj.ru/index.php/serijnye-izdaniya/103-monografii/642-ershov-v-v-pravovoe-i-individualnoe-regulirovanie-obshchestvennykh-otnoshenij>
30. Ershov V.V. (2018). The essence of the principles of law. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, no. 11 (12), pp. 2089-2103. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0375>, <https://elibrary.ru/yqrkot>
31. Skorobogatov A.V., Krasnov A.V. (2020). Philosophical and legal nature of the law principle: methodological problems of research. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki* = *RUDN Journal of Law*, vol. 24, no. 3, pp. 547-571. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2020-24-3-547-571>, <https://elibrary.ru/smsyof>
32. Amosov S.M., Nekrasov S.Yu. (2020). Modern types of legal understanding and legal realization of the principles of civil procedure law. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal* = *Academic Law Journal*, no. 4 (82), pp. 48-52. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pxefsq>

Поступила в редакцию / Received 08.12.2022

Поступила после рецензирования / Revised 15.02.2023

Принята к публикации / Accepted 17.03.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.5

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-17-27>

Шифр научной специальности 5.1.1

Перспективы развития нормативно-правового обеспечения политики Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации в научно-инновационной и образовательной сферах

© КЛИМУК Владимир Владимирович,

первый проректор, кандидат экономических наук, доцент, Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Республика Беларусь, 225404, г. Барановичи, ул. Войкова, 21, <https://orcid.org/0000-0003-0928-8453>, ResearcherID: AAA-4257-2019, ScopusID: 57208086189, klimuk-science@yandex.ru

© ЗЕЛЕПУКИН Роман Валерьевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392036, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, <https://orcid.org/0000-0002-0307-4385>, ResearcherID: AAX-6885-2021, ScopusID: 57836319300, lexcomlex@yandex.ru

Аннотация

Исследована нормативно-правовая среда в сфере научно-инновационного и образовательного сотрудничества Беларуси и России в рамках Союзного государства. Представлен обзор нормативных правовых актов, регулирующих вопросы интеграции Беларуси и России в векторе научно-технического, образовательного сотрудничества. Выделены перспективы развития нормативно-правового обеспечения политики Союзного государства в научно-инновационной и образовательной сферах. Предметом настоящего исследования являются нормативные акты Союзного государства и его стран-участниц, регламентирующие и устанавливающие векторы развития комплекса мер в научно-инновационной и образовательной сферах внутри рассматриваемого межгосударственного объединения, практика применения и реализации данных актов, а также доктринальные взгляды и подходы применительно к заявленной теме. Цель исследования заключается в выявлении степени институционализации политики Союзного государства в научно-инновационной и образовательной сферах как комплекса целенаправленных мер по развитию и реализации установленных целей и задач в заданных сферах общественных отношений и социально-экономического состояния, а также в установлении уровня нормативно-правового обеспечения указанного комплекса мер. Авторы приходят к выводу, что в настоящее время нормативно-правовое сопровождение деятельности Союзного государства в научно-инновационной и образовательной сферах носит обеспечительный характер, но не имеет системного выражения, что особенно проявляется в недостаточной степени институционализации политики Союзного государства в рассматриваемых сферах. Выделены и охарактеризованы правотворческая, правоприменительная и правоохранительная формы нормативно-правового обеспечения политики в рассматриваемых сферах.

Ключевые слова

научно-правовое обеспечение, Союзное государство, научно-инновационная сфера, образовательная сфера, интеграция

Для цитирования

Климук В.В., Зелепукин Р.В. Перспективы развития нормативно-правового обеспечения политики Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации в научно-инновационной и образовательной сферах // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 1. С. 17-27. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-17-27>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-17-27>

**Prospects for the development of regulatory and legal support
for the policy of the Union State of Republic of Belarus
and Russian Federation
in the scientific, innovative and educational spheres**

© Vladimir V. KLIMUK,

First Vice-Rector, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Baranavichy State University, 21 Vojkava St., Baranavichy, 225404, Republic of Belarus, <https://orcid.org/0000-0003-0928-8453>, ResearcherID: AAA-4257-2019, ScopusID: 57208086189, klimuk-science@yandex.ru

© Roman V. ZELEPUKIN,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of Constitutional and International Law Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-0307-4385>, ResearcherID: AAX-6885-2021, ScopusID: 57836319300, lexcomlex@yandex.ru

Abstract

The regulatory and legal environment in the field of scientific, innovative and educational cooperation between Belarus and Russia within the framework of the Union State is studied. The review of normative legal acts regulating the issues of integration of Belarus and Russia in the vector of scientific-technical, educational cooperation is presented. Prospects for the development of regulatory support for the policy of the Union State in the scientific, innovative and educational spheres are highlighted. The subject of this study is the regulations of the Union State and its member countries that regulate and establish the vectors for the development of a set of measures in the scientific, innovative and educational spheres within the considered interstate association, the practice of applying and implementing these acts, as well as doctrinal views and approaches in relation to the stated topic. The purpose of the study is to identify the degree of institutionalization of the policy of the Union State in the scientific, innovative and educational spheres as a set of targeted measures for the development and implementation of established goals and objectives in given areas of social relations and socio-economic status, as well as to establish the level of regulatory and legal support for this set of measures. We come to the conclusion that at present, the regulatory and legal support of the activities of the Union State in the scientific, innovative and educational spheres is of a provisional nature, but does not have a systemic expression, which is especially manifested in the insufficient degree of institutionalization of the policy of the Union State in the areas under consideration. Law-making, law-application and law-enforcement forms of normative-legal support of policy in the considered spheres are singled out and characterized.

Keywords

scientific and legal support, Union State, scientific and innovative sphere, educational sphere, integration

For citation

Klimuk, V.V., & Zelepukin, R.V. (2023). Prospects for the development of regulatory and legal support for the policy of the Union State of Republic of Belarus and Russian Federation in the scientific, innovative and educational spheres. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 1, pp. 17-27 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-17-27>

Введение. Постановка проблемы

Республика Беларусь и Российская Федерация в силу исторической и культурной общности имеют сопоставимые стратегические интересы в научно-инновационной и образовательной сферах. В рамках Союзного государства проводится ряд социально-правовых мероприятий по интеграции в указанных сферах. Россия и Беларусь, имея общие организационно-правовые наработки и ресурсы, стремятся к созданию и развитию единого научно-технологического пространства, направленного на обеспечение выстраивания приоритетов научно-инновационной и образовательной политики посредством объединения усилий, ресурсного потенциала союзных стран.

Основной целью интеграционной политики в условиях глобализации и инновационного развития является создание благоприятных условий для роста конкурентоспособности стран-участниц. В силу многокомпонентного характера данные процессы требуют эффективного нормативно-правового обеспечения, а также учета особенностей национальных экономик и социальных интересов.

Одной из целей становления и развития Союзного государства согласно Договору между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 8 декабря 1999 г. «О создании Союзного государства»¹ является создание условий для достойной жизнедеятельности представителей двух государств посредством предоставления равных прав их гражданам в политических, социально-экономических и иных сферах. Важно отметить, что развитие науки, образования, культуры, а также создание условий для сохранения имеющихся ценностей и их дальнейшего развития и совершенствования находятся в совместном ведении стран-участниц Союзного государства. Отдельно в Договоре закрепляется положение о предоставлении равных прав гражданам России и Беларуси на получение образования и других социальных гарантий, что также является общей зоной ответственности государств-участников.

¹ Договор о создании Союзного государства (Москва, 8.12.1999) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 7. Ст. 786.

Тематика развития политики Союзного государства в научно-инновационной и образовательной сферах актуализируется в условиях современных внешних вызовов и угроз, предполагая развитие рассматриваемых сфер за счет решения стоящих задач собственными ресурсами стран-участниц Союзного государства, эффективно развивая внутренний потенциал и рационально используя собственные ресурсы.

Вопросы развития научно-инновационного и образовательного пространства Союзного государства поднимались в трудах представителей академий наук России и Беларуси [1–3] в начале десятых годов. В это же время вышло крупное монографическое исследование об участии Беларуси в региональных интеграционных проектах, где достаточно подробно изучены и рассмотрены интересы и потенциальные риски интеграционных процессов, в том числе в научно-инновационной и образовательных сферах [4]. К концу прошлого десятилетия можно заметить появление работ, посвященных инновационному развитию Союзного государства и сотрудничеству между странами-участницами в этой области [5; 6]. В отдельных работах представителями как профессорско-преподавательской среды, так и молодыми учеными поднимались вопросы об инструментах развития сотрудничества в сфере науки и образования Союзного государства Беларуси и России [7], проблемных вопросах и перспективах белорусско-российской интеграции в научно-образовательной сфере [8], проблемных вопросах в международном сотрудничестве в сфере инноваций правового регулирования на примере взаимодействия в сфере инноваций в рамках Союзного государства России и Беларуси [9], академической мобильности в Союзном государстве [10], а также исследования концептуальных основ сотрудничества стран-участниц Союзного государства, в том числе в рассматриваемой сфере [11]. В научной литературе неоднократно отмечалась необходимость сотрудничества России и Беларуси, а также его нормативно-правовое обеспечения, поскольку, имея общий исторический путь, указанные государства имеют существенный потенциал. Так, по мнению М.С. Соколова и М.Н. Сурилова, «в рамках Союзного

государства должен быть детально проработан «антикризисный блок» с набором измеримых показателей и мероприятий, способных сократить воздействие политических, экономических, социальных и технологических вызовов для союзной интеграции» [6, с. 266]. Однако тема единой политики Союзного государства в научно-инновационной и образовательных сферах и ее правовое обеспечение остается малоизученной и требует теоретического осмысления, выработки научно обоснованных практико-ориентированных рекомендаций.

Результаты исследования

Темпы и объемы интеграции Беларуси и России поэтапно растут как в направлении экономической интеграции, так и в научно-технологической, образовательной сферах. Так, за период 2005–2021 гг. ежегодно наблюдается рост объемов внешней торговли товарами и услугами: по Беларуси среднегодовой темп прироста по данному индикатору составил 18,2 %, по России – 13,6 %. По итогам 2022 г. достигнут рекордный показатель по взаимному товарообороту Беларуси и России – 50 млрд долл. США. В рамках научно-технологической интеграции реализуются программы Союзного государства, представляющие собой «комплекс совместных мероприятий по укреплению безопасности, решению крупных социально-экономических задач государств-участников Договора о создании Союзного государства, включающий в себя проведение научно-исследовательских, опытно-конструкторских, технологических, производственных, организационно-хозяйственных и других работ, согласованных по исполнителям, ресурсам и срокам их осуществления»². С 2000 г. уже реализовано 69 союзных программ.

Взаимодействие в рамках Союзного государства осуществляется посредством заключения различных соглашений в научно-образовательных и культурных сферах, наиболее значимым из которых является Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в области

культуры, образования и науки³ от 21 февраля 1995 г. Данный акт направлен, в первую очередь, на содействие взаимному развитию в рассматриваемых сферах, а также на реализацию таких направлений, как подготовка кадров в области науки, образования и культуры, обмен опытом между заинтересованными субъектами и иное.

Помимо этого, в Соглашении дано указание на то, что представители Союзного государства вправе проводить мероприятия, конференции, взаимные консультации по вопросам определения приоритетных направлений научно-исследовательских работ, по информированию о результатах проведенных исследований, а также по вопросам научного обмена и сотрудничества. Данные положения во многом затрагивают создание и развитие единого пространства, основанного на взаимодействии в сферах науки, образования и культуры.

При изучении нормативно-правовой базы следует остановить внимание на соглашениях, направленных на развитие двустороннего образовательного сотрудничества, которые составляют основу взаимодействия между странами-участницами Союзного государства. В данной связи отметим Постановление Исполнительного Комитета Сообщества Беларуси и России от 11 апреля 1996 г. № 1 «О равных правах граждан на получение образования»⁴, которое закрепляет доступность и равенство прав граждан Союзного государства на получение среднего, высшего и послевузовского профессионального образования. Помимо этого, важным нормативным актом представляется Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях⁵.

³ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в области культуры, образования и науки (Минск, 21.02.1995) // Бюллетень международных договоров. 1997. № 11.

⁴ О равных правах граждан на получение образования: Постановление Исполнительного Комитета Сообщества Беларуси и России от 11.04.1996 № 1 // Российская газета. 1996.

⁵ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о

² Информационно-аналитический портал Союзного государства. URL: <https://soyuz.by/projects/ldfklr> (дата обращения: 15.01.2023).

Согласно указанному Соглашению, граждане Российской Федерации и Республики Беларусь имеют равные права на получение образования в странах-участниках, при этом обладая гарантией на признание документов об образовании государственного образца для второго государства, что дает возможность открытого осуществления профессиональной деятельности. Так, граждане России имеют право на поступление в белорусские вузы на основании аттестатов российского образца, и соответственно, данное правило распространяется на граждан Республики Беларусь.

Фундамент и основные векторы сотрудничества и взаимодействия в сфере науки и инноваций были заложены в Соглашении между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о научно-техническом сотрудничестве⁶. Основной задачей, закрепленной в Соглашении, является содействие развитию и укреплению сотрудничества между странами в области науки и техники в целях совершенствования социально-экономического потенциала Беларуси и России.

Следует признать справедливость позиции Р.Н. Морозова о том, что «создание единого научно-образовательного пространства является первоочередной задачей в процессе углубления интеграционного взаимодействия России и Беларуси». Мы, безусловно, согласны с тем, что «при всем многообразии мнений и подходов, связанных с белорусско-российской интеграцией, очевидно, что данное направление имеет стабильную тенденцию к укреплению и дальнейшему развитию, вовлекая в этот процесс все больше граждан и образовательных учреждений [8, с. 67]».

Как отмечается в научной литературе, в России и в Беларуси научно-техническое развитие осуществляется по утвержденным на высшем государственном уровне приори-

тетным направлениям. «Сходство, а по ряду направлений и совпадение этих приоритетов открывают дополнительные возможности для интеграции научно-технической деятельности. В первую очередь, это относится к таким приоритетным направлениям научно-технической деятельности России и Беларуси, как энергетика и энергосбережение, биотехнологии и фармацевтика, информационно-телекоммуникационные системы, индустрия наносистем и новых материалов, рациональное природопользование и некоторые другие», – отмечают С.М. Дедков и В.К. Егоров [2, с. 53]. Несмотря на то, что этот тезис был высказан еще в 2012 г., его актуальность не потеряла значения, неся в себе перманентный характер.

Традиционными стали такие формы сотрудничества, как повышение квалификации педагогических работников из Беларуси в учебных заведениях России, проведение совместных научных мероприятий, обмен опытом школьного самоуправления, взаимные визиты делегаций педагогов, академические обмены и т. д. Реализуется потенциал братских стран в направлении разработки и реализации совместных образовательных программ.

В 2001 г. было заключено новое соглашение о сотрудничестве в сфере образования⁷, согласно которому стороны договорились о создании совместного высшего учебного заведения. С созданием Белорусско-Российского университета (на базе машиностроительного технического университета) в 2003 г. в городе Могилев укрепились правовая основа для заключения двусторонних договоров о межрегиональном и приграничном сотрудничестве белорусских и российских высших учебных заведений на уровнях факультетов, кафедр, библиотек, студенческих организаций [12, с. 39]. В апреле 2006 г. на совещании ректоров высших учебных заведений белорусско-российского приграничья было принято решение о создании Международной ассоциации вузов приграничных областей Беларуси и России [4, с. 229].

взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях (Москва, 27.02.1996) // Бюллетень международных договоров. 1996. № 6. С. 60.

⁶ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о научно-техническом сотрудничестве (Москва, 27.02.1996). Доступ из СПС Гарант.

⁷ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь об условиях учреждения и деятельности Российско-Белорусского университета (Могилев, 19.01.2001) // Бюллетень международных договоров. 2003. № 8.

Отношения, возникающие в ходе разработки и реализации научно-инновационных, образовательных и культурных программ, представляющих взаимный интерес и направленных на решение общих проблем России и Беларуси, регулируются положениями Порядка разработки и реализации проектов Союзного государства. Помимо этого, в документе дано указание на значимость экономической интеграции, которая способствует осуществлению координации совместной деятельности⁸.

Среди стратегически важных нормативных правовых актов выделим Постановление Парламентского Собрания Союза Беларуси и России, утверждающего приоритетные направления и первоочередные задачи дальнейшего развития Союзного государства⁹, согласно которым страны-участницы Союзного государства стремятся к формированию единого научно-технического пространства, общего образовательного пространства, молодежной политики и общего культурно-информационного пространства. Реализация данных направлений осуществляется посредством:

- разработки и реализации программ в научной, технической и технологической сферах;
- укрепления взаимодействия между высшими учебными заведениями России и Беларуси, в том числе путем проведения научных конференций, организации академического обмена обучающимися и научными работниками и др.;
- сопоставления образовательных программ и сроков получения образования, а также унификации специальностей;
- внедрения новых подходов к формированию единого информационного пространства между Российской Федерацией и Республикой Беларусь и др.

⁸ О порядке разработки и реализации проектов Союзного государств: Постановление Совета Министров Союзного государства от 10.02.2017 № 5 «а». Доступ из СПС Гарант.

⁹ О приоритетных направлениях и первоочередных задачах дальнейшего развития Союзного государства на 2018–2022 годы: Постановление Парламентского Собрания Союза Беларуси и России от 15.06.2017 № ЛП-4 // Информационный бюллетень Парламентского Собрания Союза Беларуси и России. 2017. № 2.

В данном контексте остановим внимание на постановлении Совета Министров Союзного государства от 16 июня 2017 г. № 19 «Об основных направлениях формирования единого научно-технологического пространства Союзного государства»¹⁰, которое определило основные направления совместной научно-технической и инновационной политики. В частности, в постановлении дается указание на то, что данная политика осуществляется посредством проведения совместных научно-технических программ, направленных на реализацию социально-экономических и правовых задач государств. Подобные программы и проекты находят отражение в образовательной сфере, области освоения космоса, компьютерных технологиях и иных направлениях.

Акцент сделаем на том, что формирование единого пространства запрограммировано на объединение научно-технических и образовательных потенциалов стран-участников Союзного государства, в том числе с использованием национальных разработок и инновационных систем как уникальных преимуществ. Рассматриваемые положения при их должной реализации должны способствовать ускоренному росту достижений в указанных сферах, а также повысить уровень конкурентоспособности государств.

Согласно постановлению одной из приоритетных задач является не только развитие договорно-правовой базы между Российской Федерацией и Республикой Беларусь, но и совершенствование национальных законодательств в научно-инновационных и образовательных сферах, их сравнительно-правовой анализ и подготовка предложений по их согласованию.

На современном этапе особое внимание уделяется определению наиболее перспективных и актуальных направлений совместной деятельности России и Беларуси. Так, в 2020 г. был уточнен и принят Примерный перечень приоритетных научно-технологических и инновационных программ и проектов Союзно-

¹⁰ Об основных направлениях формирования единого научно-технологического пространства Союзного государства: Постановление Совета Министров Союзного государства от 16.06.2017 № 19. Доступ из СПС Гарант.

го государства для их дальнейшей разработки, утверждения и реализации¹¹. На наш взгляд, данный документ способствует наиболее скоординированной деятельности по решению проблем, значимых как для одной, так и для другой стороны. В частности, определяются первоочередные задачи, требующие скорейшего решения, а также задачи, поставленные на перспективу развития.

Помимо этого, на сегодняшний день в сфере образования Министерством просвещения РФ и Министерством образования РБ принят План мероприятий по развитию взаимодействия ведомств в 2023–2024 гг., который направлен на выстраивание общей концепции образовательного пространства Союзного государства, а также на взаимное совершенствование и развитие образовательных программ¹².

Одним из направлений реализуемых мероприятий в силу информатизации общественных отношений является установление сотрудничества в сфере цифрового образования, в том числе интеграция цифровых платформ, действующих на национальных уровнях, и создание единых подходов к разработке цифровых образовательных ресурсов. Такие мероприятия призваны усилить процесс взаимодействия образовательных систем, что окажет положительное влияние на общее развитие Союзного государства. Кроме этого, в документе дается оценка необходимости и важности организации повышения квалификации сотрудников образовательной и научной сфер на взаимной основе, а также развития сотрудничества в международной оценке качества труда.

В целом отметим, что рассматриваемый План содержит 32 пункта, согласно которым

в 2023–2024 гг. планируется проведение взаимных курсов повышения квалификации для белорусских и российских педагогов, создание единого ресурсного центра, формирование экспертного сообщества преподавателей и мастеров производственного обучения и др.

В сфере научно-инновационного развития особое место отводится актам национального уровня, в частности, Указу Президента РФ «О стратегии научно-технологического развития РФ»¹³, Указу Президента РБ «О государственной программе инновационного развития Республика Беларусь на 2021–2025 гг.»¹⁴, закону РБ «Об основах государственной научно-технической политики»¹⁵. Однако следует признать, что национальные акты стратегического характера требуют системного и обоснованного внедрения совместных мер Союзного государства в научно-инновационной и образовательной сферах.

В данном контексте стоит отметить Межгосударственную программу инновационного сотрудничества государств-участников СНГ на период до 2030 г., основными целями которой является формирование единого пространства, направленного на инновационное сотрудничество, определение зон взаимных интересов и создание условий для их эффективной реализации. Российская Федерация и Республика Беларусь являются ведущими странами-участниками, чья политика активным образом содействует реализации поставленных целей.

Важнейшим направлением в интеграционном научно-техническом векторе Беларуси и России выступает реализация союзных программ. Утвержден Порядок разработки и реализации программ Союзного государст-

¹¹ О Примерном перечне приоритетных научно-технологических и инновационных программ и проектов Союзного государства для их дальнейшей разработки, утверждения и реализации: Резолюция Совета Министров Союзного государства Беларуси и России от 3.08.2020 № 2. Доступ из СПС Гарант.

¹² В 2023–2024 годах Россия и Белоруссия проведут мероприятия по обмену педагогическим опытом, совместные патриотические акции и фестивали // Минпросвещения России: офиц. сайт. 2023 11 янв. URL: <https://edu.gov.ru/press/6413/v-2023-2024-godah-rossiya-i-belorussiya-provedut-meropriyatiya-po-obmenu-pedagogicheskim-opytom-sovmestnye-patrioticheskie-akcii-i-festivali/> (дата обращения: 18.01.2023).

¹³ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 1.12.2016 № 642 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 49. Ст. 6887.

¹⁴ О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг.: Указ Президента РБ от 15.09.2021 № 348. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32100348> (дата обращения: 18.01.2023).

¹⁵ Об основах государственной научно-технической политики: Закон Республики Беларусь № 2105-XII от 19.01.1993 (с изм. и доп. № 74-3 от 04.01.2021). URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=v19302105> (дата обращения: 25.12.2022).

ва¹⁶, согласно которому выделен ряд критериев при отборе проблемных задач для совместного решения, требования к содержанию концепции союзной программы, структуре и содержанию разделов проекта союзной программы, отражен порядок реализации, финансирования, контроля за ходом реализации союзной программы и подведения итогов ее реализации.

На сегодняшний день меры сотрудничества и взаимодействия в сфере науки и инноваций Союзного государства особенно проявляются в контексте научных разработок, связанных с технологическими и предпринимательскими направлениями, что также обусловлено необходимостью реализации импортозамещающих проектов. Одновременно с этим в сфере рассматриваемого сотрудничества тема подготовки и переподготовки кадров для науки и промышленности также находится в приоритете для обеих стран. Как отмечает А.И. Иванец, Министр образования Республики Беларусь, «развитие инженерных школ в Союзном государстве выходит на первый план, потому что вопросы технологической безопасности во многом связаны с подготовкой инженерно-технических кадров и реализацией крупных проектов. В этой связи знаковым является взаимодействие Белорусского национального технического университета с российскими коллегами, в рамках которого белорусские коллеги вошли в консорциум ведущих инженерных школ и в ходе пятилетней программы будут реализовывать системные проекты, направленные не только на подготовку соответствующих кадров, но и реализацию научно-технических проектов Союзного государства, имеющих важное прикладное значение для реального сектора экономики¹⁷». В свою очередь, в сфере обра-

зования развивается сотрудничество в области подготовки педагогических кадров, о чем свидетельствует создание Ассоциации школ Российской Федерации и Республики Беларусь¹⁸. Ассоциация была создана в рамках исполнения Протокола совместного заседания коллегий Министерства просвещения Российской Федерации, Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь, Министерства образования Республики Беларусь, состоявшегося 15 декабря 2020 г. Как мы видим, подготовка кадров является ключевым компонентом как в научно-инновационном, так и в образовательном сегменте Союзного государства.

Отдельным прорывом в системном развитии комплекса мер по развитию научно-инновационной и образовательной сферы стало подписание в 2021 г. соглашения между Российским научным фондом и Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований о сотрудничестве, который позволяет на регулярной основе совместно поддерживать лучшие исследовательские проекты, реализуемые коллективами российских и белорусских ученых¹⁹. «Наша программа сотрудничества с белорусскими партнерами позволит вывести на новый уровень эффективности исследования по широкому спектру направлений, в которых работают ученые России и Белоруссии. Большие научные вызовы, которые стоят перед учеными наших стран, требуют концентрации ресурсов для удовлетворения важнейших запросов общества», – прокомментировал начало нового сотрудничества глава Российского научного фонда Александр Хлунов. «Особый акцент будет сделан на обеспечении безупречного научного качества поддержанных проектов и привлече-

¹⁶ Порядок разработки и реализации программ Союзного государства (в редакции постановления Совета Министров Союзного государства № 8 от 23.04.2010); Постановление Совета Министров Союзного государства № 7 от 11.10.2000. URL: <https://economy.gov.by/ru/poradokrazrabotki-ru/> (дата обращения: 25.12.2022).

¹⁷ Иванец: сотрудничество в образовании, науке и инновациях играет важную роль в строительстве СГ // Информационно-аналитический портал Союзного государства: сайт. 2022. 12 авг. URL: <https://soyuz.by/obshchestvo/ivanec-sotrudnichestvo-v-obrazovanii-nauke->

i-innovaciyah-igraet-vazhnuyu-rol-v-stroitelstve-sg (дата обращения: 28.12.2022).

¹⁸ Ассоциация школ Российской Федерации и Республики Беларусь: сайт. URL: <https://asrfrb.ru/> (дата обращения: 28.12.2022).

¹⁹ РНФ подписал соглашение с Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований // Российский научный фонд: сайт. 2021. 1 сент. URL: <https://rscf.ru/news/found/rnf-podpisal-soglasheniye-s-belorusskim-respublikanskim-fondom-fundamentalnykh-issledovaniy/> (дата обращения: 28.12.2022).

нии к совместной проектной работе талантливой молодежи двух стран. Думаю, что все это будет полезно для дальнейшего развития научных связей, которые являются одной из важнейших составляющих всего комплекса российско-белорусского стратегического партнерства²⁰». Первый совместный конкурс для 3-летних проектов в рамках реализации подписанного соглашения был объявлен в 2022 г., и в январе 2023 г. проекты победителей начали получать финансирование. Отбор победителей в рамках совместного конкурса осуществляется по результатам независимой экспертизы в соответствии с установленными РНФ и БРФФИ правилами и процедурами²¹. Следует признать, что данный конкурс устанавливает достаточно существенные «входные» требования к руководителям и участникам проектов. С одной стороны, это предопределяет высокий уровень научных коллективов, но, с другой стороны, ограничивает молодых исследователей, начинающих специалистов и их объединения, особенно в условиях требований к количеству публикаций в международных библиографических базах. В связи с этим обоснованным может быть признан: во-первых, дифференцированный подход к совместным конкурсам, ориентированным как на состоявшиеся коллективы, так и на перспективные коллективы молодых ученых; во-вторых, в изменении наукометрических показателей для научных коллективов молодых ученых как формальных требований для допуска к участию в конкурсах Российского научного фонда и Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований.

Заключение

На сегодняшний день нормативно-правовое сопровождение деятельности Союзного государства в научно-инновационной и

образовательной сферах носит обеспечительный характер, но не имеет системного выражения, что особенно проявляется в недостаточной степени институционализации политики Союзного государства в рассматриваемых сферах. Представляется возможным выделить правотворческую, правоприменительную и правоохранительную формы нормативно-правового обеспечения политики Союзного государства в научно-инновационной и образовательной сферах. Первая форма находит свое выражение в большей степени за счет принимаемых актов как на уровне Союзного государства, так и на уровне стран-участниц. Вторая форма выражается посредством деятельности органов Союзного государства, выполняющих функции администрирования, и уполномоченных органов стран-участниц, которыми являются Министерство просвещения Российской Федерации, Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Государственный комитет по науке и технологиям Республики Беларусь, Министерство образования Республики Беларусь. При этом третья форма, правоохранительная, не имеет собственного выражения и требует закрепления средств проявления в источниках нормативно-правового регулирования в научно-инновационной и образовательной сферах Союзного государства.

Сама структура таких источников включает в себя два уровня. Первый – это договоры и соглашения Республики Беларусь и Российской Федерации, акты Союзного государства его органов, второй – это национальные нормативные правовые акты, принимаемые странами-участницами во исполнение актов первого уровня. Важно обеспечить продолжение идей, принципов и установок актов первого уровня в актах второго, то есть интегрировать их в национальные правовые системы.

Результаты белорусско-российского взаимодействия в научно-технической, образовательной сферах характеризуются высокой эффективностью и требуют дальнейшего развития с целью создания совместных конкурентоспособных разработок, увеличения доли наукоемкой и высокотехнологичной продукции, эффективного использова-

²⁰ Там же.

²¹ Перечень поддержанных проектов по итогам конкурса 2022 года на получение грантов РНФ по приоритетному направлению деятельности РНФ «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований международными научными коллективами» (совместно с Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований (БРФФИ)) // Российский научный фонд: сайт. URL: <https://rscf.ru/upload/iblock/d63/yx3sbctxqwi61sc6c58blm0tbfvuiwfw.pdf> (дата обращения: 18.01.2023).

ния совместного ресурсного, в первую очередь – интеллектуального, потенциала.

Субъектами нормативно-правового обеспечения являются субъекты реализации указанных выше форм и включают в свой перечень также два уровня – как уровня Союзного государства, так и национального уровня, предполагая в своем составе как органы, наделенные законодательными пол-

номочиями и полномочиями по принятию подзаконных актов, так и органы, осуществляющие функции правоприменения. Таким образом, вопрос выстраивания четкой структуры полномочий субъектов нормативно-правового обеспечения требует дальнейшего изучения и эмпирического обоснования, что в перспективе может стать предметом отдельного исследования.

Список источников

1. Иванов В.В., Марков А.В. Пути формирования единого научно-технологического пространства Беларуси и России // Наука и инновации. 2011. № 100. С. 43-46. <https://elibrary.ru/wwzbzj>
2. Дедков С.М., Егоров В.К. Российско-Белорусское научное сотрудничество на первом этапе союзных отношений: восстановление единого научного пространства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 2 (20). С. 50-59. <https://elibrary.ru/owwilh>
3. Дедков С.М. Стратегия формирования единого научно-инновационного пространства Беларуси и России в рамках Союзного государства // Наука и инновации. 2013. № 128. С. 45-49. <https://elibrary.ru/ttiidr>
4. Беларусь в интеграционных проектах / А.К. Акулик [и др.]. Минск: Беларус. навука, 2011. 322 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005382289>
5. Соколов М.С., Абрамов Р.А. Институциональные аспекты межгосударственной интеграции стран-участников Союзного государства в инновационной сфере // Теоретическая и прикладная экономика. 2017. № 2. С. 113-127. <https://elibrary.ru/yujbrx>
6. Соколов М.С., Сурилов М.Н. Проблемы формирования единого научно-технологического пространства Союзного государства России и Беларуси // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. № 3 (24). С. 263-266. <https://elibrary.ru/ylgyrn>
7. Бозатырева В.В. Инструменты развития сотрудничества в сфере науки и образования союзного государства Беларуси и России // Инжиниринг и управление: от теории к практике: сб. материалов 18 Междунар. науч.-практ. конф. / под. ред. В.Ю. Солодовникова. Минск: Беларус. нац. тех. ун-т, 2021. С. 26-27. <https://elibrary.ru/wtjnnp>
8. Морозов Р.Н. Белорусско-российская интеграция в научно-образовательной сфере: проблемы и перспективы // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. 2019. № 3. С. 63-68. <https://elibrary.ru/gtjqse>
9. Проскуровская М.Г. Международное сотрудничество в сфере инноваций: проблемы правового регулирования на примере взаимодействия в сфере инноваций в рамках Союзного государства России и Республики Беларусь // Colloquium-Journal. 2021. № 21 (108). С. 57-59. <https://doi.org/10.24412/2520-6990-2021-21108-57-59>, <https://elibrary.ru/wrvpte>
10. Борисова И.Д., Кирова И.О. Правовые основы интенсификации академической мобильности в Союзном государстве // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2 (55). С. 163-167. <https://elibrary.ru/mmmmdl>
11. Иванов В.В., Малинецкий Г.Г., Сиренко С.Н., Колесников А.В. Концептуальные подходы к формированию сотрудничества России и Республики Беларусь // Общественные науки и современность. 2022. № 2. С. 7-20. <https://doi.org/10.31857/S0869049922020010>, <https://elibrary.ru/euvmhk>
12. Козляков В.Е. Роль Союзного государства в развитии межвузовского сотрудничества Беларуси и России // Труды БГТУ. Серия 6: История, Философия. 2017. № 2. С. 38-41. <https://elibrary.ru/ylmawk>

References

1. Ivanov V.V., Markov A.V. (2011). The ways of forming of united scientific and technological space of Belarus and Russia. *Nauka i innovatsii = Science and Innovation*, no. 100, pp. 43-46. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wwzbzj>
2. Dedkov S.M., Egorov V.K. (2012). Scientific collaboration between Russia and Belarus at the first stage of allied relations: the restoration of a single research area. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, no. 2 (20), pp. 50-59. (In Russ.) <https://elibrary.ru/owwilh>

3. Dedkov S.M. (2013). A strategy of creating a common scientific and innovation space of Belarus and Russia within the Union State. *Nauka i innovatsii = Science and Innovation*, no. 128, pp. 45-49. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ttiidr>
4. Akulik A.K. et al. (2011). *Belarus' v integratsionnykh proekta* [Belarus in Integration Projects]. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 322 p. (In Russ.) URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005382289>
5. Sokolov M.S., Abramov R.A. (2017). Institutsional'nye aspekty mezhgosudarstvennoi integratsii stran-uchastnikov Soyuznogo gosudarstva v innovatsionnoi sfere [Institutional aspects of interstate integration of the member states of the Union State in the innovation sphere]. *Teoreticheskaya i prikladnaya ekonomika = Theoretical and Applied Economics*, no. 2, pp. 113-127. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yujbrx>
6. Sokolov M.S., Surilov M.N. (2018). The problems of forming of united scientific and technological space of the union state of Russia and Belarus. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie = Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*, no. 3 (24), pp. 263-266. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ylgyrn>
7. Bogatyreva V.V. (2021). Instrumenty razvitiya sotrudnichestva v sfere nauki i obrazovaniya soyuznogo gosudarstva Belarusi i Rossii [Instruments for the development of cooperation in the field of science and education of the union state of Belarus and Russia]. Solodovnikov V.Yu. (ed.). In: *Sbornik materialov 18 Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Inzhiniring i upravlenie: ot teorii k praktike»* [Collection of Materials of the 18th International Scientific and Practical Conference "Engineering and Control: from Theory to Practice"]. Minsk, Belarusian National Technical University Publ., pp. 26-27. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wtjnnp>
8. Morozov R.N. (2019). Belarusian-Russian integration in research and educational: problems and prospects. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya B: Gumanitarnye nauki = Bulletin of Donetsk National University. Series B: Humanities*, no. 3, pp. 63-68. (In Russ.) <https://elibrary.ru/gtjqse>
9. Proskurovskaya M.G. (2021). International cooperation in the sphere of innovation: problems of legal regulation on the example of interaction in the sphere of innovation within the Union State of Russia and the republic of Belarus. *Colloquium-Journal*, no. 21 (108), pp. 57-59. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2520-6990-2021-21108-57-59>, <https://elibrary.ru/wrvpte>
10. Borisova I.D., Kirova I.O. (2020). Legal basis for intensification of academic mobility in the Union State. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo institute = Bulletin of Vladimir Law Institute*, no. 2 (55), pp. 163-167. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mmmdbdl>
11. Ivanov V.V., Malinetskii G.G., Sirenko S.N., Kolesnikov A.V. (2022). Conceptual approaches to the formation to cooperation between Russia and the Republic of Belarus. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Contemporary World*, no. 2, pp. 7-20. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S0869049922020010>, <https://elibrary.ru/euvmhk>
12. Kozlyakov V.E. (2017). The role of the Union State in the development of Belarus and Russia university partnership. *Trudy BGTU. Seriya 6: Istoriya, Filosofiya = Proceedings of BSTU. Issue 6: History, Philosophy*, no. 2, pp. 38-41. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ylmawk>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Authors declare no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 29.01.2023

Поступила после рецензирования / Revised 15.03.2023

Принята к публикации / Accepted 17.03.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 34.01

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-28-34>

Шифр научной специальности 5.1.1

Правовая реальность в контексте социальной реальности: философско-правовой аспект

© МАЛКОВ Никита Геннадьевич,

аспирант, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33; ведущий специалист, Адвокатское бюро «Ильюшихин и партнеры», Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191187, г. Санкт-Петербург, ул. Чайковского, 1, корп. 2, <https://orcid.org/0000-0002-3892-6234>, malkoff.ukropchik@yandex.ru

Аннотация

Представлен философско-правовой анализ категории «правовая реальность» применительно к проблематике соотношения данного юридического феномена с категорией «социальная реальность». Автором декларируется и предлагается к изучению особая связь концептов «социальная реальность» и «правовая реальность» вне рамок общей теории права. С учетом связи данных концептов представляется, что «правовая реальность» как философско-правовая категория оказывается ближе всего к интерпретации в качестве «слоя»/«среза» или, по существу, отдельного проявления «социальной реальности». Особое внимание уделено постановке проблемы разного понимания социальных явлений применительно к правовой и социальной реальности, вопросам возможной интерпретации фактов социальной жизни абсолютно по-разному в «правовой реальности» и «социальной реальности». Отличия же не выступают в качестве противоречий, а представляют собой, в известной степени, многообразие форм социальной жизни. При наличии точек соприкосновения усматривается простор для интерпретации разных проявлений «правовой реальности». В качестве примеров соприкосновения «социальной реальности» и «правовой реальности» автор обращается к социальным и правовым аспектам такой правовой категории, как «вещь», а также важности языка для формирования «правовой реальности».

Ключевые слова

правовая реальность, социальная реальность, философия права, онтология права, вещь

Для цитирования

Малков Н.Г. Правовая реальность в контексте социальной реальности: философско-правовой аспект // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 1. С. 28-34. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-28-34>

Legal reality in the context of social reality: a philosophical-legal perspective

© Nikita G. MALKOV,

Post-Graduate Student, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation; Leading Specialist, Law Office “Ilyushihin and Partners”, bldg 2, 1, Chaykovskogo St., St. Petersburg, 191187, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-3892-6234>, malkoff.ukropchik@yandex.ru

Abstract

The philosophical and legal analysis of the category “legal reality” is presented in relation to the problems of the correlation of this legal phenomenon with the category “social reality”. The author declares and proposes to study the special relationship between the concepts of “social reality” and “legal reality” outside the framework of the general theory of law. Taking into account the connection of these concepts, it seems that “legal reality” as a philosophical and legal category is closest to interpretation as a “layer”/a “slice” or, in essence, a separate manifestation of “social reality”. Special attention is paid to the formulation of the problem of different understanding of social phenomena in relation to legal and social reality, the issues of possible interpretation of the facts of social life in absolutely different ways in “legal reality” and “social reality”. Differences, on the other hand, do not act as contradictions, but represent, to a certain extent, a variety of forms of social life. If there are points of contact, there is room for interpretation of various manifestations of “legal reality”. As examples of the contact between “social reality” and “legal reality”, the author refers to the social and legal aspects of such a legal category as “thing”, as well as the importance of language for the formation of “legal reality”.

Keywords

legal reality, social reality, philosophy of law, ontology of law, thing

For citation

Malkov, N.G. (2023). Legal reality in the context of social reality: a philosophical-legal perspective. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 1, pp. 28-34 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-28-34>

Введение. Постановка проблемы

Сфера действия права и границы правового регулирования – это одни из ключевых вопросов философии права и теории права. В свою очередь, право, как регулятор общественных отношений, очерчивает данную сферу с предельной четкостью через определение конкретных общественных отношений, уже представляющих собой правоотношения, возникающие между субъектами права на основе правовых норм¹.

¹ Автор сознательно избегает дискуссий по поводу «определяющей» и «основополагающей» формы права и типа правопонимания (а также источника права) применительно к описываемой в статье проблематике, поскольку для понимания в общем виде структуры правовой реальности в современном обществе недостаточно обращения к какому-либо одному источнику права или методу осмысления правовых явлений, учитывая многогранность и различное проявление тех или иных правовых явлений на современном этапе развития права.

При этом «нормирование» общественных отношений одним лишь правом явным образом не ограничивается, и структурирование «социальной реальности» как особой онтологической категории, определяющей саму сущность общества, как наиболее общей социальной системы, исходит, прежде всего, от социальных норм.

Вместе с тем «социальная реальность», состоящая из общественных отношений и социальных норм, многогранна и многоаспектна, и право в той или иной форме совершенно по-разному описывает те или иные явления общественной жизни.

Вопросы о том, необходимо ли вообще праву регулировать те или иные общественные отношения, остаются острыми, не теряют своей актуальности и не обходятся вниманием не только юристов, но и исследователей из смежных гуманитарных дисциплин ввиду общей междисциплинарной

направленности современных исследований².

Цель исследования выражается в постановке общей проблематики, формировании сущностных (генеральных) подходов и формировании дискурса относительно соотношения «правовой реальности» и «социальной реальности» в философско-правовых обсуждениях.

В качестве известной *методологии*, учитывая специфику исследуемого вопроса, необходимо обращение к общетеоретическим методам и анализ правовых явлений через призму философии права, социологии права, а также сопоставление правовых явлений, понятий и процессов и выявление между ними сходства и различий в рамках сравнительно-правового метода.

Результаты исследования

Говоря о «правовой реальности» и её соотношении с «социальной реальностью», стоит начать с осмысления вышеописанного феномена и, как более частной сферы по отношению к тематике формы проявления права как такового, в «социальной реальности».

«Правовая реальность», сама выступающая в качестве онтологической категории, исследуемой философией права, по справедливому выражению Г.А. Гаджиева, выступает в качестве философской теории среднего уровня, «примиряющей» общую философию с юриспруденцией [1, с. 6], являющаяся составной частью «социальной реальности», зачастую по-разному интерпретируется, исходя из контекста исследований. Например, применительно к некоторым исследованиям по конституционному праву правовую реальность предполагается делить на две составляющие: 1) сам нормативно-правовой массив юридических доку-

ментов (законов, актов государственных органов, актов местного самоуправления и т. д.); 2) практику правоприменения, применения юридических документов [2, с. 43-44].

В данном случае, как указано нами ранее, скорее допустимо говорить о разных методах понимания правовых явлений, базирующихся на разных типах правопонимания, которые на современном этапе развития права оказываются в равном положении и позволяют получить более полные знания о различного рода правовых явлениях при обращении к ним [3, с. 12].

При этом, в более общих исследованиях, посвященных онтологии права, «правовая реальность» скорее определяется именно как особая специфическая часть «общественной реальности», объединяющая собой различные правовые явления: «идеальные» и «материальные» [4, с. 85] или же саму по себе «реальность» правовых явлений [5, с. 79].

Данное понимание «правовой реальности», хотя и носит абстрактный характер, вместе с тем, позволяет рассмотреть данный феномен с точки зрения наиболее общего взгляда на право и на «правовую действительность», безотносительно специфики и особенностей юридического знания и в особой зависимости «правовой реальности» от «общественного бытия».

В таком случае все, что специфически развивается в праве и закладывает основы его относительной автономии и автономии правовых явлений, может разворачиваться в рамках «целого» (онтологической категории) и как один из компонентов социальной реальности, как раз и выступающей в качестве «целого» [6, р. 204].

Принимая во внимание вышеуказанное, философско-правовой аспект феномена «правовая реальность» раскрывается применительно к общему «философскому взгляду» на право именно как на явление общественной жизни.

Поскольку философское знание – это не набор строгих «методов» и не описание заранее заданного и строгого «предмета», в данном случае философия выступает как совершенно особая «ветвь» поиска знаний, в рамках которой философские проблемы, поставленные философами, демонстрируют особый вид общности, которую не найти в

² Всё это обусловлено общей тенденцией к поиску новых методов для исследования права как феномена общественной жизни, стало объектом не только самой юриспруденции, отсюда появились такие междисциплинарные направления, как «социология права», «право и когнитивная психология», «право и философия», «право и экономика», «антропология права» и т. д. Подробнее см., например: Гаджиев Г.А. Российские исследования в области права и экономики: уточнение юридической картины мира // Пресс-служба Конституционного суда Российской Федерации. 2017. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=3329> (дата обращения 31.03.2021).

других предметных областях [7, р. XII-XII]. И можно сказать, что эта общность знаний, их универсальность и особая сущностная проблематика и составляют философское знание и «философский взгляд», но также и невозможно выбрать правильную и единственно верную формулировку для понимания «философского взгляда» и «философии» [8, с. 15].

Важно и то, что философия и «философское знание» направлены на критическое исследование и осмысление большинства идей и концептов [9, с. 16]. Сама по себе универсальность и общность философских знаний позволяет применять выработанные подходы в рамках исследований, а теоретические научные исследования права зачастую не могут обойтись без обращения к философским аспектам, которые в свою очередь только усиливают аргументацию.

Применительно к феномену «правовая реальность» ранее нами было отмечено, что в общем виде данный феномен по-разному интерпретируется в рамках разных отраслевых правовых исследований и терминологически может определять те явления, которые исследователи хотели бы обозначить как относимые к праву в его социальном проявлении.

Вместе с тем общий концепт «правовой реальности» неотделим от «социальной реальности» и самой реальности мира повседневной жизни (в данном случае терминологически «реальность мира повседневной жизни» эквивалента «социальной реальности» в интерпретации основоположника данных концептов А. Шюца) [10, с. 402-428] и представляет собой «слой» социальной реальности или одну из «проявляющихся социальных реальностей». По верному выражению Г.А. Гаджиева, право выступает очень искаженным зеркальным отражением действительности [1, с. 13] и выступает в качестве такого «наслоения» на существующую «социальную реальность», действительность, становясь «правовой действительностью».

Данные концепты справедливы, поскольку в «социальной реальности» не всегда можно найти то, что существует в «правовой реальности», и наоборот то, что имеет определенный смысл в рамках общественной жизни, в праве может иметь совершенно иную интерпретацию, иногда близкую к

существующей в реальности, а иногда и вовсе отличную и находящуюся в праве свою совершенно иную интерпретацию.

«Классическим» и наиболее релевантным примером выступает такая категория, как «вещь», которая в праве имеет свою собственную интерпретацию и ценность, вместе с тем тесно связанную с «социальной реальностью». При этом «вещь» выступает не как часть реального-материального – природного, а как часть социальной реальности и принадлежит «миру», то есть обществу [11, с. 126-129]. По сути, акт «создания вещи» – это социальный акт, который совершается индивидом в рамках его сводной воли (в общем виде наличие у индивида свободы воли является главной философской предпосылкой к существованию права) [12, с. 67-68], и «вещь» буквально «конструируется» в рамках такого социального акта, вырывается из сферы «природного», становясь «социальным», а в дальнейшем и правовым явлением – объектом гражданских прав со своим особым правовым режимом.

Вопрос «конструирования вещей» представляет собой целостный и обширный феномен общественной жизни. Данный феномен включает в себя экономические, социальные и в отдельной части философские предпосылки для его формирования. Право само по себе в данном случае выступает важным инструментом для обеспечения предпосылок, которые без соответствующего регулирования в общественной жизни лишились бы своей ценности и так же, как было отмечено нами ранее, само выступает отдельным «слоем», «ипостасью» данного общественного феномена.

Тезис о ценности каждого из проявлений «социальной реальности» можно проиллюстрировать простейшим абстрактным примером, данным Б.Н. Чичериным: если человек сам обработал землю (сюда можно включить ее улучшение путем возведения строений) или построил жилище, никто не может сомневаться в том, что это принадлежит именно ему [13, с. 86]. Данный пример в общем виде касается вопроса о философско-правовых основаниях собственности и, прежде всего, о принадлежности «вещи», «вещей» тому или иному конкретному лицу в силу «естественного закона», но также и ил-

люстрирует вышеописанные «социальные акты» и их «наслаиваемость» и взаимообусловленность.

Сама по себе важность хозяйственной деятельности и хозяйства, в широком смысле, как социальной деятельности, направленной на удовлетворение потребностей человека, дополняется тем, что, как отмечает С.Н. Булгаков, хозяйство выражается во множестве раздробленных хозяйственных актов, совершаемых отдельными людьми, но эти частные акты выступают в качестве единой функции, единой деятельности [14, с. 77].

Поскольку хозяйство включает в себя различные хозяйственные акты, важно чтобы существовало «пространство» для осуществления данных актов, которым в материальном смысле всегда выступала земля. В свою очередь осуществление данных хозяйственных актов возможно при обустройстве данного «пространства» и в дальнейшем при «конструировании» в «социальной реальности» и «правовой реальности» нового вида «вещей» – недвижимых вещей, где право в дальнейшем как регулятор общественных отношений на основе существующих социальных предпосылок и отношения индивидов к недвижимости вырабатывает соответствующие модели по регулированию данных отношений.

Другим важным аспектом для существования в «социальной реальности» отдельной «правовой реальности» является интерпретация социальных фактов (актов) с точки зрения языка. Сама по себе возможность посредством языка и особых речевых актов (в свою очередь предполагаются те речевые акты, которые Дж.Л. Остин определял как перформативные высказывания (перформативы), то есть те речевые акты (высказывания), произнесение которых уже является выполнением действия, а не просто произнесением чего-либо) [15, р. 6-7] влиять и воздействовать на «социальную реальность» выступает в качестве важнейшей философской предпосылки для существования «правовой реальности».

Поскольку многие перформативы являются, как указывал Дж.Л. Остин, договорными (*contractual*) или декларативными (*declaratory*) [15, р. 7], прежде всего, для сферы «правовой реальности» важным выступает класс таких перформативов, как

декларации. Как отмечает С.М. Левин, объясняя концепцию социальной реальности Дж. Сёрла [16; 17] (развившего теорию речевых актов Дж.Л. Остина), декларации достигают двух направлений соответствия: слова приводятся в соответствие с миром, а мир – в соответствие со словами [18, с. 166-167] и люди способны сами творить реальность, назвав что-то реальным. Отсюда в результате такой декларации и создается особая «правовая реальность», как часть «социальной реальности».

Заключение

Принимая во внимание вышеописанное, следует допустить, что особая связь концептов «социальная реальность» и «правовая реальность» находится в области изучения философии права, где для интерпретации правовых явлений допустимо обращение к общим философским концептам для описания указанной связи.

В таком случае, для формирования общего и ориентированного дальнейший поиск универсальных предпосылок дискурса относительно соотношения «правовой реальности» и «социальной реальности» необходимо обращение к искомым философским предпосылкам данных феноменов.

При этом философско-правовой аспект феномена «правовая реальность» раскрывается применительно к общему «философскому взгляду» на право именно как на явление общественной жизни, а «социальная реальность» выступает в таком случае в качестве наиболее общего и усредненного представления об общественной жизни.

Поскольку «правовая реальность» как философско-правовая категория предполагается нами в качестве «слоя» или отдельного проявления «социальной реальности», правовые явления требуют интерпретации с учетом контекста «социальной реальности», а также возможных философских обоснований «социальной реальности»: её создания (конструирования), функционирования и взаимосвязи.

Сама по себе интерпретация правовых явлений в рамках контекста «социальной реальности» предполагает обращение к искомым социальным фактам и их дальнейшее осмысление посредством языка для формирования «означаемого» явления уже в рамках «правовой реальности».

Список источников

1. Гаджиев Г.А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности). М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 320 с. URL: https://spb.hse.ru/data/2013/01/24/1306332435/Gadjiyev_Ontologia_prava.pdf (дата обращения: 02.09.2022)
2. Демидов Д.Г. Положения Конституции Российской Федерации в контексте правоприменения: к проблеме правовой реальности // Администратор суда. 2020. № 4. С. 43-47. <https://elibrary.ru/eoqtxx>
3. Антонов М.В. Теория государства и права. М.: Изд-во Юрайт, 2018. 497 с. URL: <https://avidreaders.ru/read-book/teoriya-gosudarstva-i-prava-uchebnik-i-1.html> (дата обращения: 02.09.2022)
4. Попова А.В. Онтология (бытие) права в современных реалиях правового регулирования социально ориентированной экономики // Lex Russica. 2020. Т. 73. № 3. С. 80-89. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.160.3.080-089>, <https://elibrary.ru/uecsyj>
5. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность России: философско-правовой анализ // Российский журнал правовых исследований. 2015. Т. 2. № 1. С. 79-85. <https://elibrary.ru/tjzton>
6. Varga C. Towards the ontological foundation of law (Some Theses on the Basis of Lukács' Ontology) // Filosofia del Derecho y Problemas de Filosofía Social / coord. L. José, B. Curiel. México: Universidad Nacional Autónoma de México, 1984. P. 203-216. URL: <http://ru.juridicas.unam.mx/xmlui/handle/123456789/10013> (accessed: 02.09.2022)
7. Pritchard D. What Is This Thing Called Philosophy? L.: Routledge, 2015. 408 p. <https://doi.org/10.4324/9780203771006>
8. Ясперс К. Введение в философию / пер. с нем. под ред. А.А. Михайлова. Минск: Проппен, 2000. 192 с. URL: <https://elib.natlibaryrm.ru/lib/document/EK/5978AACC-6896-463A-BDAC-414B31048955/>
9. Нагель Т. Что все это значит? Очень краткое введение в философию / пер. с англ. А. Толстова. М.: Идея-Пресс, 2001. 84 с. URL: https://logic-books.info/sites/default/files/nagel_что_это_все_znachit.pdf (дата обращения: 02.09.2022)
10. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. В.Г. Николаева, С.В. Ромашко, Н.М. Смирновой. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 1056 с. URL: <http://yanko.lib.ru/books/philosoph/shutz-izbr-mir-a.htm> (дата обращения: 02.09.2022)
11. Скловский К.И., Костко В.С. О понятии вещи. Деньги. Недвижимость // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 7. С. 115-143. <https://elibrary.ru/xsvjfb>
12. Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем. Б.Г. Столпнера, М.И. Левиной; ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. М.: Мысль, 1990. 524 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001565942>
13. Чичерин Б.Н. Философия права. Избранные сочинения. М.: Изд-во Юрайт, 2020. 371 с. <https://elibrary.ru/vjghqw>
14. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: Изд-во Юрайт, 2020. 282 с. <https://elibrary.ru/yvwmsl>
15. Austin J.L. How to Do Things with Words: The William James Lectures delivered at Harvard University in 1955. Oxford: Clarendon Press, 1962. 168 p. URL: <https://archive.org/details/HowToDoThingsWithWordsAUSTIN/page/n1/mode/2up> (accessed: 02.09.2022)
16. Searle J. The Construction of Social Reality. N. Y.: Free Press, 1995. 241 p. URL: https://archive.org/details/john-r.-searle-construction-of-social-reality-1995-free-press_202012/mode/2up (accessed: 02.09.2022)
17. Searle J. Making the Social World: The Structure of Human Civilization. Oxford: Oxford University Press, 2010. 224 p. URL: <https://archive.org/details/makingsocialworl0001sear/page/n5/mode/2up> (accessed: 02.09.2022)
18. Левин С.М. Метафизика и общая теория социальной реальности Дж. Серла // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2011. Т. 2. № 3. С. 161-171. <https://elibrary.ru/ozohil>

References

1. Gadzhiev G.A. (2013). *Ontologiya prava: (kriticheskoe issledovanie yuridicheskogo kontsepta deistvitel'nosti)* [Ontology of Law: (Critical Study of the Legal Concept of Reality)]. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 320 p. (In Russ.) Available at: https://spb.hse.ru/data/2013/01/24/1306332435/Gadjiyev_Ontologia_prava.pdf (accessed 02.09.2022)
2. Demidov D.G. (2020). Provisions of the constitution of the Russian Federation within the framework of law enforcement: on the legal reality issue. *Administrators suda = Court's Administrator*, no. 4, pp. 43-47. (In Russ.) <https://elibrary.ru/eoqtxx>

3. Antonov M.V. (2018). *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, URAIT Publ., 497 p. (In Russ.) Available at: <https://avidreaders.ru/read-book/teoriya-gosudarstva-i-prava-uchebnik-i-1.html> (accessed 02.09.2022)
4. Popova A.V. (2020). Ontology (existence) of law in modern realities of legal regulation of socially oriented economy. *Lex Russica* [Russian Law], vol. 73, no. 3, pp. 80-89. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.160.3.080-089>, <https://elibrary.ru/uecsyj>
5. Skorobogatov A.V., Krasnov A.V. (2015). Law reality of Russia: philosophical-law analysis. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy = Russian Journal of Legal Studies*, vol. 2, no. 1, pp. 79-85. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tjzton>
6. Varga C. (1984). Towards the ontological foundation of law (Some Theses on the Basis of Lukács' Ontology). In: José L., Curiel B. (eds.-compilers). *Filosofía del Derecho y Problemas de Filosofía Social*, México: Universidad Nacional Autónoma de México Publ., pp. 203-216. Available at: <http://ru.juridicas.unam.mx/xmlui/handle/123456789/10013> (accessed 02.09.2022)
7. Pritchard D. (2015). *What Is This Thing Called Philosophy?* London, Routledge Publ., 408 p. <https://doi.org/10.4324/9780203771006>
8. Yaspers K. (2000). *Vvedenie v filosofiyu* [Introduction to Philosophy]. Minsk, Propilen Publ., 192 p. (In Russ.) Available at: <https://elib.natlibaryrm.ru/lib/document/EK/5978AACC-6896-463A-BDAC-414B31048955/>
9. Nagel T. (2001). *Chto vse eto znachit? Ochen' kratkoe vvedenie v filosofiyu* [What Does it all Mean. A Very Short Introduction to Philosophy]. Moscow, Idea-Press, 84 p. (In Russ.) Available at: https://logic-books.info/sites/default/files/nagel_ chto_eto_vse_znachit.pdf (accessed 02.09.2022)
10. Shchyuts A. (2004). *Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom* [Favorites: World Glowing with Meaning]. Moscow, Russian Political Encyclopedia Publ., 1056 p. (In Russ.) Available at: <http://yanko.lib.ru/books/philosoph/shutz-izbr-mir-a.htm> (accessed 02.09.2022)
11. Sklovskii K.I., Kostko V.S. (2018). On the concept of a thing. Money. Real estate. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii = Herald of Economic Justice*, no. 7, pp. 115-143. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xsvjfb>
12. Gegel G.V.F. (1990). *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow, Mysl Publ., 524 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001565942>
13. Chicherin B.N. (2020). *Filosofiya prava. Izbrannye sochineniya* [Philosophy of Law. Selected Writings]. Moscow, URAIT Publ., 371 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vjghqw>
14. Bulgakov S.N. (2020). *Filosofiya khozyaystva* [Philosophy of Economy]. Moscow, URAIT Publ., 282 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yvwmsl>
15. Austin J.L. (1962). *How to Do Things with Words*. Oxford, Clarendon Press, 168 p. Available at: <https://archive.org/details/HowToDoThingsWithWordsAUSTIN/page/n1/mode/2up> (accessed 02.09.2022)
16. Searle J. (1995). *The Construction of Social Reality*. New York, Free Press, 241 p. Available at: https://archive.org/details/john-r.-searle-construction-of-social-reality-1995-free-press_202012/mode/2up (accessed 02.09.2022)
17. Searle J. (2010). *Making the Social World: The Structure of Human Civilization*. Oxford, Oxford University Press, 224 p. Available at: <https://archive.org/details/makingsocialworl0001sear/page/n5/mode/2up> (accessed 02.09.2022)
18. Levin S.M. (2011). Metaphysics and general theory of social reality of J. Searle. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina = Pushkin Leningrad State University Journal*, vol. 2, no. 3, pp. 161-171. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ozohil>

Поступила в редакцию / Received 06.10.2022

Поступила после рецензирования / Revised 28.02.2023

Принята к публикации / Accepted 17.03.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.12+340.13

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-35-44>

Шифр научной специальности 5.1.1

Соотношение реабилитации и абилитации инвалидов

© **НОСЫРЕВА Алена Евгеньевна**,

адвокат, Некоммерческая организация «Коллегия адвокатов» № 64 Яйского района Кемеровской области, Российская Федерация, 652100, Кемеровская область – Кузбасс, Яйский р-н, пгт. Яя, ул. Ленина, 10, <https://orcid.org/0000-0002-7929-2725>, alyona.nosyreva.1996@mail.ru

© **ГАВРИЛОВА Анжелика Васильевна**,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Юридического института, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», Российская Федерация, 650070, г. Кемерово, ул. Тухачевского, 33, <https://orcid.org/0000-0002-7957-1898>, anzhik77@mail.ru

Аннотация

Реабилитация и абилитация людей с инвалидностью имеют превалирующее значение на международном и внутригосударственном уровнях современных государств, целями которых являются: компенсация ограничений жизнедеятельности по состоянию здоровья, обеспечение равенства возможностей инвалидов, а также сохранение максимальной независимости. Обоснованность темы обусловлена ее социально-правовой значимостью, отождествлением реабилитационных и абилитационных мероприятий на практике, недостаточным уровнем реализации основных направлений абилитации и реабилитации, что приводит к умалению прав и свобод людей с инвалидностью. Предметом исследования являются основные научные подходы к сущности и правовой природе абилитации и реабилитации. Цель работы представлена комплексным изучением правовой природы и основных подходов реабилитационных и абилитационных мероприятий с позиции международных стандартов, зарубежных источников, а также упущений современной правоприменительной практики. Задачи представлены анализом правовой природы абилитации и реабилитации в ракурсе международного и внутригосударственного права. В работе были использованы логический, формально-юридический метод и метод системного анализа. Результаты работы заключаются в выявлении актуальных теоретических и практических проблем соотношения дефиниций реабилитации и абилитации, что обусловлено их недостаточной дифференциацией. Данная работа представляет ценность для дальнейшей правовой защиты инвалидов в силу установления основных принципов расширения их возможностей в области реабилитации и абилитации. В результате исследования представлено заключение о необходимости комплексного совершенствования отраслевого законодательства, что будет повышать эффективность защиты прав инвалидов.

Ключевые слова

реабилитация, абилитация, теории реабилитации и абилитации, защита прав инвалидов, социальная защита инвалидов

Для цитирования

Носырева А.Е., Гаврилова А.В. Соотношение реабилитации и абилитации инвалидов // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 1. С. 35-44. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-35-44>

The ratio of rehabilitation and habilitation of disabled people

© Alyona E. NOSYREVA,

Advocate, Noncommercial Organization “College of Advocates” no. 64 of the Yaysky District of the Kemerovo Region, 10 Lenina St., Yaya, 652100, Yaysky District, Kemerovo Region – Kuzbass, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-7929-2725>, alyona.nosyreva.1996@mail.ru

© Anzhelika V. GAVRILOVA,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of Theory and History of State and Law Department of Law Institute, Kemerovo State University, 33 Tikhachevskogo St., Kemerovo, 650070, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-7957-1898>, anzhik77@mail.ru

Abstract

Rehabilitation and habilitation of people with disabilities are of paramount importance at the international and domestic levels of modern states, the goals of which are: compensation for disability due to health conditions, ensuring equality of opportunities for disabled people, as well as maintaining maximum independence. The validity of the topic is due to its social and legal significance, the identification of rehabilitation and habilitation measures in practice, the insufficient level of implementation of the main directions of habilitation and rehabilitation, which leads to a diminution of the rights and freedoms of people with disabilities. The subject of study is the main scientific approaches to the essence and legal nature of habilitation and rehabilitation. The purpose of work is a comprehensive study of legal nature and basic approaches of rehabilitation and habilitation measures from the perspective of international standards, foreign sources, as well as omissions of the modern law enforcement system. The tasks are presented by analyzing the legal nature of habilitation and rehabilitation from the perspective of international and domestic law. The work uses the logical, formal-legal method and system analysis method. The results of work are to identify the actual theoretical and practical problems of the relationship between the definitions of rehabilitation and habilitation, which is due to their insufficient differentiation. This work is valuable for further legal protection of persons with disabilities due to the establishment of basic principles for expanding their opportunities in the field of rehabilitation and habilitation. As a result of study, a conclusion is presented on the need for comprehensive improvement of sectoral legislation, which will increase the effectiveness of the protection of the rights of disabled people.

Keywords

rehabilitation, habilitation, rehabilitation and habilitation theories, protection of the rights of disabled people, social protection of disabled people

For citation

Nosyreva, A.E., & Gavrilova, A.V. (2023). The ratio of rehabilitation and habilitation of disabled people. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 1, pp. 35-44 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-35-44>

Введение. Постановка проблемы

Приоритетным направлением социальной политики современного государства является социальная защита инвалидов, целью которой является обеспечение достойного уровня жизни, равных возможностей в реализации законных интересов инвалидов, их интеграции в общественной жизни, «соблюдения прав каждого» [1, с. 57] вне зависимости от состояния здоровья, социального положения и других факторов.

В правовой действительности основные направления социальной защиты инвалидов находятся во взаимосвязи с изменениями в

социальных и культурных установлениях общества, правосознанием граждан, соблюдением законов о запрете дискриминации и т. д. Исследователи регламентируют, что для полной адаптации инвалидов в социальной, правовой, политической среде часто требуются абилитационные и реабилитационные программы (дополнительная поддержка, вспомогательные технологии, специальное обучение, образование и развитие практических навыков), так как до настоящего времени существуют проблемы ограничения правового статуса инвалидов.

Цель работы представлена комплексным изучением правовой природы и основных подходов реабилитационных и абилитационных мероприятий с позиции международных стандартов, зарубежных источников, а также упущений современной правоприменительной системы.

Как верно заметили Е.И. Холостова, Н.Ф. Дементьева, «инвалиды в нашем обществе являются дискриминируемым и сегрегированным меньшинством» [2, с. 7], потому что большинство инвалидов не имеют возможности воспользоваться транспортом, получить образование, трудиться, обзавестись семьей и так далее, что доказывает значимость компенсационных мер реабилитации и абилитации для восполнения ограничений жизнедеятельности.

Однако на практике реабилитация и абилитация отождествляются, а государственные программы социальной поддержки не реализовываются в полном объеме, в результате чего инвалиды ущемляются в правах, что является ключевой проблемой настоящего исследования. Для всестороннего анализа предложенной темы было проведено комплексное изучение правовой природы и основных подходов реабилитационных и абилитационных мероприятий с позиции международных стандартов, зарубежных источников, а также упущений современной правоприменительной системы.

При написании научной статьи было уделено внимание оригинальным английским исследованиям: В. Colin, R. Hurst, D. Skempes, J. Bickenbach, а также российским трудам: С.Н. Пузина, С.С. Меметова, Л.А. Кожушко, Е.О. Гордиевской, Е.М. Старобиной и др.

Результаты исследования

1. Правовая природа реабилитации и абилитации инвалидов

Абилитация и реабилитация – это специальные государственные программы, предназначенные для реализации индивидуальных стратегий правового статуса личности инвалидов в достижении целей, которые они поставили перед собой (от самой простой, как поездка на автобусе, до сложной реализации: получение образования, медицинская реабилитация и пр.).

В результате чего абилитация и реабилитация приобретают решающее значение для обеспечения того, чтобы инвалиды могли пользоваться гарантированными Конституцией правами и свободами, так как без надлежащих (доступных) услуг люди с инвалидностью не могут стать неотъемлемой частью гражданского общества: трудоустроиться, работать, ходить в школу или участвовать в культурных, спортивных или досуговых мероприятиях.

Конвенция по правам инвалидов 2006 г. регламентирует, что для достижения социально-правовой независимости и полной вовлеченности людей с инвалидностью во все аспекты жизни, государства-участники предпринимают эффективные меры государственной поддержки и разрабатывают абилитационные и реабилитационные программы в областях занятости, образования, здравоохранения, социального обслуживания и т. д.

На законодательном уровне закреплена обязанность органов государственной власти, местного самоуправления, организаций независимо от организационно-правовой формы и формы собственности обеспечивать людей с физическими и (или) психическими недостатками комплексом оптимальных реабилитационных и абилитационных мероприятий, разработать индивидуальную программу [3, с. 4], которая может включать: медицинские (санаторно-курортное лечение, обеспечение протезирования, хирургическое вмешательство и др.), социальные (бытовая адаптация, психологическая адаптация, оказание юридической помощи и пр.), профессиональные (содействие в трудоустройстве, прохождении общего и профессионального образования), технические (предоставление кресел-колясок, ортопедических изделий, звукоусиливающих аппаратов) и иные виды услуг.

В последние годы возрастает интерес к основным формам абилитации и реабилитации [4, с. 4], реализующих государственную политику социальной защиты прав и свобод инвалидов (глава III Федерального закона РФ от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (далее по тексту – ФЗ «О социаль-

ной защите инвалидов в РФ»)¹. Так, в статье 9 этого федерального закона закреплено, что «реабилитация инвалидов – это система и процесс полного или частичного восстановления способностей инвалида к бытовой, общественной и профессиональной деятельности». В свою очередь, «абилитация – система и процесс формирования отсутствовавших у инвалидов способностей к бытовой, общественной и профессиональной деятельности». В основном данную форму социальной защиты получают дети-инвалиды [5, p. 5].

Термины «реабилитация» и «абилитация» имеют латинское происхождение, означающее: “re” – восстановление, “habilis” – способность, “abilitatio” – адаптироваться, приспособиться. Таким образом, “rehabilis” – восстановление способности и “abilitatio” – адаптивная способность.

Следовательно, реабилитация, в сущности, предназначена для восстановления навыков и способностей, которые были утрачены в результате приобретения инвалидности и в связи с изменением жизненных обстоятельств (протезно-ортопедическая услуга; ветеринарное обслуживание собак-проводников). Абилитация направлена на оказание помощи инвалидам в приобретении, сохранении или совершенствовании навыков повседневной жизни (физическая, профессиональная и речевая терапия; образовательная ориентация).

Всемирная организация здравоохранения в 1968 г. предоставила комплексное понятие, что реабилитация (абилитация) есть инструмент по «использованию медицинских, социальных, образовательных и профессиональных мер для подготовки инвалида к максимальному функционированию в процессе жизнедеятельности» [5, p. 6].

А. Mair характеризует реабилитацию и абилитацию как «форму по восстановлению личности в полной мере ее физических, умственных и социальных способностей». Другие в зарубежных источниках определяют значимость реабилитации и абилитации с позиции «восстановления человеческого

достоинства» [5, p. 7-8]. R. Hurst полагает, что благодаря формам реабилитации (абилитации) инвалидов можно достичь «максимальную физическую и психологическую пригодность» для общества в целом [6, p. 1084].

Стоит согласиться с позицией доктора C.S. Villalba, что в настоящее время можно выделить два определения реабилитации и абилитации: первое – широкое значение, охватывающее весь «комплекс государственных мероприятий», направленных на восстановление или уменьшение ограниченности жизнедеятельности. Второе – узкое значение, определяющее реабилитацию (абилитацию), как «форму физической, психологической и иной помощи», которая оказывается инвалиду непосредственно через разработанную индивидуальную программу в зависимости от нужды по состоянию здоровья в определенных реабилитационных мероприятиях [5, p. 10].

2. Теории реабилитации и абилитации инвалидов

В настоящее время в зарубежных источниках выделяются теории реабилитационных (абилитационных) направлений, раскрывающих проблематику «инвалидности» как социально-правового явления современного общества: индивидуалистический медицинский подход, либеральный межреляционный подход и радикальный социально-политический подход [7].

Индивидуалистический медицинский подход являлся исторически доминирующим в западной культуре, с XIX века нашел свое отражение в «Международной классификации функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья», опубликованной в 1980 г. [8, с. 102].

Нормативный каталог широко используется в качестве инструмента для разграничений правовых категорий: «нарушение», «инвалидность» и «недостаток»; заболеваний, влияющих на ограничение жизнедеятельности; и регламентации требований проведения медицинской экспертизы как в «богатых» странах мира Европы и Северной Америки, так и в более «бедных» странах Юга и Востока [8, с. 120-122].

Согласно указанной модели, реабилитации (абилитации) людей с инвалидностью

¹ О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 24.11.1995 № 181-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. 27 нояб. № 48. Ст. 4563.

отводится ведущая позиция, главной целью которой является восстановление ограниченных (утраченных) способностей инвалидов в процессе жизнедеятельности путем предоставления медицинской помощи, общей диагностики заболеваний, средств ориентирования (например, собаки-проводники, обозначения), ресурсов самообслуживания, спортивного оборудования и др.

Традиционный индивидуалистический подход раскрывает трилогию понятий «нарушение», «инвалидность» и «недостаток», которые сейчас используются для определения специального статуса инвалидов. В частности, «нарушение» характеризует «любую потерю и (или) отклонение» в психологической, физиологической, анатомической структуре или функции организма. «Инвалидность» – это «ограничение или отсутствие» способности реализовывать правовой статус гражданина, требующее юридической защиты и государственной поддержки. «Недостаток» (в зависимости от возраста, пола и социальных и культурных факторов) – это полное или частичное отсутствие (ограничение) способности выполнять какую-либо функцию в процессе жизнедеятельности.

Однако в научной доктрине «индивидуалистический медицинский подход» постоянно подвергается критике как устаревшая «дискриминационная» теория, так как указанная трилогия не соответствует ни международным нормам, ни признанным гуманистическим ценностям в контексте параллели между «нарушением» и «нормальностью».

Либеральный межреляционный подход есть универсальный классификатор функционирования инвалида в процессе жизнедеятельности, определяющий категории: «нарушение», «деятельность» и «участие». «Деятельность» – это процесс выполнения определенных действий в процессе жизнедеятельности (самообслуживание, передвижение, общение, самореализация способностей и пр.). «Участие» есть вовлечение инвалида в жизненную ситуацию наравне с другими (самоопределение, «личная самость» [9, с. 1051], стимулирование возможностей). С точки зрения указанного подхода «деятельность» и «участие» имеют концептуальное значение для понимания проблем

реализации правового статуса инвалида в социально-культурной и правовой действительности.

Данный межотраслевой подход доказывает последовательную «либерализацию» социальной политики в отношении инвалидов, зародившуюся в конце 1960-х и 1970-х гг., который расширил свое значение уже в XX веке, основываясь на принципах интеграции и социальной мобильности людей с физическими и (или) психическими недостатками в обществе [7, р. 124]. Например, указанный подход нашел свое отражение в «Стандартных правилах обеспечения равных возможностей для инвалидов» (приложение к резолюции 48/96), утверждающих, что государства должны предоставлять программы, которые включают «широкий диапазон» реабилитационных мер, удовлетворяющих «фактические потребности» инвалидов.

Основные направления реабилитации (абилитации) включают комплекс мероприятий, направленных на оптимизацию функционирования и снижение трудностей физических и (или) психических недостатков инвалидов во взаимодействии с обществом (реализация принципа «независимости» и «личной самости», то есть участвовать наравне со всеми в политической жизни, получить достойное образование, трудоустроиться, свободно владеть информацией, знать свои права и основные свободы и др.).

Радикальный социально-политический подход, распространившийся после 1980-х гг., имеет цель «политизировать» инвалидность, то есть придать политический характер проблемам, с которыми повсеместно сталкиваются люди с инвалидностью, и разработать социально-политические и культурные направления их интеграции в обществе [6, р. 1085]. Задачами данного подхода являются: во-первых, распространение социальных ценностей «равенства», во-вторых, поддержание активной гражданской позиции по развитию способностей и полноценной самореализации инвалидов в общественной жизни и, в-третьих, борьба с дискриминацией.

К примеру, известная на сегодняшний день правозащитная организация Международный альянс инвалидов (International Disability Alliance – IDA), учрежденная в 1999 г., осуществляет эффективную реализацию

принципов Конвенции по правам инвалидов (уважение достоинства личности, равенство в правовых возможностях, реабилитация (абилитация) инвалидов, полная реализация потенциала инвалидов для построения «лучшего мира для всех»). Кроме того, в 2017 г. Всемирная организация здравоохранения выступила с международным докладом «Реабилитация 2030 г. – Призыв к действию», в которой было привлечено внимание к проблемам неоднозначного применения средств реабилитации и абилитации при растущем спросе граждан с инвалидностью на услуги социальной защиты.

Благодаря радикальному социально-политическому подходу реабилитация и абилитация для государственной системы приобрели новое значение – борьба с социальным и экономическим неравенством граждан, например: с ограничением средств ориентирования, не квалифицированным оказанием медицинской помощи, правовых услуг, негативным отношением к трудоустройству человека с недостатками здоровья, обесцениванием достоинства личности инвалидов и прочее.

3. Соотношение реабилитации и (или) абилитации

Как определено в Конвенции по правам инвалидов 2006 г., абилитация и реабилитация «позволяют инвалидам достичь и поддерживать максимальную независимость, полные физические, умственные, социальные и профессиональные способности, а также полную интеграцию».

Основные направления реабилитации и абилитации включают: медицинское, социальное, психологическое и другие виды помощи; обучение навыкам самообслуживания, включая мобильность, коммуникацию и навыки повседневной жизни; предоставление технических и мобильных средств и других устройств; специализированные образовательные услуги; услуги профессиональной реабилитации (например, профессиональная ориентация, профессиональная подготовка, трудоустройство) и т. д.

В частности, согласно Конвенции «О профессиональной реабилитации и занятости инвалидов» Международной организации труда (МОТ) № 159 1983 г. цель профессиональной реабилитации состоит в том,

чтобы «дать возможность инвалиду обеспечить, сохранить и продвинуться в подходящей работе и тем самым способствовать дальнейшей интеграции или реинтеграции лица в общество»².

В ФЗ «О социальной защите инвалидов в РФ» регламентируются схожие формы реабилитации и абилитации (медицинская реабилитация; профессиональная ориентация, обучение; социально-средовая, социально-педагогическая, социально-психологическая и социально-культурная реабилитация; физкультурно-оздоровительные мероприятия), которые могут быть реализованы путем предоставления технических средств, создания условий беспрепятственного доступа к объектам инфраструктур и обеспечения свободной информацией (статья 9).

Стоит отметить, что в современной правоприменительной системе существуют проблемы соотношения реабилитации и абилитации как основных направлений социальной защиты инвалидов, в силу отсутствия четкого разграничения и примерного перечня государственных программ. Так, в статье 11 ФЗ «О социальной защите инвалидов в РФ» определено, что индивидуальная программа реабилитации или абилитации инвалида есть комплекс «оптимальных реабилитационных» мер. Между тем в статьях 10 и 11.1 этого же закона присутствует лишь перечень реабилитационных мероприятий и реабилитационных технических средств, что свидетельствует об правовой неопределенности ввиду отсутствия конкретного разграничения по формам реализации реабилитации и абилитации и негласного отождествления данных форм (поглощение реабилитации, как более широкой категории, над абилитацией).

В результате чего усложняется процесс внедрения данных реабилитационных и абилитационных мер на уровнях субъекта. Орган государственной власти самостоятельно разрабатывает направления и порядок реализации индивидуальных программ реабилитации или абилитации [5, р. 6], при этом

² Конвенция Международной организации труда № 159 о профессиональной реабилитации и занятости инвалидов. Женева, 1983. 20 июня. URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/meg-dunar/2540657/> (дата обращения: 18.11.2022)

статья 11 ФЗ «О социальной защите инвалидов в РФ» регламентирует лишь право инвалида отказаться от вида, формы и объема реабилитационных мероприятий. Данный отказ освобождает орган государственной власти (орган местного самоуправления) от исполнения индивидуальной программы. В свою очередь, на практике порядок судебного обжалования усложнен. Фактически, инвалид сталкивается с ситуацией, при которой органы власти предлагают только те реабилитационные и абилитационные мероприятия, которые уже проводятся в подведомственных им организациях.

Следующей проблемой является разграничение понятия реабилитационных мер с американским термином “reasonable accommodation” – «разумное приспособление» инвалидов. Впервые данный термин приобрел правоприменительное значение в «Законе об американских гражданах с ограниченными возможностями»³ – “Americans with Disabilities Act” 1990 г. Так, в статье (sec.) 12102 определено, что государство обязано обеспечить инвалидам доступные реабилитационные услуги, «разумное приспособление» и вспомогательные условия для полной реализации их правового статуса.

В «Законе о реабилитации»⁴ – “Rehabilitation Act” 1973 г. реабилитационные меры имеют расширительное толкование. Так, статья (sec.) 2 регламентирует, что для обеспечения максимальной независимости, экономической самостоятельности и полной интеграции инвалидов в общество необходима разработка доступных направлений в сфере занятости, образования, профессионального развития, реабилитации американских индейцев, транспортной инфраструктуры и многое другое. Юридически «Закон о реабилитации» рассматривает реабилитационные меры как направление, сосредоточенное на оснащении человека конкретными знаниями, инструментами и ресурсами, требуемыми в общественной жизни.

³ The Americans with Disabilities Act. 1990 // AADA.gov: An official website of the United States government. URL: <https://www.ada.gov/law-and-regs/ada/>

⁴ The Rehabilitation Act of 1973 // U.S. Equal Employment Opportunity Commission. URL: <https://www.eeoc.gov/statutes/rehabilitation-act-1973>

В свою очередь, «Закон об американских гражданах с ограниченными возможностями» рассматривает «разумное приспособление» в контексте трудовых отношений как меру, направленную на модификацию (приспособление) условий труда с целью защиты инвалидов от дискриминаций по признаку состояния здоровья.

Законодатель закрепил принцип обеспечения «разумных условий» труда для инвалидов. В частности, статья (sec.) 12111 определяет, что «разумное приспособление» может включать: реструктуризацию рабочих мест; организацию неполного рабочего дня или изменения графика работы; перевод на вакантную должность; модификацию оборудования или устройств; профессиональную переподготовку; корректировку учебных материалов; предоставление квалифицированных переводчиков и другие условия. Следовательно, «разумное приспособление» включает частные направления, необходимые для того, чтобы инвалид был наравне с другими согражданами в реализации своих прав и законных интересов.

Например, работодатель в рамках реабилитации обязан предоставить доступное (безопасное) рабочее место для инвалида, который пользуется инвалидной коляской [10, р. 735], однако фактическое приобретение инвалидной коляски или изменение графика работы данному работнику будет рассматриваться «разумным приспособлением». Однако в науке соотношение реабилитационных мер с «разумным приспособлением» инвалидов подвергается критике, с чем сложно не согласиться. К примеру, если работодатель покупает новое программное обеспечение с распознаванием голоса для работников (в том числе для сотрудников, которые не могут использовать стандартную компьютерную клавиатуру), границы между реабилитацией и «разумным приспособлением» смыкаются, так как работодатель предоставил и вспомогательные технологии (реабилитация), и обучил данного сотрудника использованию нового программного обеспечения (разумное приспособление).

4. Проблемы реализации государственных программ реабилитации и абилитации в России

Сегодня реабилитация и абилитация инвалидов, как основные формы социальной защиты, являются приоритетным направлением государственной политики Российской Федерации, которые ориентированы на улучшение качества жизни людей с инвалидностью, создание условий для достижения и поддержания их максимальной независимости, социально-правовой мобильности, частичную или полную компенсацию физических, социальных и профессиональных способностей.

Реализация социальной программы реабилитации и абилитации инвалидов осуществляется путем предоставления технических средств и новаций; бытовых, психологических, педагогических, юридических, медицинских и иных услуг; производственной адаптации; предоставления социальных услуг, в том числе патронажа; развития творчества, физической культуры и спорта среди инвалидов.

Анализируя статистический обзор уровня обеспеченности необходимыми средствами реабилитации инвалидов, составленной Федеральной службой государственной статистики, можно выявить, что в 2017 г. количество жалоб составило 23,2 % (отсутствие реабилитационных средств); 39,0 % (отсутствие денежных средств); 8,2 % (непригодность средств реабилитации). В 2019 г. количество жалоб достигло: 30,3 % (отсутствие реабилитационных средств); 37,5 % (отсутствие денежных средств на приобретение); 14,1 % (неудовлетворительное качество (непригодность использования) средств реабилитации).

Жалобы на абилитационные услуги детям-инвалидам (в возрасте от 15 лет и старше): в 2018 г. – 40,1 % (отсутствие специалиста); 3,9 % (нехватка оборудования); 18,7 % (лечение только на платной основе). В 2020 г. – 23,4 % (отсутствие специалиста); 2,4 (нехватка оборудования); 15,1 % (лечение только на платной основе)⁵, что доказывает необходимость совершенствования системы реабили-

тации (абилитации) людей с инвалидностью в современной правовой системе России.

Стоит отметить проблемы реализации реабилитационных и абилитационных мер, обусловленные правовыми, социальными, политическими, экономическими трудностями (законодательные упущения в разграничении реабилитации и абилитации инвалидов, отсутствие доступной информации, технического оснащения, квалифицированных специалистов, отдаленность муниципальных образований, ограничение финансирования расходов и т. д.).

Заключение

Предложенное исследование подтверждает актуальность проблемы соотношения реабилитационных и абилитационных направлений и необходимость совершенствования законодательства в области юридической защиты инвалидов с целью обеспечения приоритетного и положительного стимулирования их правовых возможностей и легкой интеграции в обществе.

Полученные теоретические и практические результаты способствуют уточнению новых закономерностей для отечественной правовой науки и, в равной степени, формируют приоритетные задачи по разрешению пробелов и устранению правоприменительных упущений.

Исходя из вышеизложенного, считаем необходимым внести правовые изменения и(или) дополнения в отраслевое законодательство по реабилитационным и абилитационным мероприятиям, основанным на принципах доступности, открытости, справедливости и единообразного применения индивидуальных программ на всей территории Российской Федерации; финансовой устойчивости расходных обязательств с целью расширения правовых возможностей инвалидов.

В частности, необходимо разработать нормативные положения или инструкции по четкому разграничению перечня реабилитации и абилитации; упорядочить систему применения (стандарты) мероприятий в регионах. Особое внимание уделить механизму обжалования индивидуальной программы реабилитации или абилитации, которые могут быть скорректированы с учетом индивидуальных особенностей здоровья, подтвержденных медико-социальной экспертизой.

⁵ Статистика медицинской реабилитации инвалидов за 2017–2019 гг. // Статистический материал Федеральной службы государственной статистики. М., 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964?print=1> (дата обращения: 18.11.2022)

Вместе с тем экономические корректировки должны коснуться расширения финансирования местного бюджета и обеспечения техническими средствами, новаций (звукоусиливающими аппаратами, средствами передвижения, обеспечение помощи сурдопереводчиков и т. п.). В равной степени информационное обеспечение должно включать правовое информирование граждан (осведомленность) о порядке компенсации ограничения жизнедеятельности и рег-

ламтацию механизмов судебной защиты граждан при ограничении их прав.

Таким образом, указанный перечень дополнений будет полезен для дальнейших исследований проблем правового положения людей с инвалидностью, совершенствования современного законодательства, систематизации правоприменительной практики, создания новых механизмов социальной защиты инвалидов, основанных на принципах реализации равных возможностей, независимости и самоопределения граждан.

Список источников

1. Кожушко Л.А., Гордиевская Е.О., Старобина Е.М. Развитие и формирование профессиональных компетенций специалистов по реабилитации и абилитации инвалидов в области организации сопровождаемого проживания // Физическая и реабилитационная медицина. 2021. Т. 3. № 3. С. 56-61. <https://doi.org/10.26211/2658-4522-2021-3-3-56-61>, <https://elibrary.ru/vevkpc>
2. Холостова Е.И., Дементьева Н.Ф. Социальная реабилитация. М.: Дашков и Ко, 2006. 340 с. URL: https://www.studmed.ru/holostova-ei-dementeva-nf-socialnaya-reabilitaciya_0d9893820dc.html
3. Зиязов Р.А., Черникова Т.А. Индивидуальная программа реабилитации и абилитации инвалидов как важнейший инструмент их реабилитации // Colloquium-Journal. 2020. № 34 (86). С. 4-6. <https://doi.org/10.24412/2520-2480-2020-3486-4-6>, <https://elibrary.ru/uktquu>
4. Пузин С.Н., Меметов С.С., Шургая М.А., Балека Л.Ю., Кузнецова Е.А., Мутева Т.А. Аспекты реабилитации и абилитации инвалидов на современном этапе // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. 2016. № 19 (1). С. 4-7. <https://doi.org/10.18821/1560-9537-2016-19-1-4-7>, <https://elibrary.ru/vszglx>
5. Villalba C.S. Rehabilitation as a form of preparation under international law. L.: Redress, 2009. 65 p. URL: <https://www.refworld.org/pdfid/4c46c5972.pdf>
6. Hurst R. To revise or not to revise // Disability and Society. 2000. № 15 (7). P. 1083-1087. <https://doi.org/10.1080/713662026>
7. Colin B. Rehabilitation for disabled people: a "sick" joke? // Scandinavian Journal of Research. 2003. Vol. 5. P. 120-132. <http://doi.org/10.1080/15017410309512609>
8. Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья: МКФ (краткая версия) / пер. Г.Д. Шостка, В.Ю. Ряснянский и др. М.: Всемирная организация здравоохранения, 2003. 228 с. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/85930/9241545445_rus.pdf
9. Козлова И.В. Развитие взглядов в истории о достоинстве человека // Молодой ученый. 2016. № 28 (132). С. 1050-1052. <https://elibrary.ru/xeoil>
10. Skempes D., Bickenbach J. Article 26: Habilitation and Rehabilitation // The Convention on the Rights of Persons with Disabilities: A Commentary. Oxford: Oxford University Press, 2018. 1257 p. <https://doi.org/10.1093/law/9780198810667.001.0001>

References

1. Kozhushko L.A., Gordievskaya E.O., Starobina E.M. (2021). Development and formation of professional competences of specialists in rehabilitation and habilitation of disabled in the field of assisted living. *Fizicheskaya i reabilitatsionnaya meditsina = Physical and Rehabilitation Medicine*, vol. 3, no. 3, pp. 56-61. (In Russ.) <https://doi.org/10.26211/2658-4522-2021-3-3-56-61>, <https://elibrary.ru/vevkpc>
2. Kholostova E.I., Dement'eva N.F. (2006). *Sotsial'naya reabilitatsiya* [Social Rehabilitation]. Moscow, Dashkov & Ko Publ., 340 p. (In Russ.) Available at: https://www.studmed.ru/holostova-ei-dementeva-nf-socialnaya-reabilitaciya_0d9893820dc.html
3. Ziyazov R.A., Chernikova T.A. (2020). Individual program of rehabilitation and habilitation of disabled people as the most important tool of their rehabilitation. *Colloquium-Journal*, no. 34 (86), pp. 4-6. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2520-2480-2020-3486-4-6>, <https://elibrary.ru/uktquu>

4. Puzin S.N., Memetov S.S., Shurgaya M.A., Baleka L.Yu., Kuznetsova E.A., Muteva T.A. (2016). Aspects of rehabilitation and habilitation of disabled persons in modern times. *Mediko-sotsial'naya ekspertiza i reabilitatsiya = Medical and Social Expert Evaluation and Rehabilitation*, no. 19 (1), pp. 4-7. (In Russ.) <https://doi.org/10.18821/1560-9537-2016-19-1-4-7>, <https://elibrary.ru/vszglx>
5. Villalba C.S. (2009). *Rehabilitation as a Form of Preparation under International Law*. London, Redress Publ., 65 p. Available at: <https://www.refworld.org/pdfid/4c46c5972.pdf>
6. Hurst R. (2000). To Revise or Not to Revise. *Disability and Society*, no. 15 (7), pp. 1083-1087. <https://doi.org/10.1080/713662026>
7. Colin B. (2003). Rehabilitation for Disabled People: a "Sick" Joke? *Scandinavian Journal of Research*, vol. 5, pp. 120-132. <http://doi.org/10.1080/15017410309512609>
8. Shostka G.D., Rysanyanskii V.Yu. et al. (transl.). (2003). *Mezhdunarodnaya klassifikatsiya funktsionirovaniya, ogranichenii zhiznedeyatel'nosti i zdorov'ya: MKF (kratkaya versiya)* [International Classification of Functioning, Disability and Health: ICF (Short Version)]. Moscow, World Health Organization Publ., 228 p. (In Russ.) Available at: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/85930/9241545445_rus.pdf
9. Kozlova I.V. (2016). Razvitie vzglyadov v istorii o dostoinstve cheloveka [Development of views in the history of human dignity]. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, no. 28 (132), pp. 1050-1052. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xeoioil>
10. Skempes D., Bickenbach J. (2018). Article 26: Habilitation and Rehabilitation. *The Convention on the Rights of Persons with Disabilities: A Commentary*. Oxford, Oxford University Press, 1257 p. <https://doi.org/10.1093/law/9780198810667.001.0001>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Authors declare no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 19.12.2022

Поступила после рецензирования / Revised 15.02.2023

Принята к публикации / Accepted 17.03.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 34+616-006+614.442

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-45-59>

Шифр научной специальности 5.1.1

Правовые и иные смежные аспекты по вопросу оказания медицинской помощи онкобольным в условиях рисков распространения и противодействия коронавирусной инфекции (COVID-19) и ее штаммам: «на стыке» профессиональных воззрений и опыта

© **ОРЦХАНОВА Татьяна Магометовна,**

кандидат юридических наук, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 109028, г. Москва, Покровский б-р, 11, <https://orcid.org/0000-0003-2497-3811>, otmomioon@mail.ru

© **ДЕМЬЯНОВ Владимир Николаевич,**

кандидат медицинских наук, врач-хирург, врач-онколог, ТОГБУЗ «Городская клиническая больница № 4 г. Тамбова», Российская Федерация, 392001, г. Тамбов, ул. им. Ю. Гагарина, 143«Б», demianov1956@mail.ru

Аннотация

Живой интерес к теме о реальном положении дел в сфере здравоохранения, касательно определения уровня онкозапущенности в России, поиска и развития фундаментальных и прогрессивных подходов к тактике лечения онкобольных, качества оказания им паллиативной помощи, да еще и в период ситуации, связанной с высоким уровнем заболеваемости COVID-19 и острыми РВИ, навряд ли может быть поставлен под сомнение в ключе обоснования его актуальности. В качестве предмета исследования выступает современная система оказания медицинской помощи онкобольным с точки зрения правовой регламентации и медицинской практики, имеющихся и прогнозируемых «плюсов» и «минусов». Задачи: доказать актуальность проблематики в количественно-статистическом аспекте, выявить общие и особенные характерные элементы («черты»), обозначить риски, правовые основы и их оценку, наиболее удачные правовые решения в соответствующем направлении, а также сделать практико-ориентированные выводы, и, в первую очередь, связанные с применением с января 2022 г. нового ведомственного порядка по оказанию медпомощи в России по профилю «онкология». В методологическом ключе достаточно активно использовался эмпирический метод анализа, метод синтеза «правовых материй», определяющих и обеспечивающих систему помощи онкобольным в современных условиях противодействия коронавирусной инфекции. Полученные результаты будут интересны для изучения и учета в средах медицинского и правового сообществ, заинтересованных аналогичной или смежной тематикой в переосмыслении, противопоставлении, развитии научно- и медико-правовых, специальных, экспертных и иных взглядов и гипотез.

Ключевые слова

онкобольной, COVID-19, система медпомощи онкобольным, паллиативная помощь, онкозапущенность, диспансеризация, ведомственный порядок, пределы ответственности врача-специалиста, смертельная взаимозависимость

Для цитирования

Орцханова Т.М., Демьянов В.Н. Правовые и иные смежные аспекты по вопросу оказания медицинской помощи онкобольным в условиях рисков распространения и противодействия коронавирусной инфекции (COVID-19) и ее штаммам: «на стыке» профессиональных воззрений и опыта // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 1. С. 45-59. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-45-59>

Legal and other related aspects on the issue of providing medical care to cancer patients in conditions of risks of spreading and countering coronavirus infection (COVID-19) and its strains: “at the junction” of professional views and experience

© Tat'yana M. ORCKHANOVA,

Cand. Sci. (Law), National Research University “Higher School of Economics”, 11 Pokrovsky Blvd, Moscow, 109028, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-2497-3811>, otmomioon@mail.ru

© Vladimir N. DEM'YANOV,

Cand. Sci. (Medicine), Operating Surgeon, Oncologist, City Clinical Hospital №4 of Tambov, 143 “B” Yu. Gagarina St., Tambov, 392001, Russian Federation, demianov1956@mail.ru

Abstract

A lively interest in the topic of the real state of affairs in the field of healthcare, regarding the determination of the level of cancer incidence in Russia, the search and development of fundamental and progressive approaches to the tactics of treating cancer patients, the quality of palliative care, and even during a situation associated with a high level incidence of COVID-19 and acute respiratory viral infections, can hardly be questioned in terms of substantiating its relevance. The subject of the study is the modern system of providing medical care to cancer patients, from the point of view of legal regulation and medical practice, existing and predicted “pros” and “cons”. Tasks: to prove the relevance of the problem in the quantitative and statistical aspect, to reveal common and special characteristic elements (“traits”), to identify risks, legal bases and their assessment, the most successful legal solutions in the appropriate direction, as well as to draw practice-oriented conclusions, and, first of all, related to the adoption of a new departmental order for the provision of medical care in Russia in the field of “oncology” from January 2022. In a methodological way, the empirical method of analysis, the method of synthesizing “legal matters” that define and provide a system of care for cancer patients in modern conditions of countering coronavirus infection, is quite actively used. The results obtained will be interesting for studying and taking into account in the environments of medical and legal communities interested in similar or related topics in rethinking, contrasting, developing scientific and medical legal, special, expert and other views and hypotheses.

Keywords

cancer patient, COVID-19, medical care system for cancer patients, palliative care, oncological neglect, medical examination, departmental order, responsibility limits of medical specialist, deadly interdependence

For citation

Orckhanova, T.M., & Dem'yanov, V.N. (2023). Legal and other related aspects on the issue of providing medical care to cancer patients in conditions of risks of spreading and countering coronavirus infection (COVID-19) and its strains: “at the junction” of professional views and experience. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 1, pp. 45-59 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-45-59>

Введение. Постановка проблемы

«Неюрисдикционность» охвата проблематикой, тяжесть последствий в ракурсах «заболеваний» и в «линейке» злободневных социальных проблем», внушительность характера заболеваемости и смертности от заболеваемости, молниеносности последней, с учетом количественных и качественных показателей, не исключая массовости – в определенном ключе факторного анализа, необходимость обеспечения системного государ-

ственного противодействия, в том числе с участием неправительственных субъектов и людей по минимизации обуславливающих условий и последствий, грамотной профилактики и своевременного правильного алгоритма лечения, развитие технологий, науки и техники для предотвращения роста, развития заболеваемости, объекты для нозофобии, и в целом, медико-правовая регламентация вопроса, – вот те некоторые пересекающиеся аспекты, характерные для раз-

говора о таком злокачественном заболевании, как «рак», и таком не менее опасном, но инфекционном, как «коронавирус», особенно когда необходимо оценивать и исследовать ситуацию между ними во взаимосвязи. Конечно, приведенные выше названия заболеваний, которые в названном прочтении будут изредка упоминаться и дальше по тексту, обозначены здесь в собирательном, общеупотребимом значении, понятном для широкого круга общественности, но не в строго медицинском, с учетом специальной профессиональной терминологии, несмотря на то, что по тексту такие категории одинаково будут приведены и употребительны.

Единственное, что каждому сейчас очевидно, так это то, что «противораковая борьба» ведется еще с древних времен, а «противоковидная» началась с конца 2019 г., а более реальное (с учетом плановости в решениях и действиях) – с 2020 г.

Крайние полные два календарных года (2020–2021) и текущий 2022, безусловно, в рамках затронутого вопроса – очень непростые, и имеют все признаки «всеобщей пандемической усталости» не только для России, но и для всего мира. «Картина реалий» следующая.

Во всем мире «при численности населения Земли в 7 975 336 144 человек»¹ было зарегистрировано по состоянию на 8 апреля 2022 г. 494 587 638 подтвержденных случаев COVID-19, включая 6 170 283 летальных исхода, о которых сообщает ВОЗ. По состоянию на 4 апреля 2022 г. введено 11 250 782 214 доз вакцины². При этом, по данным ВОЗ, в Российской Федерации с 3 января 2020 г. по 8 апреля 2022 г. был зарегистрирован 17 969 431 подтвержденный случай заболевания COVID-19 с 371 169 летальными исходами, а на 4 апреля 2022 г. введено 163 623 016 доз вакцины³. Исходя из инфор-

мации, представленной на официальном сайте «Стопкоронавирус.РФ», на 11 апреля 2022 г. в Российской Федерации было выявлено 18 007 915 случаев заболевания коронавирусной инфекцией, из них выздоровели в 17 239 857 случаях, с летальным исходом – 371 964⁴.

К началу 2023 г. количество случаев, подтвержденных в России, по информации ВОЗ выросло до 21 856 613, а летальных исходов – до 394 398⁵. По данным сайта «Стопкоронавирус.РФ» количество заражений составляло 21 829 736, а количество смертей 394 121⁶. Несмотря на расхождения в статистике, которые могут быть связаны с отдельными локальными обстоятельствами и методиками подсчетов, а также отдельными дефектами обработки статистической информации различными органами [1, с. 73], мы можем видеть общую картину и тенденции развития указанного заболевания.

В свою очередь, в качестве одного из авторитетных по представительству справочных источников данных о международной заболеваемости раком следует назвать базу данных C15 «Заболеваемость раком на пяти континентах», формируемую на основе сотрудничества Международного агентства по изучению рака (IARS) с Международной ассоциацией раковых регистров (региональных и национальных) IACR. По данным C15, в 2020 г. было зафиксировано 14 248 679 новых случаев заболевания раком, из них 9 227 484 случая в отношении населения женского пола, общее количество смертей среди людей, болевших раком в 2020 г., составило 9 329 133⁷. При этом, по отдельным

¹ Счетчик населения Земли: данные о численности населения большинства стран основаны на публикациях Отдела народонаселения при Департаменте по экономическим и социальным вопросам ООН. URL: <https://countrymeters.info/ru/World#:~:text=> (дата обращения: 04.04.2022).

² Информационная панель ВОЗ о коронавирусе (COVID-19): официальный сайт Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). URL: <https://covid19.who.int/> (дата обращения: 04.04.2022).

³ Там же.

⁴ Отчет о текущей ситуации по борьбе с коронавирусом: официальный сайт СтопКоронавирус.РФ. URL: https://cdn.stopcoronavirus.ru/ai/html/3/attach/2022-04-11_coronavirus_government_report.pdf (дата обращения: 09.04.2022).

⁵ Информационная панель ВОЗ о коронавирусе (COVID-19): официальный сайт Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). URL: <https://covid19.who.int/> (дата обращения: 09.01.2023).

⁶ Коронавирус COVID-19: Официальная информация о коронавирусе в России – стопкоронавирус.рф: официальный сайт СтопКоронавирус.РФ. URL: <https://стопкоронавирус.рф/> (дата обращения: 09.01.2023).

⁷ Статистика рака Глобальной онкологической обсерватории: официальный сайт Международного агентства по исследованию рака при Всемирной органи-

прогнозам IACR, к 2030 г. мы будем иметь дело с 22,2 млн новых случаев заболеваний раком, а к 2040 г. этот показатель составит 28,4 млн новых случаев. Заметим, что с учетом данных C15 по статистическому охвату заболеваемости раком в частях света по России приводятся следующие цифры: число новых случаев заболевания раком за 2020 г. составляет 591 371, а за последние 5 лет – 1 580 383, число смертей в 2020 г. – 312 122⁸. Обращаясь тут же к официальным данным Федеральной службы государственной статистики РФ (Росстат), за 2020 г. приводится почти аналогичная цифра по числу новых случаев заболевания раком, но чуть меньше, а именно 471 500⁹. По статистике, публикуемой Росстатом, с 2006 по 2020 г. в России взято на учет больных с диагнозом «злокачественное новообразование», установленным впервые в жизни, – 3 672 500 человек (год/тыс. человек: 2006 г. – 448,3; 2007 – 455,5; 2008 – 458,1; 2009 – 469,8; 2010 – 479,5; 2011 – 481,6; 2012 – 480,0; 2013 – 484,4; 2014 – 510,5; 2015 – 524,3; 2016 – 530,5; 2017 – 540,9; 2018 – 542,6; 2019 – 552,2; 2020 г. – 471,5). Из 3 672 500 человек около 30 тыс. детей в возрасте 0–17 (27 896 человек). В 2021 г. в Российской Федерации впервые выявлено 580 415 случаев злокачественных новообразований (в том числе 265 039 и 315 376 у пациентов мужского и женского пола соответственно). Прирост данного показателя по сравнению с 2020 г. составил 4,4 %¹⁰.

То есть (если акцентировать внимание на цифры), на одной чаше мировых весов за

последние три года «ковидный» показатель заболеваемости, достигший отметки почти в 750 млн случаев, перетягивающий со значительным перевесом другую чашу весов – с показателем по обнаружившимся случаям новых злокачественных новообразований за фактически аналогичный временной промежуток, но, по официальным подсчетам, выглядящий достаточно скромным образом, всего лишь в почти 18 млн случаев. На уровне России соответствующие показатели при своем соотношении будут побуждать нас сформулировать аналогичный вывод, так как за крайние полные 16 календарных лет это число составило немного более 4 млн случаев, тогда как за последние 3 года цифра по заболеваемости коронавирусом достигла около 21 млн случаев по стране.

Но так ли это на самом деле? С чем мы имеем дело? На первый взгляд кажется ясным...

Рак – это общее обозначение болезней, которые могут поражать любую часть организма человека, и не только человека. Таких болезней насчитывается на сегодня более ста. Их характерный признак, – образование аномальных клеток, которые прорастают за пределы своих обычных границ, образуя опухоль. Заболевание впервые упоминается в египетском папирусе, датированном примерно в далеком 1600 г. до н. э. В I веке до н. э. древнеримский врач Авл Корнелий Цельс предложил лечить рак удалением опухоли. Раком назвал болезнь Гиппократ, увидев у больного злокачественную опухоль кожи, и назвал опухоль «крабовой», так как опухоль часто дает выросты в окружающие ее ткани наподобие конечностей рака. Он предложил термин *oncos* (греч. онкологический) *carcinoma*; от греч. *karkinos* – краб, рак). На Руси термин «рак» как дословный перевод с византийского подлинника с зарождением письменности и в представлениях русских лекарей на опухолевую болезнь обозначался термином «рытик» и «волосатик». При этом термин «рак» порой не вполне корректен и оправдан ко всем злокачественным опухолям. Название не отвечает ни «внешнему» виду, ни «содержанию» болезни, но прижилось, и медики всего мира называют эту болезнь «*cancer*» – рак.

заций здравоохранения (ВОЗ). URL: <https://geo.iarc.fr/> (дата обращения: 11.12.2022).

⁸ Краткий обзор бремени рака в России. Демографический информационный бюллетень: официальный сайт Международного агентства по исследованию рака при Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). URL: <https://geo.iarc.fr/today/data/factsheets/populations/643-russian-federation-fact-sheets.pdf> (дата обращения: 11.12.2022).

⁹ Здравоохранение. Заболеваемость населения социально-значимыми болезнями: официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721> (дата обращения: 11.12.2022).

¹⁰ Состояние онкологической помощи населению России в 2021 году / под ред. А.Д. Каприна, В.В. Старинского, А.О. Шахзадовой. М.: МНИОИ им. П.А. Герцена – филиал ФГБУ «НМИЦ радиологии» Минздрава России, 2022. С. 4.

В конечном итоге, с точки зрения медицины, рак – это злокачественная опухоль, которая развивается из эпителиальных клеток человека, то есть клеток, покрывающих, выстилающих практически все наши органы и ткани. Если обратить внимание на показатели смертности от рака за анализируемый период, связанный с пандемией коронавирусной инфекции, следует заключить, что они сопоставимы со статистикой по «ковиду», а «при прочих равных» заболевания обуславливают эффект «смертельной взаимозависимости», о котором открыто заявляется в профессиональном сообществе, в том числе с высоких трибун на внутригосударственном и международном уровнях.

По сути, это уже громкий звук давно раздающегося сигнала «SOS» для всей медицины и государственной системы противодействия в правовом и медицинском контекстах, особенно в условиях пандемии «COVID-19». И от того, каким образом для болеющих, а равно заболевших людей, организуется вопрос оказания медицинской помощи, зависит очень и очень многое.

Тема преобразований в правовой среде в условиях пандемии рассматривается преимущественно в контексте влияния и последствий коронавирусной инфекции COVID-19, а также их последствий с точки зрения нормативной регламентации [2; 3], но остаются малоизученными правовые аспекты оказания медицинской помощи и функционирования системы здравоохранения по другим заболеваниям на фоне пандемии. В то же время изменения порядка оказания медицинской помощи онкобольным попали в поле зрения отдельных междисциплинарных правовых и медицинских научных работ [4]. Одновременно с этим тематика развития онкологических заболеваний в условиях коронавирусной инфекции COVID-19 становилась предметом как зарубежных [5; 6], так и отечественных исследований [7; 8], в том числе по отдельным субъектам Российской Федерации [9; 10]. В целом повышенный интерес связан с вниманием медицинской науки к тому, что для организации мероприятий практического здравоохранения и прогнозирования стратегий научно-исследовательской и инновационной деятельности в области онкологии не утрачивает своей значимости

комплекс эпидемиологических исследований дескриптивного и аналитического характера, поскольку, как отмечается специалистами, «описательная эпидемиология проводит анализ территориальной и временной распространенности заболеваемости и смертности, а аналитическая эпидемиология занимается выявлением факторов риска заболевания с целью проведения контрольных мероприятий» [11, с. 83].

Результаты исследования

Кратко о правовых и медицинских основах оказания медпомощи онкобольным в условиях противодействия COVID-19 и ее штаммам

По утвержденному и актуализируемому постановлению Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715¹¹, коронавирусная инфекция (2019-nCoV) 2 февраля 2020 г. вошла в перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих, тогда как «злокачественные новообразования» давно отнесены к перечню социально значимых заболеваний. И именно пациенты с онкологическими заболеваниями в течение всего периода противодействия COVID-19 признавались и продолжают признаваться в числе особых групп пациентов, в том числе при их лечении от коронавирусной инфекции, так как установлено, что онкологические заболевания обуславливают более тяжелое течение и худший прогноз COVID-19, и, как понимаете, с его наихудшими последствиями. Если проанализировать временные методические рекомендации, утвержденные Министерством здравоохранения РФ (далее – Минздрав РФ) «Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19)», версии которых в 2021 и в 2022 гг. практически выходили и продолжают появляться в актуальном виде чуть ли не каждый(-ые) 1–2 месяца, максимальному риску (помимо иных особых групп пациентов) оставались и остаются по-прежнему подвержены: «пациенты, получающие противоопухолевое лекарственное лечение в на-

¹¹ Об утверждении перечня социально-значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих: постановление Правительства РФ от 1.12.2004 (в ред. от 31.01.2020) № 715 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. 6 дек. № 49. Ст. 4916.

стоящее время или в течение последних 3 месяцев; пациенты, которым проводится лучевая терапия; пациенты с лейкопенией и/или низким уровнем иммуноглобулинов; пациенты после трансплантации аутологичного и аллогенного костного мозга в течение последних 6 месяцев; пациенты, получающие иммуносупрессивную терапию; пациенты с некоторыми типами опухолей кроветворной и лимфоидной тканей, даже если они не проходят лечение в данный момент (хронический лимфолейкоз, лимфома, миелома, острый лейкоз). Кроме того, к факторам неблагоприятного прогноза COVID-19 у онкогематологических пациентов относятся пожилой возраст, плохой соматический статус (3–4 по шкале ECOG), рецидив или прогрессия опухоли»¹². Безусловно, «ковидная ситуация» обусловила больший контроль за течением онкологического процесса и еще более тщательную проработку онкологического прогноза в отношении каждого пациента. При этом, следуя требованиям порядка оказания медпомощи онкобольным и рекомендациям по профилактике COVID-19, необходимо было и целесообразно сейчас, например, минимизировать риски наступления «цитокинового шторма», то есть с крайней осторожностью подходить к назначению колониестимулирующих факторов; избегать назначения противоопухолевых препаратов, обладающих пульмональной токсичностью; по возможности, использовать таблетированные препараты, поддерживающую терапию и другое, конечно, в зависимости от стадии и области злокачественного новообразования: губы, полость рта и глотки; органы пищеварения; органы дыхания и грудной клетки; кости и суставные хрящи; кожа; мезотелиальная и мягкие ткани; молочная железа; половые органы; мочевые пути; глаза, головной мозг и центральная нервная система; щитовидная железа и другие эндокринные железы; лимфоидная, кроветворная и родственные им ткани. При этом есть и иной новый опыт врачей, заставляющий сегодня

¹² Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Временные методические рекомендации (версия 17): утв. Министерством здравоохранения РФ от 14.12.2022. Документ опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

глубоко исследовать выбранный подход при лечении коронавирусной инфекции, которая лабораторным путем была подтверждена у онкобольного, либо наличествовали признаки, а равно имелось «профессиональное подозрение» на заболеваемость COVID-19 онкобольным. Речь идет о компьютерной томографии органов грудной клетки онкобольных, которая им назначалась, и пока назначается, следуя в том числе рекомендациям Минздрава РФ, для оценки состояния легочной ткани и определения дальнейшего хода лечения. Дело в том, что нельзя исключать, что компьютерная томография может спровоцировать развитие онкопатологии легких, которая может обнаружиться («проявить себя»), к примеру, через год или два, а возможно раньше или позже.

Относительно вакцинации онкобольных, то руководители и врачи-онкологи якорных онкологических центров Москвы не считают¹³ наличие онкологического диагноза противопоказанием для вакцинации против новой коронавирусной инфекции «для формирования адекватного иммунного ответа», напротив, по их мнению, она является критически важной, независимо от нозологии и этапа противоопухолевого лечения, кроме острых и терминальных стадий заболевания. Более того, в данном ключе Минздравом РФ направлены временные методические рекомендации «Порядок проведения вакцинации против новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» об особенностях вакцинации против новой коронавирусной инфекции (COVID-19) у онкологических больных и пациентов с онкогематологическими заболеваниями¹⁴.

В целом же, в период пика распространения COVID-19, да и в настоящее время для

¹³ Московские врачи настоятельно рекомендуют пациентам с онкологией делать прививку от COVID-19: пресс-релиз Департамента здравоохранения г. Москвы от 21.07.2021. Документ опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

¹⁴ Порядок проведения вакцинации против новой коронавирусной инфекции (COVID-19): временные методические рекомендации (разработаны Федеральным государственным бюджетным учреждением «Национальный медицинский исследовательский центр терапии и профилактической медицины» Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ТПМ» Минздрава России)). Документ опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

пациентов, являющихся онкобольными, или в отношении которых имеются подозрения о наличии злокачественных новообразований, оказание медицинской помощи не приостанавливалось(-ется), не ограничивалась(-ется) возможность выдачи направлений на высокотехнологичную медицинскую помощь. Единственное, что допускалось и допускается в условиях пандемии «COVID-19», временная приостановка диспансеризации, профилактических осмотров, временная приостановка плановой помощи в амбулаторных условиях, но опять же с определением временной маршрутизации соответствующих пациентов.

Новый порядок оказания медпомощи онкобольным с января 2022 г., или о том, «что изменилось и(или) что его применение означает на практике?»

Существуют три порядка оказания медпомощи, утвержденных Министерством здравоохранения РФ по профилю медицинской помощи «онкология», два из которых касаются оказания помощи несовершеннолетним (детям):

1) Приказ Минздрава РФ от 19 февраля 2021 г. № 116н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи взрослому населению при онкологических заболеваниях» (далее – Приказ Минздрава РФ от 2021 г. № 116н)¹⁵;

2) Приказ Минздрава РФ от 31 октября 2012 г. № 560н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «детская онкология» (далее – Приказ Минздрава РФ от 2012 г. № 560н)¹⁶ и

3) Приказ Минздрава РФ от 5 февраля 2021 г. № 55н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «детская онкология и гематология» (далее –

Приказ Минздрава РФ от 2021 г. № 55н), вступающий в силу с 1 сентября 2024 г.¹⁷

Отдельно, обозначим Приказ Минздрава России № 345н, Минтруда России № 372н от 31.05.2019 г. «Об утверждении Положения об организации оказания паллиативной медицинской помощи, включая порядок взаимодействия медицинских организаций, организаций социального обслуживания и общественных объединений, иных некоммерческих организаций, осуществляющих свою деятельность в сфере охраны здоровья», так как оказание паллиативной помощи является крайним видом медицинской помощи для онкобольных, неизлечимо больных и нуждающихся в облегчении боли, а также других тяжелых проявлений заболевания. Данный приказ применим в отношении оказания паллиативной помощи и для онкобольных-взрослых, и для онкобольных-детей. Ранее же действовали отдельные ведомственные приказы по оказанию паллиативной помощи для взрослых и для детей¹⁸. Самый первый был принят еще в конце 2012 г. (для взрослых), утративший юридическую силу в связи с выходом нового приказа в 2015 г., и тоже для оказания паллиативной помощи взрослым. В 2015 г. почти одновременно принимается самостоятельный в своем роде приказ об оказании паллиативной помощи детям, утративший силу в связи с изданием указанного выше общего приказа от 31 мая 2019 г. В целом же вопрос об оказании в стра-

¹⁵ Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи взрослому населению при онкологических заболеваниях: приказ Министерства здравоохранения РФ от 19.02.2021 № 116н (ред. от 24.01.2022). URL: Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 2.04.2021 № 0001202104020002 (дата обращения: 15.12.2022).

¹⁶ Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «детская онкология»: приказ Министерства здравоохранения РФ от 31.10.2012 № 560н (ред. от 08.08.2020) // Российская газета. Специальный выпуск. 2013. 25 апр. № 90/1.

¹⁷ Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «детская онкология и гематология»: приказ Министерства здравоохранения РФ от 5.02.2021 № 55н (ред. от 19.08.2022). URL: Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 17.03.2021 № 0001202103170044 (дата обращения: 15.12.2022).

¹⁸ Об утверждении Порядка оказания паллиативной медицинской помощи взрослому населению: приказ Министерства здравоохранения РФ от 21.12.2012 № 1343н (утратил силу) // Российская газета. Специальный выпуск. 2013. 11 апр. № 78/1.; Об утверждении Порядка оказания паллиативной медицинской помощи взрослому населению: приказ Министерства здравоохранения РФ от 14.04.2015 № 187н (утратил силу). Документ опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс; Об утверждении Порядка оказания паллиативной медицинской помощи детям: приказ Министерства здравоохранения РФ от 14.04.2015 № 193н (утратил силу). URL: Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 17.05.2015 (дата обращения: 15.12.2022).

не паллиативной медицинской помощи желательно рассматривать более детально, в связи с чем углубляться в него пока не станем.

В текстуальных границах настоящей работы сосредоточимся на первом Приказе из перечисленного выше списка, в частности, на Приказе Минздрава РФ 2021 г. № 116н, распространяющего свое действие в отношении оказания медпомощи взрослому населению, а других трех приказов коснемся опосредованно, так как они, подчеркнем, предмет для отдельного разговора в части оказания медицинской помощи детям по профилю «онкология» и паллиативной помощи онкобольным взрослым и детям.

Многим известно, что Приказ Минздрава РФ № 116н – новый правовой ведомственный документ, регламентирующий порядок оказания медицинской помощи взрослому населению при онкологических заболеваниях, его применение стало обязательным с 1 января 2022 года, за исключением норм о правилах организации деятельности отделения радиотерапии в части коечной мощности, размещения и прочих сопутствующих моментов.

Если с самого начала и, по возможности, кратко, официально принятие нового Приказа Минздрава РФ от 2021 г. № 116н и, как следствие, отмена Приказа Министерства здравоохранения РФ от 15 ноября 2012 г. № 915н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи населению по профилю «онкология» (далее – Приказ Минздрава РФ от 2012 г. № 915н) связаны с процессом «регуляторной гильотины», направленным на отмену правовых актов, содержащих требования, проверка соблюдения которых подлежит обязательному внутреннему или внешнему контролю, надзору, если такие требования в соответствующих правовых актах неактуальны, не актуализированы и (или) не соответствуют современному уровню развития, в том числе технологическому, в соответствующих сферах жизнедеятельности.

В правовых контекстах рассмотрения Приказа Минздрава РФ от 2021 г. № 116н, в первую очередь, по отношению к Приказу Минздрава РФ от 2012 г. № 915н, а также с точки зрения исполнения и применения приказа Минздрава РФ от 2021 г. № 116н на практике медицинскими организациями, и

одновременно медицинским персоналом, прослеживается следующее:

- «возврат» к первоначальному названию порядка почти аналогичному в рамках утратившего силу приказа Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 3 декабря 2009 г. № 944н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи онкологическим больным»;

- уточнен, дополнен и расширен круг пациентов, в отношении которых применим новый Порядок, а именно, взрослое население с онкологическими заболеваниями, *а равно с подозрением на них*. Таким образом, ведомственная норма была скорректирована, но реально все ранее действующие порядки применялись и в отношении оказания медпомощи лицам с подозрениями на наличие онкологических заболеваний;

- не предусматривается такой вид медицинской помощи, как «скорая, в том числе скорая специализированная, медицинская помощь», которая называлась в рамках Приказа Минздрава РФ от 2012 г. № 915н (пункты 2, 13–15 указанного Приказа). В новом порядке теперь указываются три вида медицинской помощи пациентам: первичная медико-санитарная; специализированная, в том числе высокотехнологичная; паллиативная;

- уточнены условия оказания медицинской помощи, а именно:

- при амбулаторном режиме, имеются в виду условия, не предусматривающие круглосуточного медицинского наблюдения и лечения;

- в дневном стационаре, имеются в виду условия, предусматривающие медицинское наблюдение и лечение в дневное время, но не требующие круглосуточного медицинского наблюдения и лечения;
- при стационарном режиме, условия обеспечивают круглосуточное медицинское наблюдение и лечение (см. пункт 3 Приказа от 2021 г. № 116н)¹⁹;

¹⁹ Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи взрослому населению при онкологических заболеваниях: приказ Министерства здравоохранения РФ от 19.02.2021 № 116н (ред. от 24.01.2022. URL: Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 2.04.2021 № 0001202104020002 (дата обращения: 15.12.2022).

– уточнено и дополнено содержание мероприятий, относящихся к первичной медико-санитарной помощи (доврачебной и врачебной), в частности, теперь к ней относятся мероприятия по скринингу, формированию здорового образа жизни, а также санитарно-гигиеническому просвещению населения (см. пункты 4–5 Приказа от 2021 г. № 116н и пункт 6 Приказа от 2012 г. № 915н), что фактически имело место быть в медицинской практике, с той лишь разницей, что крайние два мероприятия скорее предусматривались при проведении профилактических медицинских осмотров и диспансеризации;

– исключено указание, что первичная врачебная медико-санитарная помощь оказывается амбулаторно и в условиях дневного стационара по территориально-участковому принципу. Таким образом, соблюдение указанного принципа при обращении за названной помощью на сегодня не является обязательным и, как следствие, пациент волен сам выбирать к какому врачу-терапевту, врачу общей практики и куда территориально ему обратиться за необходимой помощью. Однако, наряду с обозначенным, теперь предусматривается определять *порядок маршрутизации онкопациентов* в пределах территории соответствующего субъекта РФ в обеспечение реализации территориальной программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи. Возможные «путевые траектории» маршрутизации в пределах субъекта РФ по медицинским организациям, которые будут оказывать людям рассматриваемый вид медпомощи, закреплено определять органом субъекта РФ в сфере охраны здоровья при учете им права граждан на выбор медицинской организации» (см. пункт 6 Приказа от 2021 г. № 116н и пункт 9 Приказа РФ от 2012 г. № 915н);

– закреплена норма о том, что первичная специализированная медико-санитарная помощь оказывается только врачом-онкологом и только по медицинским показаниям на основании направления медицинских работников в плановой форме (см. пункт 7 Приказа от 2021 г. № 116н и пункт 10 Приказа от 2012 г. № 915н). Подобной нормы не содержалось в «старом» порядке.

При этом в контекстах пунктов 7–10 Приказа Минздрава РФ от 2021 г. № 116н фактически уточнен в новой редакции основной алгоритм получения обозначенной специализированной медико-санитарной помощи, несколько отличающийся от того, который прописан в рамках пунктов 10–12 «старого» порядка, утвержденного по Приказу Минздрава РФ от 2012 г. № 915н. К примеру:

– не употребляются такие категории (см. пункт 11 Приказа от 2012 г. № 915н)²⁰ как «консультация в центре амбулаторной онкологической помощи либо в первичном онкологическом кабинете, первичном онкологическом отделении медицинской организации» (далее – консультация), «направление на консультацию», так как теперь в юридическом ключе обозначенное должно пониматься как «направление пациента для оказания первичной специализированной медицинской помощи в... (см. пункт 7 Приказа от 2021 г. № 116н)», а не как направление на консультацию. Дело в том, что «для проверки подозрений/предположений о наличии онкологического заболевания, а равно для его выявления не в полной мере корректно, в том числе «на медицинском языке», говорить о *направлении на консультацию* для получения фактически первичной специализированной медико-санитарной помощи, так как «одними разговорами, имеющими характер консультации», необходимые клинические, лабораторные и/или инструментальные данные о пациенте не получить;

– не фиксируется в рабочих днях обязательность оказания пациенту первичной специализированной медицинской помощи с момента выдачи соответствующего направления (по неактуальному Приказу Минздрава РФ от 2012 г. № 915н – «направления на консультацию»), что предусматривалось ранее действующим порядком и составляло 5 рабочих дней с даты выдачи такого направления (см. пункт 11 Приказа от 2012 г. № 915н). Предполагаем, что отсутствие конкретизации на количество рабочих дней

²⁰ Порядок оказания медицинской помощи населению по профилю «онкология»: приказ Министерства здравоохранения РФ от 15.11.2012 № 915н (утратил силу) // Российская газета. Специальный выпуск. 2013. 7 июня. № 122/1.

продиктовано реалиями медпрактики, не исключаяющими зачастую организационно-технические сложности по оказанию первичной специализированной медпомощи, а также кадровые, заключающиеся в обеспеченности медучреждений первичного звена врачами специалистами, способными четко и полно оказать первичную специализированную медпомощь по профилю «онкология», и пр.;

– не обозначается/не встречается в тексте нового порядка такая категория, как *«направление на прижизненное патолого-анатомическое исследование биопсийного (операционного) материала»*, свойственное при установлении предварительного диагноза злокачественного новообразования, обусловливающего необходимость взятия биологического материала для исследования. Как понимаем, *«направление на прижизненное... исследование...»* по отдельным этическим и чисто медицинским соображениям было ранее сформулировано и закреплено в ведомственном акте не совсем удачно, теперь же определено (см. пункт 10 Приказа от 2021 № 116н) как *«направление в патолого-анатомическое бюро (отделение) в соответствии с правилами проведения патолого-анатомических исследований и(или) клинко-диагностическую лабораторию (отдел, отделение) в соответствии с правилами проведения лабораторных исследований»*²¹;

– отсутствует указание на соблюдение максимально допустимого срока выполнения патолого-анатомических исследований, необходимых для гистологической верификации злокачественного новообразования, в частности, в 15 рабочих дней (см. пункт 12 Приказа от 2012 г. № 915н и пункт 10 Приказа от 2021 г. № 116н). Полагаем, что обозначенное не учтено в новом порядке ввиду характера избыточности данной нормы, если бы она вошла в текст нового порядка, так как правила выполнения исследований и их специфика сосредоточены в рамках отдель-

ных ведомственных документов, регулирующих правила проведения патолого-анатомических исследований и(или) лабораторных исследований биологических материалов. Да и в целом, сроки проведения диагностических инструментальных и лабораторных исследований в случаях подозрений на рак не должны превышать сроков, установленных в программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, утверждаемой Правительством РФ, именно об этом также гласит и пункт 11 Приказа Минздрава РФ от 2021 г. № 116н;

– впервые (несмотря на то, что обозначенное ниже будет казаться удивительным и (или) вполне очевидным) в Приказе Минздрава от 2021 г. № 116н, на наш взгляд, предусмотрена очень важная, давно необходимая и внятно сформулированная норма о том, что *«диагноз онкологического заболевания устанавливается врачом-специалистом на основе результатов* диагностических исследований, включающих, в том числе, проведение цитологической и (или) гистологической верификации диагноза, за исключением случаев, когда взятие биопсийного и(или) пункционного материала не представляется возможным»²², чего не было в Приказах Минздрава РФ от 2009 № 944н и от 2012 г. № 915н. Правовая и ведомственная природа подобной нормы становится понятной только тогда, когда знаешь, как указанное было устроено на самом деле в медицинских организациях при установлении диагноза онкологического заболевания. Дело в следующем. До появления нового Приказа от 2021 г. № 116н, и, полагаем, что эпизодически и по настоящее время (в некий «переходный период»), в лечебных учреждениях не проводился(-тся) лечебный разбор запущенности онкозаболеваний 3 и 4 стадий, а решение о запущенности онкопроцесса принималось(-ется) администрацией больницы без привлечения врача-специалиста в разборе таких случаев, что по итогу, в большинстве своем, для обоснования причины онкозапущенности является отсылкой на якобы позднее обращение за медпомощью и на трудности диагностики. Как понимаете, это означа-

²¹ Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи взрослому населению при онкологических заболеваниях: приказ Министерства здравоохранения РФ от 19.02.2021 № 116н (ред. от 24.01.2022). URL: Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 2.04.2021 № 0001202104020002 (дата обращения: 15.12.2022).

²² Там же.

ет вскрытие врачебных ошибок. В части исключений из случаев, то есть когда не представляется возможным произвести гистологическое и цитологическое исследования, постановка онкологического диагноза у пациента с онкозаболеванием правомочным будет считаться на основании инструментальных эндоскопических ультрозвуковых и рентгеновских исследований (КТ, МРТ и т. д.);

– более четко конкретизированы, дополнены нормы, касающиеся возможного уточнения диагноза, в том числе при сложных клинических ситуациях, а также порядка определения тактики лечения, при которой рекомендуется организовывать проведение консультации или консилиума врачей в федеральных медицинских организациях, подведомственных Министерству здравоохранения РФ, являющихся национальными медицинскими исследовательскими центрами (далее – НМИЦы (пункт 14 Приказа Минздрава РФ от 2021 г. № 116н), притом что последнее было не просто рекомендовано, а ранее за некоторыми условиями являлось обязательным по пункту 18 неактуального порядка, утв. Приказом Минздрава РФ от 2012 г. № 915н, как и определение собственно тактики медицинского обследования. По новым установлениям получается, что консилиум врачей для определения тактики лечения обязателен только при опухолях нервной системы, что подтверждается пунктом 16 Приказа Минздрава РФ от 2021 г. № 116н. При этом в такой консилиум обязательно входят «врачи-онкологи, врачи-радиотерапевты, врачи-нейрохирурги медицинской организации, в составе которой должны обязательно иметься отделения хирургических методов лечения злокачественных новообразований, противоопухолевой лекарственной терапии и радиотерапии», то есть отделения хирургии, химиотерапии и лучевой терапии (пункт 16 указанного Приказа);

– кроме того, не менее привлекают внимание новые и не в полной мере типичные нормы, регламентирующие возможность применения телемедицинских технологий для оказания медпомощи онкобольным (пункты 14, 27 Приказа Минздрава РФ от 2021 г. № 116н), в частности, в рамках: организации и проведения консультаций, консилиума врачей. В развитие предусмот-

ренного, устанавливается возможность создания в структуре каждого онкологического диспансера (онкологической больницы) отдела телемедицинских технологий, стандарты оснащения которого и рекомендуемые штатные нормативы определяются в приложении 35 к Приказу Минздрава РФ от 2021 г. № 116н;

– в новом порядке уделено внимание и конкретизации «деталей» в части протокола консилиума врачей, вносимого в медицинскую документацию больного. Во-первых, уточнено, что допускается как печатная, так и рукописная форма протокола, последняя должна быть заполнена разборчиво; во-вторых, не исключается, что протокол может иметь форму электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью; в-третьих, разработан и представлен в рамках приложения 1 к рассматриваемому Приказу от 2021 г. № 116н рекомендуемый образец протокола онкологического консилиума;

– установлен трехдневный срок для передачи информации о впервые выявленном случае онкологического заболевания в онкологический диспансер или в организацию субъекта РФ, исполняющего функцию в части ведения «ракового регистра», в том числе в рамках ГИС в сфере здравоохранения. Соответствующая норма принята в упорочение «административной дисциплины» в вопросе своевременной и оперативной актуализации значимых данных по онкозапушенности в России;

– уточнены и дополнены нормы в части оказания специализированной, в том числе, высокотехнологичной, медицинской помощи. Вместе с тем напомним, что, наряду с обозначенным, действует общий приказ Минздрава РФ от 2 декабря 2014 г. № 796н «Об утверждении Положения об организации оказания специализированной, в том числе высокотехнологичной, медицинской помощи» в редакции от 27 августа 2015 г.;

– с учетом прочтения и анализа новой редакции порядка оказания медицинской помощи населению при онкологических заболеваниях, онкологический диспансер следует рассматривать, а равно называть онкологической больницей, и наоборот, но дан-

ное уточнение (в рамках нового ведомственного приказа Минздрава РФ от 2021 г. № 116н) следует воспринимать как констатацию действительности, так как всегда онкологический диспансер в среде медперсонала и пациентов был и остается онкологической больницей, и наоборот;

– касательно внутренней структуры онкологического диспансера (онкологической больницы), предусматривается выделение новых «внутренних структурных образований», а именно: отделения радиологии (радионуклидной диагностики, радионуклидной терапии, радионуклидной терапии и диагностики), отделения радиотерапии и операционного блока. Относительно первого отделения, названного выше, обозначим, что его наличие в структуре онкодиспансера необходимо ввиду развития медицины, специальных технологий, методики лечения онкобольных; второе – не менее важно, и тоже необходимо, по своей оснащенности оно не может быть менее дорогостоящим для его функционирования. Операционный блок в структуре онкодиспансера фактически имелся и раньше, но теперь его статус как структурного элемента онкодиспансера «выделен» более официально, пересмотрен и закреплён вопрос о его оснащенности, в том числе касательно новых тенденций в хирургии и обязательных требований в этой же части, специфики по операбельности онкобольных.

Вместе с тем не называются (не упоминаются) в тексте рассматриваемого порядка диагностические отделения, отделения реабилитации и отделения паллиативной помощи онкологического диспансера, правила организации которых прописывались в неактуальном на сегодня Приказе Минздрава РФ от 2012 г. № 915н.

В целом же, очевидно:

– принятый порядок по оказанию медицинской помощи, утвержденный Приказом Минздрава РФ № 116н, внутри профессионального медицинского сообщества вызвал массу обсуждений, так как в нем заложены решительные «реформистские нотки» по «перезагрузке» системы онкологической службы и организации оказания медпомощи онкобольным. «Находятся (обнаруживаются)» как протестующие, так и поддерживающие «новации», подтверждение чему

различные потоки информации в СМИ, а равно выступления, публикации представителей медицинского сообщества, органов государственной власти и прочих субъектов. К примеру, интересны для ознакомления будут материалы «круглого стола» «Онкологическая служба России-2022: новые порядки, правила и перспективы», проведенного, как пишут на странице Православного портала о благотворительности «Милосердие.RU», летом 2021 года Фондом поддержки противораковых организаций «Вместе против рака». По уровню состояния протестных обсуждений, принимая во внимание пост-релиз работы «круглого стола», размещенного в открытом доступе в сети Интернет, обсуждался ряд новых норм Приказа, вызывающих особую тревожность и негативность при их комментировании²³;

– в ракурсе обобщенной оценки Приказа Минздрав РФ от 2021 г. № 116н, нами он видится вполне позитивным, а не «коллапсным или апокалипсичным», он представляется способным «указать» на многие недоработки и ошибки по диагностике и лечению онкобольных, а равно пациентов с подозрениями на онкологические заболевания. Другое дело, что указанный приказ пока не выполняется в полной мере на местах, так как система не готова к быстрому «перевороту вещей», будучи привычной работать не первый год в выработанном темпе и режиме. Допускаем и иную причинность, связанную с недостаточным уровнем медицинской подготовки врачей смежных специальностей, так как «на деле» не надо быть особо сведущим, чтобы понять элементарную «правду жизни», очевидную в том числе для всех пациентов, независимо по какой причине им пришлось когда-либо обращаться в больницу, что та ключевая идея, которой пронизан неактуальный ведомственный приказ от 2012 г. № 915н, не смогла реализоваться и(или) сработать на результат. Мы (используется в собирательном (массовом) значении) думали, что первичное медицин-

²³ К чему приведет новый порядок медпомощи онкобольным: Православный портал благотворительности «Милосердие.RU». URL: <https://www.miloserdie.ru/article/kollaps-onkologicheskoy-služby-ili-nazrevshaya-neobhodimost-k-chemu-prive-det-novyj-poryadok-medpomoshhi-onkobolnym/> (дата обращения: 06.01.2023)

ское звено сможет закрыть вопрос по ранней диагностике онкозапущенности населения силами врачей-специалистов общей практики, узких специалистов, да не получилось, так как «онкология» – это не просто, и здесь нужен «работающий алгоритмичный механизм» системы онкослужбы. Конечно, консерватизм подхода к тому, как было в плане оказания медицинской помощи онкобольным, уместен до того момента, пока он будет «оправдывать» пригодность способов для решения серьезных задач и проблем в соответствующей сфере.

Несмотря на нормы статьи 46 относительно диспансеризации по Федеральному закону РФ от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и нормы актуального на сегодня Приказа Минздрава РФ от 27 апреля 2021 г. № 404н «Об утверждении Порядка проведения профилактического медицинского осмотра и диспансеризации определенных групп взрослого населения», вопрос диспансеризации с целью ранней диагностики онкопатологий по настоящее время не выполняется в полном объеме практически во всех лечебных учреждениях, среди всех возрастных групп, подлежащих диспансеризации, несмотря на то обстоятельство, что врачи-педиатры должны проводить диспансерный контроль. Врачи общей практики и другие специалисты соответствующих законных и подзаконных ведомственных требований в полном объеме также не выполняют. Причины тому ясны, и они выше нами обозначены.

Заключение

Гипотезы

1. «COVID-19» – пусковой механизм для развития злокачественных новообразований, поэтому неудивительно, что «ситуация с ковидом» обосновала строгий онкоконтроль в условиях распространения подобных заболеваний среди населения, так как риск заболеваемости, считаем, варьируется не ниже 70 %.

2. При этом считаем, что наблюдается фактическое отсутствие всякого диспансерного контроля за «COVID-ситуацией» в отношении лиц, переболевших коронавирусной инфекцией и ее штаммами, что обуславливает еще в большей степени потерю

контроля за ситуацией в плане онкозапущенности.

3. Компьютерная томография (КТ) органов грудной клетки у больных коронавирусной инфекцией впоследствии может спровоцировать развитие онкопатологии легких, например через 1,5–2 года. В настоящее время проводится исследование (наблюдение) за соответствующими больными, которым было произведено КТ грудной клетки, так как шанс развития онкологии при лучевой нагрузке увеличивается в 2–3 раза.

Выводы

4. Отсутствуют четкие правовые основания и методические указания по ведению онкологических больных 4 стадии заболевания раком, рекомендации онкодиспансера имеют фактически расплывчатый характер по симптоматическому лечению, адекватного обезболивания не назначается и не осуществляется, последнее фактически сводится к обезболиванию по известной шкале ВОЗ.

5. После консультации онкобольных с 3–4 стадиями ракового заболевания, полученной в онкодиспансере, совершенно непонятна (с точки зрения возможных правовых последствий) формулировка, записываемая в медицинской документации «больной выписан в удовлетворительном состоянии».

6. Практически в 60 % случаев врачи первичного медицинского звена (на уровне поликлиник) проводят обследования на предмет наличия/установления признаков онкозаболевания, включая сдачу окомаркёров, притом что обозначенное, с учетом правовой основы регламентации вопроса, должно производиться в условиях онкодиспансера соответствующими врачами в рамках их прямых функциональных обязанностей. Таким образом, наличествует одновременно и практика неофициального перекалывания (по умолчанию) функциональных обязанностей на иные медицинские участки. С учетом проведенного анализа фактических данных, направление больных по квоте в ведущие онкодиспансеры при всех равных возможностях «оказалось мало востребованной опцией» или неработающей в полной мере по «непонятным» причинам, что требует

корреляции установленного порядка медицинской помощи по профилю «онкология».

Надежды

7. Врач должен нести юридическую ответственность за поставленный им диагноз, а также за методику назначенного лечения, как и соответствующее медицинское учреждение, в котором такой врач работает, но в реальности этого не происходит ввиду того, что «неисповедимы (не поддаются логичному объяснению), зачастую, витиеватые пути к правильному диагнозу и лечению простого смертного». Необходим установ-

ленный и четко взвешенный работающий механизм на внутреннем и внешнем уровнях, но при этом не имеющий гнетущего характера – для сферы здравоохранения, и злоупотребляющего характера – с позиции получателей медицинских услуг, медицинской помощи, а также руководящего состава государственных органов/учреждений.

8. Ответственность за онкозапущенность должны нести все медицинские работники, а не только врачи-онкологи, которые являются последним звеном в цепочке оказания медпомощи по профилю «онкология».

Список источников

1. Петрова Г.В., Старинский В.В., Грецова О.П. Оценка качества учета умерших больных со злокачественными новообразованиями в России // Исследования и практика в медицине. 2016. № 4. С. 70-74. <https://doi.org/10.17709/2409-2231-2016-3-4-8>, <https://elibrary.ru/xbongr>
2. Козодаева О.Ф., Масякина П.А., Булгаков В.В. Трансформация законодательства в России и зарубежных странах в период пандемии коронавируса // Правовое регулирование в сфере здравоохранения в условиях новых вызовов: вопросы теории и практики: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / отв. ред. Р.В. Зелепукин. Тамбов: Издат. дом «Державинский», 2022. С. 60-77. <https://elibrary.ru/veyrqw>
3. Огнерубов Н.А. К вопросу об уголовной ответственности за ятрогенный вред на фоне пандемии COVID-19 // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 16. С. 485-494. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2020-4-16-485-494>, <https://elibrary.ru/wdmnzd>
4. Огнерубов Н.А., Зелепукин Р.В. Организация оказания медицинской помощи по профилю «онкология» пациентам за пределами территорий их страхования в условиях изменения нормативной регламентации // Consilium Medicum. 2021. Т. 23. № 12. С. 986-990. <https://doi.org/10.26442/20751753.2021.12.201269>, <https://elibrary.ru/sagxfr>
5. Patt D., Gordan L., Diaz M., Okon T., Grady L., Harmission M., Markward N., Sullivan M., Peng J., Zhou A. Impact of COVID-19 on cancer care: how the pandemic is delaying cancer diagnosis and treatment for American seniors // JCO Clinical Cancer Informatics. 2020. Nov. № 4. P. 1059-1071. <https://doi.org/10.1200/cci.20.00134>
6. Mazzone P., Gould M., Arenberg D. et al. Management of lung nodules and lung cancer screening during the COVID-19 pandemic // Chest. 2020. Jul. Vol. 158. № 1. P. 406-415. <https://doi.org/10.1016/j.chest.2020.04.020>
7. Болотов Э.С., Каюкова Е.В. Сложности диагностики рака легкого в условиях COVID-19-пандемии // IV съезд хирургов Забайкальского края: сб. ст. науч.-практ. межрегион. конф. Чита: Читинская государственная медицинская академия, 2021. С. 59-62. <https://elibrary.ru/lzlst>
8. Фадеева Е.В. Онкологическая помощь в условиях пандемии COVID-19 // Социологическая наука и социальная практика. 2021. № 1 (33). С. 61-73. <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.1.7874>, <https://elibrary.ru/rkzwjz>
9. Ганцев Ш.Х., Рустамханов Р.А. Рак во время пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 // Медицинский вестник Башкортостана. 2020. № 3 (87). С. 51-58. <https://elibrary.ru/grlcka>
10. Ушакова М.С., Гурьянова А.В., Гребенкина Е.В. Организация работы онкологической службы Нижегородской области в условиях коронавирусной инфекции // Поволжский онкологический вестник. 2020. № 3 (43). С. 66-71. <https://elibrary.ru/uskslb>
11. Голивец Т.П., Коваленко Б.С. Анализ мировых и российских тенденций онкологической заболеваемости в XXI веке // Научные результаты биомедицинских исследований. 2015. № 4 (6). С. 79-86. <https://doi.org/10.18413/2313-8955-2015-1-4-79-86>, <https://elibrary.ru/vofhcz>

References

1. Petrova G.V., Starinskii V.V., Gretsova O.P. (2016). Assessment of the quality of accounting of deaths of patients with malignant neoplasms in Russia. *Issledovaniya i praktika v meditsine = Research'n Practical*

- Medicine Journal*, no. 4, pp. 70-74. (In Russ.) <https://doi.org/10.17709/2409-2231-2016-3-4-8>, <https://elibrary.ru/xbongr>
2. Kozodaeva O.F., Masyakina P.A., Bulgakov V.V. (2022). Transformatsiya zakonodatel'stva v Rossii i zarubezhnykh stranakh v period pandemii koronavirusa [Transformation of legislation in Russia and foreign countries during the coronavirus pandemic]. In: Zelepukin R.V. (executive ed.). *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Pravovoe regulirovanie v sfere zdoravookhraneniya v usloviyakh novykh vyzovov: voprosy teorii i praktiki»* [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation "Legal Regulation in the Healthcare in the Context of New Challenges: Issues of Theory and Practice"]. Tambov, Publishing House "Derzhavinsky", pp. 60-77. (In Russ.) <https://elibrary.ru/veyrqw>
 3. Ognerubov N.A. (2020). On the issue of criminal liability for iatrogenic harm amid the COVID-19 pandemic. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 4, no. 16, pp. 485-494. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2020-4-16-485-494>, <https://elibrary.ru/wdmnzd>
 4. Ognerubov N.A., Zelepukin R.V. (2021). Organization of medical care in the oncology profile to patients outside the territory of their insurance in the context of changes in the regulatory rulemaking. *Consilium Medicum*, vol. 23, no. 12, pp. 986-990. (In Russ.) <https://doi.org/10.26442/20751753.2021.12.201269>, <https://elibrary.ru/sagxfr>
 5. Patt D., Gordan L., Diaz M., Okon T., Grady L., Harmission M., Markward N., Sullivan M., Peng J., Zhou A. (2020). Impact of COVID-19 on cancer care: how the pandemic is delaying cancer diagnosis and treatment for American seniors. *JCO Clinical Cancer Informatics*, Nov., no. 4, pp. 1059-1071. <https://doi.org/10.1200/cci.20.00134>
 6. Mazzone P., Gould M., Arenberg D. et al. (2020). Management of lung nodules and lung cancer screening during the COVID-19 pandemic. *Chest*, Jul., vol. 158, no. 1, pp. 406-415. <https://doi.org/10.1016/j.chest.2020.04.020>
 7. Bolotov E.S., Kayukova E.V. (2021). Slozhnosti diagnostiki raka legkogo v usloviyakh COVID-19-pandemii [Difficulties in diagnosing lung cancer in the context of the COVID-19 pandemic]. *Sbornik statei nauchno-prakticheskoi mezhhregional'noi konferentsii «4 s'ezd khirurgov Zabaikal'skogo kraja»* [Collection of Works of the Scientific and Practical Interregional Conference "4th Congress of Surgeons of the Trans-Baikal Territory"]. Chita, Chita State Medical Academy Publ., pp. 59-62. (In Russ.) <https://elibrary.ru/lzlstz>
 8. Fadeeva E.V. (2021). Oncological care during the COVID-19 pandemic. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika = Sociological Science and Social Practice*, no. 1 (33), pp. 61-73. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.1.7874>, <https://elibrary.ru/rkzwjz>
 9. Gantsev Sh.Kh., Rustamkhanov R.A. (2020). Cancer during the pandemic of coronavirus infection COVID-19. *Meditinskii vestnik Bashkortostana = Bashkortostan Medical Journal*, no. 3 (87), pp. 51-58. (In Russ.) <https://elibrary.ru/grlcka>
 10. Ushakova M.S., Gur'yanova A.V., Grebenkina E.V. (2020). Work activity management of oncologic service in Nizhny Novgorod region under conditions of coronavirus. *Povolzhskii onkologicheskii vestnik = Oncology Bulletin of the Volga Region*, no. 3 (43), pp. 66-71. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uskslb>
 11. Golivets T.P., Kovalenko B.S. (2015). Analiz mirovykh i rossiiskikh tendentsii onkologicheskoi zabolevaimosti v XXI veke [Analysis of global and Russian trends in cancer incidence in the 21st century]. *Nauchnye rezul'taty biomeditsinskikh issledovaniy* [Scientific Results of Biomedical Research], no. 4 (6), pp. 79-86. (In Russ.) <https://doi.org/10.18413/2313-8955-2015-1-4-79-86>, <https://elibrary.ru/vofhez>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Authors declare no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 20.01.2023

Поступила после рецензирования / Revised 15.03.2023

Принята к публикации / Accepted 17.03.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 34:001.92(470.323) «1918/1940»

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-60-70>

Шифр научной специальности 5.1.1

**Работа советской адвокатуры по оказанию
бесплатной юридической помощи гражданам России
и пропаганде правовых знаний в 1918–1940 гг.
(на материалах Курского края)**

© ПАШИН Василий Петрович,

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Российская Федерация, 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33, <https://orcid.org/0000-0002-0357-8970>, pashinvp@mail.ru

Аннотация

В настоящее время возрастает не только теоретический, но и прагматический интерес к историческому опыту советского государства. Нередко этот опыт выдается за новеллы в современной действительности. Одно из подобных заблуждений – оказание бесплатной юридической помощи гражданам России. Целью настоящей статьи является анализ процесса формирования и деятельности адвокатского сообщества советской России, где основной задачей является исследование выявления причин оказания бесплатной юридической помощи населению. Обоснован вывод о регулятивной функции государства по оказанию всесторонней юридической помощи населению. В основу методологического подхода положен исторический метод, формально-юридический метод, диалектический метод. Установлено, что советское государство административным путем определяло размеры тарифов за оказываемые юридические услуги в зависимости от социального статуса гражданина и его доходов. Выявлены процессы роста категорий лиц, получающих юридическую помощь бесплатно. Показана роль адвокатуры в пропаганде советских нормативных правовых актов прежде всего в крестьянской среде, ее общественная работа в целом. Обоснованы причины и способы ликвидации частнопрактикующих адвокатов. Выявленные документы позволяют по-новому оценить ряд аспектов в деятельности адвокатуры в указанные хронологические рамки.

Ключевые слова

советская адвокатура, бесплатная юридическая консультация, юридические кружки, частный адвокат, агитационно-пропагандистская деятельность, классовый подход

Для цитирования

Пашин В.П. Работа советской адвокатуры по оказанию бесплатной юридической помощи гражданам России и пропаганде правовых знаний в 1918–1940 гг. (на материалах Курского края) // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 1. С. 60–70. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-60-70>

The work of the Soviet advocacy to provide free legal assistance to Russian citizens and promotion of legal knowledge in 1918–1940 (on the materials of the Kursk region)

© Vasilii P. PASHIN,

Dr. Sci. (History), Professor, Professor of Theory and History of State and Law Department, Kursk State University, 33 Radishcheva St., Kursk, 305000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-0357-8970>, pashinvp@mail.ru

Abstract

At present, not only theoretical, but also pragmatic interest in the historical experience of the Soviet state is growing. Not infrequently, this experience is passed off as short stories in modern reality. One of these misconceptions is the provision of free legal assistance to Russian citizens. The purpose of this work is to analyze the process of formation and activities of the lawyer community in Soviet Russia, where the main task is to study the identification of the reasons for the provision of free legal assistance to the population. The conclusion about the regulatory function of the state in providing comprehensive legal assistance to the population is substantiated. The methodological approach is based on the historical method, the formal legal method, and the dialectical method. It is established that the Soviet state administratively determined the rates for legal services provided, depending on the social status of a citizen and his income. The processes of growth of categories of persons receiving legal assistance free of charge are revealed. The role of the advocacy in the promotion of Soviet normative legal acts, primarily in the peasant environment, its public work as a whole is shown. Reasons and methods of liquidation of private practicing lawyers are substantiated. The identified documents allow you to re-evaluate a number of aspects in the activities of the Bar in the specified chronological framework.

Keywords

Soviet advocacy, free legal advice, legal circles, private lawyer, agitation and propaganda activities, class approach

For citation

Pashin, V.P. (2023). The work of the Soviet advocacy to provide free legal assistance to Russian citizens and promotion of legal knowledge in 1918–1940 (on the materials of the Kursk region). *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 1, pp. 60-70 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-60-70>

Введение. Постановка проблемы

Конституционный принцип защиты прав человека останется только лозунгом, если не создан действенный институт защиты прав и законных интересов граждан. Базовой основой данного института является адвокатура, действующая автономно в правовом поле государства. В юридической практике РФ активно пропагандируется (и частично реализуется) идея оказания бесплатных юридических консультаций всем обратившимся гражданам. Подобная идея уже реализовывалась в советский период времени, но с учетом материального положения клиентов. Дифференцированный подход, по мнению автора, является более продуктивным и социально справедливым. Од-

новременно, в 1920-е–1930-е гг., в отношении адвокатов, активно защищавших интересы частных лиц перед государством, проводилась политика их притеснения, а затем и вытеснения из общего адвокатского сообщества.

Историография вопроса создания и деятельности советской адвокатуры достаточно обширна. Уже в 1920-е гг. четко было определено положение адвокатуры в обществе, как классового института, стоящего на страже интересов рабочего класса и беднейшего крестьянства. Труды государственных деятелей Д.И. Курского, П.И. Стучки [1–3] заложили методологические основы изучения и деятельности советской адвокатуры. Это – классово-партийный подход в

кадровом подборе и их служение государству, а не закону. На этой методологической основе пишутся работы, где даже их названия говорят об их общей направленности [4–6]. Так, М. Исаев достаточно подробно исследует вопрос оказания юридической помощи адвокатами, работающими вне рамок государственного контроля. Проводится анализ социальной структуры лиц, обращавшихся в подпольную адвокатуру. Его выводы и предложения идут в русле классово-партийных подходов того времени – решительно искоренять эти явления в уголовном порядке [6]. В целом в течение 1920-х гг. постоянно ставился вопрос о постепенном отмирании института адвокатуры в советской правоохранительной системе [7–9]. Застрельщиком подобной политики являлся журнал «Рабочий суд». Другие авторы пытались доказать преимущество советской адвокатуры перед буржуазной, вводили читателей от основной функции адвокатов – защиты прав граждан [10].

В 1970-е гг. достаточно смелой в исследовании института адвокатуры явился труд Ю.И. Стецовского [11], где указывалось на незначительную роль адвоката в судебном процессе. В целом в 1970-е – 1980-е гг. публикуется много работ, обращенных к истории становления адвокатуры. Фактически подобный подход являлся удобным путем ухода от обсуждения реальных проблем деятельности адвокатуры в эти годы [12–15]. Хотя в этих работах и постоянно подчеркивалось, что первые декреты советской власти практически не уделяли внимания институту адвокатуры, а государство стремилось подчинить правозащитников интересам государства в целом, а не интересам конкретной личности.

В 1990-е гг., в русле общей политики 1990-х гг. по перелицовке советского периода истории, издается литература, очерняющая любые стороны деятельности советской адвокатуры. Примером этого может являться работа Н.В. Палибина [16]. В современных условиях процессы изучения деятельности адвокатуры в первые десятилетия советской власти продолжились. Так, в 2006 г. А.В. Клевцов защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук [17]. Обширные хронологиче-

ские рамки не позволили ученому глубоко раскрыть тему. Сложно согласиться и с его выводом, что недостаточное количество защитников в 1920-е гг. породило подпольную адвокатуру. Выявленные автором настоящей статьи документы показывают иные причины ухода наиболее квалифицированной части адвокатов в подполье. Современная историческая литература исследует различные стороны адвокатской деятельности, их правовой статус, социальный портрет... [18–21]. Хотя говорить об их значительном вкладе в процесс глубинного изучения поставленной проблемы достаточно проблематично. Нередко они пишутся без использования архивных данных, с небольшими вкраплениями негатива в области «давления» на адвокатов со стороны государственных органов и партийно-коммунистических структур, говорить о независимости адвокатуры можно только условно, так как общее руководство адвокатурой осуществляла исполнительная власть – Министерство юстиции.

Методы исследования

В основу методологического подхода положен традиционный исторический метод, позволяющий провести исследование явлений прошлого с точки зрения их научной ценности и значимости для общества в целом относительно времени состоявшегося события. Формально-юридический метод позволил проследить законодательную политику советского государства в сфере защиты прав человека через институт адвокатуры. Диалектический метод позволил изучать законодательную политику советского государства в единстве и взаимодействии с поставленной общей юридической догмой. Исследование проводилось не на основе легковесных и конъюнктурных трудов, носящих единичный характер явлений и фактов, отражаемых в источниках, а на основе законов и нормативных актов советского государства, произведений непосредственных участников событий. Все это позволило сформировать научную историческую концепцию, которая позволяет отвечать на вопрос – почему и каким образом произошел процесс (расклад) исторических событий.

Результаты исследования

Советское государство декретом о суде № 1 от 22 ноября 1917 г. институт адвокату-

ры упраздняет¹, а в качестве защитников могли выступать «все неопороченные лица обоего пола», желающие помочь «революционному правосудию». Ввиду того, что желающих «защитников» оказалось явно недостаточно, декретом о суде № 2 от 7 марта 1918 г. местные органы власти обязывались создать институт правозащитников, подотчетный местным советам².

Конституция РСФСР 1918 г. не содержала четких подходов по защите прав граждан, хотя на II Всероссийском съезде областных и губернских комиссаров юстиции (июнь 1918 г.) впервые было заявлено о необходимости создания организации защитников прав граждан. Была принята инструкция, которая определяла круг лиц, допускавшихся к защите интересов прав граждан в судебных делах³.

По декрету «О народном суде РСФСР»⁴, опубликованного 20 июля 1918 г., коллегия правозаступников переименовывалась в коллегия правозащитников.

Подобные теоретические изыскания продолжались вплоть до 1922 г. Теория «революционной законности» и «революционного правосознания» препятствовала созданию института адвокатуры в подлинном смысле этого термина. Если власть рабочих и крестьян, то от кого же должны защищать адвокаты, «нетрудовые элементы» планировалось уничтожить в кратчайшие сроки, а право с построением социализма должно было отмереть. На III Всероссийском съезде деятелей советской юстиции вообще звучали идеи об упразднении института адвокатуры⁵.

Но подобные столь радикальные предложения не встретили поддержки большинства делегатов съезда. В «Положении о народном суде РСФСР» в разделе «Организация обвинения и защиты» статьями 39–40 декрета ВЦИКа (21 октября 1920 г.) впервые четко отделяются друг от друга институты

обвинения и защиты. Хотя по-прежнему защитники формировались по принципу разверстки среди трудовых элементов. В январе 1922 г. IV Всероссийский съезд делегатов советской юстиции принимает решение о создании профессиональной адвокатуры, стоящей на защите завоеваний трудящихся. Таким образом, партийно-государственные органы смотрели на институт адвокатуры не как на правозащитную организацию, а как на инструмент в руках государства.

Становление института адвокатуры связано было с изменениями в сфере народного хозяйства. Становление нэпа настоятельно требовало создания частной адвокатуры, так как государственная адвокатура требовала выделения дополнительных средств в бюджете страны. Как и в дореволюционный период, в 1922 г. адвокатам предоставили право самостоятельно заключать соглашение с клиентом. В 1922 г. формируется коллегия защитников, положение о которой было утверждено НКЮ РСФСР 5 июля 1922 г.⁶

Для организации деятельности правозащитников НКЮ РСФСР издает инструкцию (23 ноября 1923 г.), по которой защита граждан по уголовным делам рассматривалась как «общественная повинность»⁷. На II сессии ЦИКа СССР II созыва в очередной раз будет зафиксировано, что коллегия защитников должна стать советской организацией, а работа члена коллегии являться общественной деятельностью.

Списки граждан, допускавшихся к деятельности адвокатуры, определялись народным судом, отделами юстиции, профсоюзными организациями и партией большевиков⁸.

Подобный подход не мог отрицательно не сказаться на количестве и качестве работы защитников. С одной стороны, нехватка кадров, с которой власти мирились, а с другой стороны, низкий уровень правовой помощи. Последствие – широкое распространение деятельности «нелегальных» адвокатов, создание «подпольной адвокатуры». В условиях нэпа, необходимости защиты частных собственности интересов граждан,

¹ Декрет СНК РСФСР о суде № 1 от 22.11.1917 // Собрание постановлений правительства. 1917–1918. № 4. С. 136–140.

² Декрет ВЦИК о суде № 2 от 7.03.1918 // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 26. С. 186.

³ Материалы Народного комиссариата юстиции. 1918. Вып. 3. С. 19.

⁴ Декрет СНК РСФСР о суде № 3 от 20.06.1918 // СУ РСФСР. 1918. № 52. Ст. 589.

⁵ Материалы НКЮ РСФСР. 1921. Вып. 11–12. С. 12.

⁶ СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 425.

⁷ Материалы НКЮ РСФСР. 1923. Вып. 11. С. 38.

⁸ Резолюция губернского съезда коллегии защитников от 24.12.1924 // ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 252. Л. 10.

деятельность «подпольных адвокатов» приняла столь широкий характер, что Президиум коллегии при Курском губернском суде (25 мая 1926 г.) принимает решение о решительной и бескомпромиссной борьбе с «нелегальными адвокатами»⁹.

Первоначально эта борьба приняла административный характер. К частнопрактикующему адвокату (работающему легально) в обязательном порядке стали прикреплять «помощников», которые обязывались не только перенимать опыт практической юридической деятельности, но и выполнять контролирующие функции. Частнопрактикующих юристов стали обязывать принимать бесплатное участие в работе юридических консультаций и вести неоплачиваемые дела в судах¹⁰.

Если они не выполняли изложенные выше направления работы на общественных началах – вводился запрет на ведение юридической практики, вплоть до уголовной ответственности (за самостоятельное определение размера гонорара, неуплату налогов...). На общем собрании членов Курской губернской коллегии защитников (20 апреля 1926 г.) общим рефреном звучали слова, чтобы каждый «подпольный адвокат за свои мошеннические проделки был наказан»¹¹.

Члены коллегии защитников, сформированные на основе классово-партийных подходов, а не профессиональных, с энтузиазмом включались в борьбу с нелегалами, ибо по причине их невысокого профессионализма они, как правило, проигрывали частнопрактикующим адвокатам. Например, когда в конце 1920-х гг. начинается кампания по «чистке государственного аппарата», широко известен факт о восстановлении на работе через суд незаконно уволенных сотрудников организаций «за социальное происхождение». Адвокатам, придерживающимся «буквы и духа закона», не составляло труда доказать в суде абсурдность формулировок причин увольнения. Так, в конце

1920-х гг. в Смоленской губернии восстановили на работе 36 % вычищенных, в Крыму – 30 % и т. д. [20, с. 244].

В самой коллегии адвокатов начинается чистка рядов по принципу социального происхождения. Смотрели не на то, «как работает», а «кто работает». 21 мая 1929 г. принимается положение об оказании юридической помощи населению только через консультации¹². Частный адвокат еще мог оказывать юридическую помощь, но только не в суде. Нелегальная частная практика стала преследоваться в уголовном порядке. В 1930 г. принимается уже Всесоюзное положение с требованием для всех защитников объединиться в коллективы, а индивидуальную частную практику рекомендовалось прекратить. Свобода допускалась только в выборе ведения категорий дел (специализация), иная самостоятельность запрещалась.

Проблема заключалась в том, что к «подпольным адвокатам» чаще всего обращались лица имущие, которым советская власть настойчиво предлагала «коллективизироваться и обобщиться». Грамотно составленные жалобы нередко ставили в тупик судебную власть, уже практически полностью сформированную на основе «партийности» и «классовых подходов»¹³.

Суд и прокуратура становились на путь откровенного нарушения закона о защите интересов граждан – адвокатам не выдавали для ознакомления протоколы судебных заседаний и допросов, не давали свиданий с подзащитными и т. д. Только ко второй половине 1930-х гг. эти конфликты были урегулированы. В сфере гражданско-правовых отношений, административных правонарушений адвокатская деятельность перестала подвергаться притеснениям, ибо конкурентная борьба частного, индивидуального и коллективного завершилась полной победой коллективного. А в рамках коллективного советское государство допускало конкуренцию судебной и адвокатской деятельности. Конкуренция не допускалась только в политической сфере.

⁹ ГАКО. Ф. Р-1722. Оп. 2. Д. 4. Л. 16.

¹⁰ Инструкция, регулирующая работу индивидуально-практикующих адвокатов // ГАКО. Ф. 9442. Оп. 1. Д. 992. Л. 328.

¹¹ Протокол общего собрания членов Курской губернской коллегии защитников от 26.04.1926 // ГАКО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 167. Л. 18.

¹² Протокол общего собрания членов коллегии от 21.05.1929 // ГАКО. Ф. Р-345. Оп. 10. Д. 35. Л. 10.

¹³ ГАКО. Ф. Р-1829. Оп. 1. Д. 36. Л. 20, 24, 26; Ф. Р-345. Оп. 10. Д. 35. Л. 32, 40; Д. 10. Л. 22, 34 и др.

Подобные объединительные тенденции объясняются рядом причин, среди которых необходимо отметить и бедность большинства населения, которое не в состоянии было оплатить услуги частного адвоката. В коллегиях защитников цены жестко контролировались государством. Помимо этого, защитники, входящие в организацию сообщества, обязывались оказывать бесплатную консультационную помощь юридического характера – дача советов по интересующему клиента вопросу, помощь в составлении заявлений, жалоб, ходатайств, в том числе и документов политического характера – разъяснение положений законодательных актов советского государства и агитация населения в активной реализации прописанных положений в целях укрепления «социалистических общественных отношений».

В целях вовлечения в советскую пропаганду адвокатов по разъяснению правовых документов, Президиум коллегии защитников при СНК РСФСР еще в 1922 г. разработал Положение об организации общих юрисдикционных консультаций. Однако процесс их создания, а тем более практической деятельности шел крайне медленно, что не является характерным в деятельности советско-партийных органов. Причины подобной ситуации необходимо искать в общей политике недоверия к лицам, занимающимся правозащитной деятельностью, где практически отсутствовали кадры членов партии большевиков или комсомола. Только в 1927 г. статус подобных юридических консультаций и юридических консультантов был официально закреплён в Постановлении СНК РСФСР «О юрисконсультах»¹⁴.

Так, в Курской губернии они начали создаваться еще летом–осенью 1922 г.¹⁵ Планировалось их создать в каждом крупном населенном пункте. Но даже в губернском центре за несколько лет их было создано только две. Консультация, созданная при Курском Доме крестьянина, давала разъяснения по земельному праву. Консультация при Губздравотделе – по вопросам брачного и семейного права. Первоначально обе кон-

сультации работали достаточно эффективно. За год количество выдачи советов, составлений жалоб, заявлений выросло более чем в 3 раза. При Доме крестьянина с 31 факта оказания юридической помощи до 93, при губздравотделе – с 23 до 84. А в целом по г. Курску рост составил более 300 %, с 589 до 1783 фактов оказания помощи. Затем этот процесс стал «затухать»¹⁶.

Но так было в губернском центре. Значительно хуже обстояло дело на периферии. Поэтому разрабатывается положение об обязательных командировках членов коллегий защитников на периферию губернии. Их общее количество должно было составлять минимум 4 командировки в год. Однако планируемые командировки членов коллегий губернского центра выполнялись далеко не в полном объеме по банальной причине – отсутствию командировочных средств. В лучшем случае оплачивался проезд. Суточные средства вообще не только не выделялись, но и не планировались в смете. Общее количество командировок составило цифру в 4 раза меньшую от запланированной. В конце 1924 г. принимается решение о возложении обязательных командировок не только на членов губернской коллегии защитников, но и на уездные подразделения¹⁷.

В условиях нехватки финансовых средств на официальные командировки принимается решение о широком вовлечении членов коллегий защитников в общественную работу (неоплачиваемую работу), отправление их на общественных началах на периферию с консультациями, лекциями, докладами по вопросам права.

Подобная загруженность большим количеством мероприятий общественного характера – оказание бесплатной юридической помощи – сказывалась на материальном положении членов коллегий защитников. Вот данные о работе членов губернской коллегии защитников только за первое полугодие 1925 г. Дано устных советов 2812, в том числе 2476 – бесплатно. Плата за совет составляла сумму в 20 коп. Помощь в написании заявлений была оказана 1535 лицам, из них 1126 – бесплатно. Из проведенных 504 судеб-

¹⁴ О юрисконсультах: Постановление СНК РСФСР от 30.03.1927 // СУ РСФСР. 1927. № 36. С. 114.

¹⁵ Положение о консультациях // ГАКО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 101. Л. 18.

¹⁶ ГАКО. Ф. Р-1721. Оп. 1. Д. 69. Л. 67.

¹⁷ Там же. Л. 36, 37.

ных дел только 9 были платными, а остальные получали юридические услуги бесплатно¹⁸.

Создаваемые в районных центрах коллегии защитников состояли из крайне неквалифицированной части населения в области права. Эту проблему пытаются решить отправкой на места методических разработок, юридической литературы. По аграрным вопросам юридическую помощь предполагалось организовать силами кооперации. Но найти в безграмотной крестьянской среде защитника и пропагандиста права по аграрным вопросам оказалось крайне сложным делом. Поэтому командировки защитников из губернской коллегии еще долгое время оставались головной болью как для руководства, так и для рядовых членов коллегий.

К середине 1928 г. только 10 волостей полноценно обслуживались плановыми выездами. (При общем количестве волостей в Курской губернии – 83.) Новые консультации создавались в основном в крупных районных центрах. Каждый защитник по-прежнему обязывался по 4 раза в год выезжать в командировки. Срок командировки определялся в 6 дней. Но интерес вызывает не эта общая цифра. Анализ отчетов показывает, что 27 % их работы составляла пропагандистская и агитационная деятельность.

С момента создания института адвокатуры определялся круг лиц, которым юридическая помощь в обязательном порядке оказывалась бесплатно. Это была так называемая категория неимущих. Губернское положение о консультациях конкретизировало это подходы. В категорию лиц, получающих бесплатную юридическую помощь в виде дачи советов и написания заявлений, включались красноармейцы, инвалиды труда и войны, безработные, зарегистрированные на бирже труда, лица, находящиеся на социальном обеспечении. Кроме того, рабочие и служащие, получающие заработную плату ниже 10 разряда тарифной сетки, крестьяне, указавшие в заявлении, что оплатить юридические услуги не в состоянии, также освобождались от оплаты.

При этом тенденция роста категории лиц, которые могли получать юридические услуги бесплатно, постоянно возрастала.

Так, если в 1928 г. бесплатные устные советы были даны 60 % от общего количества данных советов, то в 1929 г. процент бесплатных советов вырос до 70 %. Процент составления бесплатных письменных документов возрос с 60 до 68 %. Количество бесплатного ведения дел в судах возросло с 41 до 55 %¹⁹.

Помимо этого, определялось и общее количество дней в месяц, в которые защитник обязан был трудиться бесплатно. Государство явно не поощряло работу адвоката. Так, если средняя зарплата рабочего в Курской губернии в период 1924–1926 гг. составляла 40–50 руб., то оплата юридического совета составляла 20 коп., оформление письменного документа – 5 руб. Но мы не должны забывать о проценте бесплатных консультаций, командировочных расходах.

Стоимость юридической услуги зависела и от социальной принадлежности обратившегося. Так, рабочий за устный совет в 1928/29 финансовом году платил 61 коп., крестьянин – 62 коп., служащий – 63 коп., а «лишenci» платили 1 руб. 06 коп. Такие же пропорции сохранялись и по другим видам юридических услуг²⁰.

Подобная социальная дифференциация в оплате юридических услуг сохранялась в течение 1930-х гг., вплоть до принятия Конституции СССР 1936 г.

Утвержденная такса 1931 г. обязывала оказывать бесплатную юридическую помощь очень многим категориям граждан – партизанам и красноармейцам, военнослужащим, батракам, крестьянам беднякам (не платившим сельхозналог), безработным по праву бедности (признанными судом), рабочим и служащим с зарплатой до 50 руб. Остальные граждане, обязанные оплачивать юридические услуги, подразделялись на 4 категории. В первую категорию входили рабочие, служащие и пенсионеры с заработком от 50 до 100 руб., а также колхозники, платившие налог до 15 руб. Во вторую категорию входили те же лица с доходом от 100 до 150 руб., колхозники, уплачивавшие налог до 35 руб., кустари, ремесленники, районные учреждения и организации. В третью кате-

¹⁸ Курская правда. 1925. № 2.

¹⁹ ГАКО. Ф. Р-345. Оп. 10. Д. 36. Л. 34.

²⁰ ГАКО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 101. Л. 20.

горию включались лица, получавшие доход свыше 150 руб., крестьяне, платившие налог свыше 35 руб., кустари, ремесленники, использовавшие наемный труд, трудовые артели, краевые учреждения и организации. В четвертую категорию включались лица торговой профессии, сдающие в аренду квартиры, крестьяне, обложенные индивидуальным налогом (кулаки), кустари и ремесленники, использовавшие наемный труд свыше 2-х человек, и «прочий нетрудовой элемент».

Для первых трех категорий устанавливались предельные суммы гонораров, для четвертой группы ограничений не было. Для первой категории граждан устный совет обходился в сумму не более 1 руб., второй категории – не более 2 руб., третьей категории – 5 руб. Для четвертой категории такса не нормировалась, определялась соглашением сторон. Составление искового заявления для лиц первой категории обходилось в 5 руб., второй – 15 руб., третьей – 25 руб. Для четвертой категории такса не нормировалась²¹.

Конечно, с современных позиций это была явная несправедливость. Но подобной дифференциацией юридических услуг и ее стоимости государство добивалось их доступности практически для всех граждан. Если посмотреть на стоимость продуктов, то окажется, что стоимость совета по правовому вопросу была сопоставима со стоимостью одного десятка яиц, а ведение дела в суде – стоимость трех мешков картошки²².

Необходимо также учитывать, что к середине 1930-х гг. объем бесплатных услуг по-прежнему более чем в два раза превосходил объем платных услуг. Чаще всего бесплатными юридическими услугами пользовались рабочие, колхозники, красноармейцы²³.

Но в еще больших масштабах объем бесплатных услуг возрастал для организаций. Для колхозов объем бесплатных юридических услуг к середине 1930-х гг. возрос в 4 раза, государственных организаций – в 2 раза²⁴.

При подобной государственной политике защитники фактически выживали за счет увеличения объема нагрузки. Частная практика защитников запрещалась, а в 1939 г.

она окончательно исчезла с поля юридической деятельности.

В 1939 г. выходит специальная инструкция Наркомюста СССР²⁵, где уже во всесоюзном масштабе определялся порядок оплаты труда юриста. Здесь устанавливались максимальные тарифные ставки, выше которых местные органы не могли устанавливать размеры гонорара. Меньше – можно.

После освобождения территории Курской области от немецко-фашистских оккупантов в г. Курске создается специальное консультационное учреждение для оказания юридической помощи семьям красноармейцев²⁶.

Здесь увеличивалось количество видов юридических услуг, которые оказывались бесплатно (по получению социальных льгот, по материальному обеспечению семей красноармейцев...). Также защитники обязывались во сверхурочное рабочее время оказывать бесплатную юридическую помощь. Для этой деятельности специально был составлен прейскурант дел – составление исков о взыскании алиментов, ведение дел по искам о возмещении вреда, причиненного увечьем на производстве, составление заявлений, ходатайств о назначении пенсий и пособий, составление иных документов для бывших служащих Красной армии и флота. Партийные органы даже устраивали социалистическое соревнование между защитниками на предмет большего оказания бесплатных юридических услуг.

Совершенствовались и формы дачи бесплатных советов и консультаций – столы справок, вечера вопросов и ответов, ящики вопросов, книги вопросов. Конечно, подобный рост юридической помощи, погоня за количеством негативно сказывались на качестве работы. А уничтожение «частника» в юридической деятельности снижало стимулы к повышению собственной квалификации.

Одним из направлений деятельности советских защитников в бесплатной юридической сфере являлась агитационно-пропагандистская работа – пропаганда советского права, разъяснение советских законодательных актов. Эта деятельность являлась веду-

²¹ ГАКО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 101. Л. 20.

²² ГАКО. Ф. Р-345. Оп. 10. Д. 24. Л. 8.

²³ Там же. Д. 38. Л. 21.

²⁴ Там же. Д. 35. Л. 18.

²⁵ ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 9492. Оп. 1. Д. 1005. Л. 245.

²⁶ Там же. Д. 1026. Л. 138.

щим направлением в области правового просвещения населения. Члены коллегии обязывались читать лекции, делать доклады, проводить собеседования по вопросам советского права, преимуществ социалистического государственного строя и т. д. Как правило, подобные мероприятия проводились не только в трудовых коллективах, но и на общих собраниях в избах-читальнях, клубах...

Анализ документов показывает, что чаще всего подобные формы работы проводились во время командировок на периферию. Особенно эта работа усилилась в период коллективизации сельского хозяйства. В обязательном порядке разъяснялись законодательные акты, имеющие «широкое общественное значение». В докладах упор делался не только на разъяснение положений законодательных актов, но и последствий его невыполнения. По итогам выезда «на места» защитники обязывались писать небольшие отчеты о реакции местного населения на пропагандируемый документ, наиболее часто встречающиеся вопросы. Подобная информация аккумулировалась в партийно-большевистских органах и в правоохранительных структурах.

При этом по-прежнему подобные командировки не оплачивались, в лучшем случае оплачивались «выездные расходы»²⁷. Но необходимо здесь отметить и положительное направление деятельности. Еще в 1925 г. Президиум Курской губернской коллегии защитников разослал инструкцию об обязательной пропаганде законодательства в области охраны материнства и детства²⁸. Здесь разъяснялись статьи законодательства о социальных льготах матерям, алиментные отношения, ответственность за аборт и т. д.

С развитием радиофикации Курского края в сетке радиовещания стали создаваться лектории правового характера – по вопросам ответственности за нарушения трудовой дисциплины, защиты собственности, социальных льгот, административной ответственности за совершение антиобщественных проступков и т. д. Подобные рубрики создавались и в прессе. Эти рубрики на без-

возмездной основе вели члены коллегии защитников, а редакция газет выделяла помещение для организации бесплатной юридической помощи. Здесь защитники, как правило, разъясняли положения статьи, которые не были понятны читателю. Аналогичные пункты создавались и при штабе дивизии, Доме крестьянина. Так проводилась бесплатная специализированная консультация для определенных категорий граждан. С конца 1920-х гг. утверждается практика закрепления члена коллегии защитника за конкретным предприятием²⁹. В крупных районных центрах организуются постоянно действующие юридические кружки³⁰.

В военный и послевоенный периоды времени формы агитационно-пропагандистской работы сохранялись, хотя тематика постоянно изменялась в соответствии с требованиями времени. Так, в военный период времени качественно новой формой деятельности советской адвокатуры явилось создание юридических консультаций, через которые фактически велась вся общественно-пропагандистская работа. Это была официальная публичная обязанность советской адвокатуры – дежурство в юридической консультации и ответы на вопросы и просьбы приходящих сюда граждан на безвозмездной основе.

Выводы

Таким образом, в советское время периода 1920-х – 1940-х гг. услуги адвокатуры были доступны любой категории граждан. Это достигалось как через государственное регулирование размеров гонораров адвокатов, так и через создание широкой и разнообразной по форме и содержанию практики оказания бесплатной юридической помощи. Государство определяло категории граждан, которым юридическая помощь официально регламентировалась на безвозмездной основе или по заниженной ставке гонорара. Созданы были специальные организационные формы проведения юридических услуг на бесплатной основе. Через агитационно-пропагандистскую работу по разъяснению новых законодательных актов.

²⁷ ГАКО. Ф. Р-345. Оп. 1. Д. 14. Л. 42.

²⁸ ГАКО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 101. Л. 26.

²⁹ ГАКО. Ф. Р-345. Оп. 10. Д. 68. Л. 16.

³⁰ ГАКО. Ф. Р-345. Оп. 1. Д. 35. Л. 35.

Список источников

1. Курский Д.И. Основы революционного суда // Материалы Народного комиссариата юстиции. М., 1918. Вып. 1. С. 7-10. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/49645-vyp-1-pervyy-vserossiyskiy-sezd-oblastnyh-i-gubernskih-komissarov-yustitsii-1918>
2. Курский Д.И. Речь на IV Всероссийском съезде деятелей юстиции // Материалы Народного комиссариата юстиции. М., 1922. Вып. 16-17. С. 76-84.
3. Стучка П.И. Пять лет революции права // Ежедневник советской юстиции. 1922. № 44-45. С. 23-25. URL: http://elibr.uraic.ru/bitstream/123456789/3341/1/sovetskaya_yustitsiya_%5b1922%5d_44-4.pdf
4. Пруицкий С. Можно ли коммунистов посылать в коллегии адвокатов? // Ежедневник советской юстиции. 1922. № 29-30. С. 3-4. URL: http://elibr.uraic.ru/bitstream/123456789/3330/1/sovetskaya_yustitsiya_1922_29-30.pdf
5. Брандербургский Я.Н. Революционная законность, прокуратура и адвокатура // Советское право. 1922. № 2. С. 3-9. URL: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/23995/1/RuPRLIB12028676.pdf>
6. Исаев М. Подпольная адвокатура. М.: Право и жизнь, 1924. 24 с. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/15165>
7. Брандербургский Я.Н. К вопросу о юридической помощи // Ежедневник советской юстиции. 1924. № 7-8. С. 147-148. URL: http://elibr.uraic.ru/bitstream/123456789/3396/1/sovetskaya_yustitsiya_1924_7-8.pdf
8. Беляков Г. Нужна не защита, а юридическая помощь // Рабочий суд. 1928. № 3. С. 265.
9. Беляков Г. Нужен ли защитник в суде? (Коллегия о коллегии) // Рабочий суд. 1928. № 3. С. 245-250.
10. Кожевников М.В. Советская адвокатура. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. 52 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005191786>
11. Стецовский Ю.И. Адвокат в уголовном судопроизводстве. М.: Юрид. лит., 1972. 160 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007461914>
12. Курицын М.В. Становление советской адвокатуры // Советское государство и право. 1971. № 7. С. 113-118. URL: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/23934/1/Советское_государство_и_право_01940_№7.pdf
13. Сухарев И.Ю. Пятьдесят лет советской адвокатуры // Роль и задачи советской адвокатуры. М.: Юрид. лит., 1972. С. 3-39. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007204889>
14. Журавлев В.В. Декреты советской власти 1917–1920-х годов как исторический источник. М.: Наука, 1979. 399 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007747002>
15. Городецкий Е.Н. Рождение советского государства, 1917–1918. М.: Наука, 1987. 349 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001363016>
16. Палибин Н.В. Записки советского адвоката: 20-е–30-е гг. Париж: YMCA-press, 1998. 204 с. URL: https://royallib.com/read/palibin_nikolay/zapiski_sovetskogo_advokata_20e_30e_godi.html#0
17. Клевцов А.В. Становление и развитие российской адвокатуры в советский период (1917–1991). Историко-правовой аспект: дис. ... канд. юр. наук. М., 2006. 220 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003012952>
18. Соловьева Ю.И. Особенности правового статуса советских адвокатов в советский период // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 341-345. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86074.htm>
19. Соломатин Е.Н., Пирязева Н.Е. Социальный портрет советского адвоката в 1920-е–1930-е гг. // История. Исторические источники. Электронный научный журнал. 2016. № 3. С. 129-140. <https://elibrary.ru/wefegx>
20. Пашин В.П., Богданов С.В., Зюбан О.П. Партийная номенклатура в СССР (1917–1930-е годы: становление, развитие, безраздельное господство). Белгород: ГП «Белгородская областная типография», 2004. 316 с. URL: <http://scipeople.ru/publication/65099/> (дата обращения: 17.11.2022)
21. Кадинцев А.Я. Советская адвокатура в годы Великой Отечественной войны // Адвокат. 2007. № 12. С. 75-80. <https://elibrary.ru/rusuln>

References

1. Kurskii D.I. (1918). Osnovy revolyutsionnogo suda [Fundamentals of the revolutionary court]. *Materialy Narodnogo komissariata yustitsii* [Materials of the People's Commissariat of Justice]. Moscow, issue 1, pp. 7-10. (In Russ.) Available at: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/49645-vyp-1-pervyy-vserossiyskiy-sezd-oblastnyh-i-gubernskih-komissarov-yustitsii-1918>
2. Kurskii D.I. (1922). Rech' na IV Vserossiiskom s'ezde deyatelei yustitsii [Speech at the 4th All-Russian congress of justice workers]. *Materialy Narodnogo komissariata yustitsii* [Materials of the People's Commissariat of Justice]. Moscow, issue 16-17, pp. 76-84. (In Russ.)
3. Stuchka P.I. (1922). Pyat' let revolyutsii prava [Five years of legal revolution]. *Ezhenedel'nik sovetskoi yustitsii* [Weekly Soviet Justice], no. 44-45, pp. 23-25. (In Russ.) Available at: http://elibr.uraic.ru/bitstream/123456789/3341/1/sovetskaya_yustitsiya_%5b1922%5d_44-4.pdf

4. Prushitskii S. (1922). *Mozhno li kommunistov posylat' v kollegii advokatov?* [Can communists be sent to bar associations?]. *Ezhenedel'nik sovetskoi yustitsii* [Weekly Soviet Justice], no. 29-30, pp. 3-4. (In Russ.) Available at: http://elib.uraic.ru/bitstream/123456789/3330/1/sovetskaya_yustitsiya_1922_29-30.pdf
5. Branderburgskii Ya.N. (1922). *Revolutsionnaya zakonnost', prokuratura i advokatura* [Revolutionary legality, prosecutor's office and advocacy]. *Sovetskoe pravo* [Soviet Law], no. 2, pp. 3-9. (In Russ.) Available at: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/23995/1/RuPRLIB12028676.pdf>
6. Isaev M. (1924). *Podpol'naya advokatura* [Underground Advocacy]. Moscow, Pravo i zhizn' Publ., 24 p. (In Russ.) Available at: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/15165>
7. Branderburgskii Ya.N. (1924). *K voprosu o yuridicheskoi pomoshchi* [On the issue of legal assistance]. *Ezhenedel'nik sovetskoi yustitsii* [Weekly Soviet Justice], no. 7-8, pp. 147-148. (In Russ.) Available at: http://elib.uraic.ru/bitstream/123456789/3396/1/sovetskaya_yustitsiya_1924_7-8.pdf
8. Belyakov G. (1928). *Nuzhna ne zashchita, a yuridicheskaya pomoshch'* [Need not protection, but legal assistance]. *Rabochii sud* [Working Court], no. 3, pp. 265. (In Russ.)
9. Belyakov G. (1928). *Nuzhen li zashchitnik v sude? (Kollegiya o kollegii)* [Do you need a lawyer in court? (Board about the board)]. *Rabochii sud* [Working Court], no. 3, pp. 245-250. (In Russ.)
10. Kozhevnikov M.V. (1939). *Sovetskaya advokatura* [Soviet Advocacy]. Moscow, Legal Publishing House of the NKYU of the USSR, 52 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005191786>
11. Stetsovskii Yu.I. (1972). *Advokat v ugolovnom sudoproizvodstve* [Lawyer in Criminal Proceedings]. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ., 160 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007461914>
12. Kuritsyn M.V. (1971). *Stanovlenie sovetskoi advokatury* [The formation of the Soviet advocacy]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], no. 7, pp. 113-118. (In Russ.) Available at: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/23934/1/Советское_государство_и_право_01940_№7.pdf
13. Sukharev I.Yu. (1972). *Pyat'desyat let sovetskoi advokatury* [Fifty years of Soviet advocacy]. *Rol' i zadachi sovetskoi advokatury* [The Role and Tasks of the Soviet Advocacy]. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ., pp. 3-39. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007204889>
14. Zhuravlev V.V. (1979). *Dekrety sovetskoi vlasti 1917–1920-kh godov kak istoricheskii istochnik* [Decrees of the Soviet Power of 1917–1920s as a Historical Source]. Moscow, Nauka Publ., 399 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007747002>
15. Gorodetskii E.N. (1987). *Rozhdenie sovetskogo gosudarstva, 1917–1918* [The Birth of the Soviet State, 1917–1918]. Moscow, Nauka Publ., 349 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001363016>
16. Palibin N.V. (1998). *Zapiski sovetskogo advokata: 20-e–30-e gg* [Notes of a Soviet Lawyer: 20s–30s.]. Paris, YMCA-press, 204 p. (In Russ.) Available at: https://royallib.com/read/palibin_nikolay/zapiski_sovetskogo_advokata_20e_30e_godi.html#0
17. Klevtsov A.V. (2006). *Stanovlenie i razvitie rossiiskoi advokatury v sovetskii period (1917–1991). Istoriko-pravovoi aspekt: dis. ... kand. yur. nauk* [Formation and Development of the Russian Legal Profession in the Soviet Period (1917–1991). Historical and Legal Aspect. Cand. Sci. (Law) diss.]. Moscow, 220 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003012952>
18. Solov'eva Yu.I. (2016). *Osobennosti pravovogo statusa sovetskikh advokatov v sovetskii period* [Features of the legal status of Soviet lawyers in the Soviet period]. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal «Kontsept» = Scientific-methodological electronic journal “Koncept”*, vol. 11, pp. 341-345. (In Russ.) Available at: <http://e-koncept.ru/2016/86074.htm>
19. Solomatin E.N., Piryazeva N.E. (2016). *Social portrait of lawyer in 1920–1930s. Istoriya. Istoriki. Istochniki. Elektronnyi nauchnyi zhurnal = History. Historians. Sources: Electronic Scientific Journal*, no. 3, pp. 129-140. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wefegx>
20. Pashin V.P., Bogdanov S.V., Zyuban O.P. (2004). *Partiinaya nomenklatura v SSSR (1917–1930-e gody: stanovlenie, razvitie, bezrazdel'noe gospodstvo)* [Party Nomenclature in the USSR (1917–1930s: Formation, Development, Undivided Dominance)]. Belgorod, State Enterprise “Belgorod Regional Printing House”, 316 p. (In Russ.) Available at: <http://scipeople.ru/publication/65099/> (accessed 17.11.2022)
21. Kadintsev A.Ya. (2007). *Sovetskaya advokatura v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Soviet advocacy during the Great Patriotic War]. *Advokat = Advocate*, no. 12, pp. 75-80. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rusuln>

Поступила в редакцию / Received 15.12.2022

Поступила после рецензирования / Revised 23.02.2023

Принята к публикации / Accepted 17.03.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 34.096

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-71-80>

Шифр научной специальности 5.1.1

Некоторые проблемы терминологической неопределенности в правовом регулировании страхования на случай пожара

© СИЛУЯНОВА Наталья Михайловна,

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева», Российская Федерация, 196105 г. Санкт-Петербург, Московский просп., 149, <https://orcid.org/0000-0002-6890-1863>, siluyanov.n@igps.ru

Аннотация

Постановка проблемы обусловлена приоритетностью задач государства в сфере обеспечения пожарной безопасности и необходимостью в связи с этим развития правового регулирования противопожарного страхования, что в свою очередь ориентирует на выработку нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения в области страхования на случай пожара. Правотворческая деятельность неразрывно связана с применением юридико-технических правил, выработкой точных терминов. Имеются некоторые проблемы терминологической неопределенности в правовом регулировании страхования на случай пожара. Цель работы заключается в анализе юридико-технических характеристик используемого в правовых актах термина «противопожарное страхование», определении степени его соответствия требованиям терминологической точности. Исследование направлено на решение проблем, связанных с терминологической неопределенностью в правовом регулировании страхования на случай пожара. В предмет исследования вошли нормативные правовые акты, судебные решения, правила страхования, научные тексты, использующие в своем содержании термины, связанные с противопожарным страхованием. Методологическую основу составили общенаучные методы. Использованы метод диалектики, системно-структурный, формально-юридический, сравнительный и другие методы. Исследованы общетеоретические взгляды на понятия, термины, дефиниции. Рассмотрены лексические свойства точности термина «противопожарное страхование». Выявлено несоответствие смыслового содержания термина «противопожарное страхование» его назначению. Предлагается использование термина «страхование на случай пожара» и предпринята попытка авторской дефиниции понятия, соответствующего этому термину. Сделан вывод о возможности использования в юридических текстах термина «страхование на случай пожара».

Ключевые слова

противопожарное страхование, страхование на случай пожара, юридическая техника, терминология, точность термина

Для цитирования

Силуянова Н.М. Некоторые проблемы терминологической неопределенности в правовом регулировании страхования на случай пожара // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 1. С. 71-80. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-71-80>

Some problems of terminological uncertainty in the legal regulation of fire insurance

© Natalia M. SILUYANOVA,

Senior Lecturer of Theory and History of State and Law Department, Saint-Petersburg University State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after the Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev, 149 Moskovsky Ave., St. Petersburg, 196105, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-6890-1863>, siluyanova.n@igps.ru

Abstract

The formulation of the problem is due to the priority of the state's tasks in the field of fire safety and the need in this regard for the development of legal regulation of fire insurance, which in turn focuses on the development of regulatory legal acts regulating public relations in the field of fire insurance. Law-making activity is inextricably linked with the application of legal and technical rules, with the development of precise terms. There are some problems of terminological uncertainty in the legal regulation of fire insurance. The purpose of work is to analyze the legal and technical characteristics of the term "fire insurance" used in legal acts, to determine the degree of its compliance with the requirements of terminological accuracy. The research is aimed at solving problems related to terminological uncertainty in the legal regulation of fire insurance. The subject of the study includes regulatory legal acts, court decisions, insurance rules, scientific texts using terms related to fire insurance in their content. The methodological basis is made up of general scientific methods. The method of dialectics, system-structural, formal-legal, comparative and other methods are used. The general theoretical views on concepts, terms, definitions are investigated. The lexical properties of the accuracy of the term "fire insurance" are considered. The discrepancy between the semantic content of the term "fire insurance" and its purpose has been revealed. The use of the term "fire insurance" is proposed and an attempt is made to define the concept corresponding to this term by the author. The conclusion is made about the possibility of using the term "fire insurance" in legal texts.

Keywords

fire insurance, insurance against fire, legal technique, terminology, term accuracy

For citation

Siluyanova, N.M. (2023). Some problems of terminological uncertainty in the legal regulation of fire insurance. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 1, pp. 71-80 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-71-80>

Введение. Постановка проблемы

Юридические термины – это важнейший элемент юридической техники, обеспечивающей необходимое качество нормотворческой деятельности. Они являются важной информативной деталью юридического текста, что делает его способным донести до адресата смысл, заложенный в нормах. Более того, точный термин оказывает положительное влияние на природу права, а терминологическая неточность является законодательной проблемой и правовым дефектом [1, с. 24].

Сегодня недостаточно уделяется внимания юридической терминологии в области противопожарного страхования. В юридиче-

ской науке не исследованы юридико-технические и лексические свойства термина «противопожарное страхование». Отсутствие анализа этих свойств может тормозить развитие законодательства в данной области, что в результате сказывается на коэффициенте полезного действия соответствующих норм права при реализации основ государственной политики по обеспечению пожарной безопасности в России. В связи с этим уместно подчеркнуть, что формирование понятийно-терминологического аппарата является необходимым условием совершенствования правового обеспечения в рассматриваемой сфере [2, с. 648].

Сравнение некоторых показателей по состоянию пожарной безопасности подтверждает необходимость модернизировать институт противопожарного страхования. Так, количество пожаров в 2021 г. по сравнению с 2017 г. увеличилось в 3 раза, количество погибших людей увеличилось на 655 человек, прямой ущерб от пожара увеличился на 3 млрд руб.¹ Эти цифры призывают государство, юристов-практиков, ученых искать наиболее эффективные меры по предотвращению пожаров и их последствий.

В существующем законе об организации страхового дела определены виды страхования, касающиеся двух сфер – личного и имущественного страхования². Прямого упоминания о противопожарном страховании в законе нет, оно относится к имущественному страхованию. Сегодня страхование имущественных интересов, связанных с риском утраты, недостачи или повреждения имущества в результате пожара, осуществляется в добровольной форме. Идея о введении противопожарного страхования в обязательной форме до сих пор не претворена в жизнь, хотя регулярно транслируется в проектах нормативных правовых актов³, интервью руководства МЧС России⁴, научных работах [3, с. 60; 4, с. 57; 5, с. 149; 6, с. 125], особенно активно обсуждается эта тема после крупных пожаров.

Результаты исследования

В юридических документах, указе Президента Российской Федерации⁵, доктрине [7; 8], правилах страхования используются

несколько вариантов терминов, обозначающих семантически идентичные понятия: «страхование от огня», «противопожарное страхование», «страхование от пожара», «страхование в результате пожара» и др. Более того, в научных работах, с целью исключения повторений, эти термины могут употребляться одновременно как синонимы [9, с. 63]. Это дает право говорить об отсутствии единого представления о смысловом содержании данных понятий и наличии терминологической неопределенности в данной области. Поэтому необходимо установить – считаются вышеуказанные термины взаимозаменяемыми и синонимичными либо они недопустимы в качестве абсолютных синонимов, так как они являются квазисинонимами.

Официального толкования рассматриваемых терминов и нормативно установленных дефиниций соответствующих им понятий нет. На доктринальном уровне данный опыт имеется, под «противопожарным страхованием» понимают вид страхования объектов на случай пожарных рисков, выражающий имущественные интересы страхователей, связанные со страховой защитой этих объектов» [10, с. 305]. Данные обстоятельства затрудняют понимание точного значения термина в нормативном правовом акте, тем самым вызывая интерес для его уточнения. Целесообразно будет предложить унифицированную терминологически точную языковую единицу и доктринально обоснованную дефиницию для использования ее в юридических текстах.

Обобщением и применением основных теоретических подходов к понятию точности термина занимался М.Д. Шаргородский, который справедливо подчеркивал, что один и тот же термин, применяемый в законодательстве, должен иметь одно и то же значение [11, с. 161]. Аналогичной точки зрения придерживалась И.В. Сенина, подтверждая, что «точность термина предполагает отсутствие омонимии и полисемии в терминологии. Термин не будет точным, если под ним можно подразумевать разные вещи» [12, с. 171]. И.В. Сенина [12, с. 170] и К.А. Мякшин [13, с. 112] в своих трудах определили основные свойства точности термина – это принадлежность к определенной области знания, независимость от контекста, дефинирован-

¹ Пожары и пожарная безопасность в 2021 году: стат. сб. Балашиха: П 46 ФГБУ ВНИИПО МЧС России, 2022. 114 с. URL: <https://ptm01.ru/assets/images/biblioteka/Статистика/2021/ВНИИПО/pozhary-i-pozharnaya-bezopasnost-2021.pdf>

² Об организации страхового дела в Российской Федерации: Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. от 01.04.2022) // Российская газета. 1993. 12 янв. № 6.

³ О противопожарном страховании: проект федерального закона. URL: <https://24.mchs.gov.ru/deyatelnost/press-centr/novosti/2050454> (дата обращения: 12.11.2022)

⁴ См., например: Страхование от пожаров в России предложили сделать обязательным // ТАСС: сайт. 2021. 21 дек. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13253223>

⁵ Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области пожарной безопасности на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 01.01.2018 № 2 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. 08 янв. № 2. Ст. 411.

ность, однозначность, отсутствие синонимов, системность, стилистическая нейтральность и др.

Общеизвестно, что точность и формальная определенность текста нормативного правового документа – один из показателей соответствия текста правилам юридической техники. Приемами, средствами и способами юридической техники являются нейтральный языковой стиль, последовательность, изложение текста юридическим языком, ясность, лаконичность, императивность, соблюдение которых позволит достичь высокого уровня качества текста нормативных правовых актов.

Применение языковых правил является одним из значимых инструментов подготовки и совершенствования нормативных правовых актов. Формулирование нормативных грамматических предложений, использование правовых фразеологизмов, применение отдельных видов лексики способствуют одинаковому пониманию смыслового содержания слова и текстов. Строительным материалом текста закона является слово, как важнейшая единица речи, образующее юридические термины и понятия.

Роль понятий в праве, как первичного материала, значима. «Понятие, – подчеркивает Г.Т. Чернобель, – семантическое ядро, благодаря которому норма права функционирует» [14, с. 34]. Правовые понятия способны отражать наиболее важные стороны объектов. Раскрываются понятия при помощи дефиниций, текстовых конструкций. Одно из правил составления дефиниций гласит, что при их формулировке нужно стремиться избегать равнообъемности (синонимичности) понятий, поскольку это может усложнять понимание и применение текста [15, с. 67].

Дополнительно отметим, что, с одной стороны, текст нормативного правового акта, его качество зависят от характера информации, техники ее передачи, а с другой – это явление со своими законами, где текст способен влиять на качество информации и уровень ее прагматизма [15, с. 46]. В обоих случаях нормоустановитель должен исходить из того, что любой текст имеет логическую и языковую основу, направленную на организацию и передачу информации.

Одной из отправных точек для решения поставленных задач в данном исследовании является анализ законов, подзаконных нормативных правовых актов и других официальных документов на предмет использования в них вышеуказанных терминов в различные исторические периоды. Следующим шагом является лексический разбор термина «противопожарное страхование». Вышеуказанные действия в первую очередь позволят получить количественные данные и, соответственно, выявить закономерности в правотворческих, правоприменительных и научных процессах, связанных с активностью или пассивностью соответствующих органов и лиц, действующих в данном направлении. Во вторую очередь – охарактеризовать качество текстов через соблюдение юридикотехнических и лексических правил в нормативном правовом акте, содержащем термин «противопожарное страхование».

Итак, современную нормативную правовую базу, регулирующую область страхования, составляют Гражданский кодекс Российской Федерации, закон «Об организации страхового дела в Российской Федерации». В них не используется термин, связанный с противопожарным страхованием.

В федеральном законе «О пожарной безопасности» до 2004 г. использовался термин «противопожарное страхование», но активного практического применения этого вида страхования не последовало.

В «Техническом регламенте о требованиях пожарной безопасности» в требованиях к декларации пожарной безопасности указано, что должна быть проведена оценка возможного ущерба имуществу третьих лиц от пожара, в том числе в рамках добровольного страхования ответственности за ущерб третьим лицам от воздействия пожара⁶.

В основах государственной политики Российской Федерации в области пожарной безопасности определена одна из функций публичных органов власти – развитие противопожарного страхования. Это единственный нормативный правовой акт, в котором в

⁶ Технический регламент о требованиях пожарной безопасности: Федеральный закон от 22.07.2008 № 123-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Российская газета. 2008. 01 авг. № 163.

настоящее время используется термин «противопожарное страхование»⁷.

Нормативные правовые акты МЧС России положения о противопожарном страховании не содержат.

Обзор судебной практики показывает, что суды используют различные формулировки, связанные со страхованием на случай пожара. В определениях Верховного суда Российской Федерации по кассационным жалобам истцов на решения и постановления судов по делам, связанным с исками к страховым компаниям о возмещении страхового возмещения, в установочной части применена следующая формулировка названия договора – «договор страхования от огня и других опасностей»⁸. В Постановлении Арбитражного суда Московского округа использована следующая формулировка факта наступления страхового случая – «утрата (уничтожение в результате пожара)»⁹.

В рамках деятельности страховых компаний при соблюдении правил страхования (по договору имущественного страхования) указано, что при страховании по риску «пожар» возмещается ущерб, причиненный застрахованному имуществу непосредственным воздействием на застрахованное имущество стихийно развивающегося и неконтролируемого горения, тления, обугливания.

В научных работах используются следующие варианты формулировок «страхование недвижимого имущества от пожаров и других стихийных бедствий» [16, с. 41], «страхование от огня», «противопожарное страхование», «страхование в результате пожара» [9, с. 63].

В различные временные периоды в зависимости от социально-экономической политики государства использовались различные формулировки вышеуказанных поня-

тий. Так, в Российской империи в 1827 и в 1835 г. учреждены соответственно первое¹⁰ и второе Российское страховое от огня Общество¹¹. В период РСФСР с 1918 по 1922 г. в организационно-правовых документах в сфере борьбы с пожарами и страхования употреблялись словосочетания: во-первых, связанные с понятием «огонь», например, декрет «Об организации государственных мер борьбы с огнем»¹², во-вторых, связанные с понятием «пожар», например, постановление «Об управлении пожарным и страховым делом РСФСР (Положение)»¹³, и, в-третьих, связанные с понятием «стихийные бедствия», к которым относится пожар, например, декрет «Об организации государственной хозяйственной помощи пострадавшим от стихийных бедствий»¹⁴.

Таким образом, анализ юридических документов и доктринальных текстов на предмет использования вышеуказанного термина позволяет сделать вывод о некоторой понятийно-терминологической неопределенности нормативного регулирования в рассматриваемой сфере, что вызывает необходимость активизации правотворческой деятельности компетентных органов и лиц в этом направлении.

Дополнительно отметим, что теоретики права акцентируют внимание на необходимости обеспечения точного соответствия юридических терминов лексическому значению используемых слов в процессе подготовки нормативных правовых актов [17, с. 320]. Из этого следует, что выявление и

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1830. Т. II. № 1202. С. 551-570.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1836. Т. X. № 7930. С. 200-210.

¹² Об организации государственных мер борьбы с огнем: Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 17.04.1918 // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1918. № 32. Ст. 428.

¹³ Об управлении пожарным и страховым делом Р.С.Ф.С.Р. (Положение): постановление ВСНХ РСФСР // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1919. № 17. Ст. 186.

¹⁴ Об организации государственной хозяйственной помощи пострадавшим от стихийных бедствий: Декрет Совет народных комиссаров РСФСР от 18.12.1920 // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1920. № 100. Ст. 538.

⁷ Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области пожарной безопасности на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 01.01.2018 № 2 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. 08 янв. № 2. Ст. 411.

⁸ Определение Верховного суда Российской Федерации от 23.03.2018 по делу № А65-6878/2017. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 11.11.2022)

⁹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.12.2021 № Ф05-30108/2021 по делу № А41-35485/2020. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 11.11.2022)

анализ лексических свойств исследуемого термина необходимо начинать с уяснения значения используемых в нем слов.

Известно, что терминологию пополняют слова, заимствованные из общего употребления. В словообразовании наиболее используемых терминов «противопожарное страхование» и «страхование от огня» в сочетании со страхованием участвуют слова «пожар» и «огонь».

«Пожар» – по закону о пожарной безопасности – это «неконтролируемое горение, причиняющее материальный ущерб, вред жизни и здоровью граждан, интересам общества и государства»¹⁵. В Большой советской энциклопедии – это «неконтролируемый процесс горения, сопровождающийся уничтожением материальных ценностей и создающий опасность для жизни людей»¹⁶. По словарю С.И. Ожегова – это «пламя, широко охватившее и уничтожающее что-нибудь»¹⁷. Обобщая эти значения, определим, что пожар – это стихийно развивающийся процесс неконтролируемого горения, тления, обугливания, в результате которого причиняется ущерб и вред.

«Огонь» – по словарю С.И. Ожегова – это «горящие светящиеся газы высокой температуры, пламя»¹⁸. В Большой советской энциклопедии отсутствует толкование этого слова. По словарю Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона имеется толкование слова «пламя» – это «химическая реакция, встречающаяся в обыкновенной жизни, сопровождающаяся выделением значительного тепла и света»¹⁹. Специалисты в области пожарной безопасности считают, что «основной процесс – го-

рение, протекающий на пожаре – это совокупность самоподдерживающихся сложных физико-химических процессов, основой которых являются быстротекущие химические реакции окисления, сопровождающиеся выделением большого количества тепла и света» [18, с. 10]. Обобщая значение слова «огонь», определим, что это реакция, возникшая в результате химических процессов, сопровождающаяся видимым выделением тепловой энергии.

Таким образом, термин «противопожарное страхование» по своему значению наиболее близок, чем термин «страхование от огня», поскольку шире отражает процессы, связанные не только с горением, но и с тлением и обугливанием.

Вместе с этим проанализируем часть исследуемого термина слово «противопожарное» по отношению к слову «страхование» по признаку, обусловленному его внутренним содержанием. Рассмотрим сложное слово «противопожарное» как соединение первого слова «против» и второго – «пожар». Так, в соответствии со словарями, слово «против» применяется в нескольких случаях²⁰. Первый – эта единица имеет значение ответного или противоположного характера по отношению к тому, что названо мотивирующим именем существительным, например, противовес, противостояние. Второй – образующее имена прилагательные со значением признака, который характеризуется противоположностью по отношению к качеству, названному мотивирующим словом, например, противогосударственный, противоестественный, противозидемический. На первый взгляд, словосочетание «противопожарное страхование» звучит лексически точно, и не просматривается в нем отрицательного смыслового значения. Но, противопожарное страхование, как вид страхования, в первую очередь направлено на возмещение ущерба в случае пожара. То есть договор страхования будет вызывать ответ-

¹⁵ О пожарной безопасности: Федеральный закон от 21.12.1994 № 69-ФЗ (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.10.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. 26 дек. № 35. Ст. 3649.

¹⁶ БСЭ. URL: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/bse/articles/13293/pozhar.htm> (дата обращения: 10.11.2022)

¹⁷ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. С. 3-5. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001777011>

¹⁸ Там же.

¹⁹ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: в 86 томах с илл. и доп. материалами. СПб., 1890–1907. Т. XXIIIА (46): Петропавловский – Поватажное. 1898. С. 800. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book10177/#page/1/mode/1up>

²⁰ См.: Большой толковый словарь русского языка / сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000580829>; Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Рус. яз., 2000. Т. 2: П – Я. 1084 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000654780>

ные действия страховой компании только в случае наступления этого события. Во вторую очередь, да, действительно в страховой договор заложена превентивная функция на предотвращение и предупреждение пожара, которая, безусловно, специалистами в области пожарной безопасности рассматривается как одна из основных обеспечительных мер. Если бы противопожарное страхование гарантировало бы невозможность наступления такого случая, как пожар, тогда, возможно, данный термин был бы верным с точки зрения его смыслового содержания.

Таким образом, термин «противопожарное страхование» по своему внутреннему и смысловому содержанию не соответствует отражаемому понятию и не имеет однозначности, поскольку имеется противоречие в семантике термина между лексическим значением его как слова и смысловым значением, получаемым им в существующей терминологии.

Далее проанализируем термин «противопожарное страхование» по трем группам признаков, выделенных учеными-лингвистами: обусловленные формой термина, его содержанием, а также спецификой его функционирования [12, с. 170; 13, с. 112].

Показателем, обусловленным формой термина, считается, во-первых, его соответствие лингвистической нормативности через правильное использование словообразовательных способов [19, с. 131]. Во-вторых, отсутствие разнобоя в написании (терминологической инвариантности) [20, с. 50], благодаря чему избегается семантическая дифференциация и препятствие в общении специалистов. Учитывая сказанное, отметим, что наличие различных вариантов термина «противопожарное страхование» дает право считать его дифференцированным, что в целом противоречит выполнению правила, обусловленного формой термина. Дополнительно обратим внимание, что поскольку термин «противопожарное страхование» соотношен с двумя профессиональными областями – противопожарной службой и страховой организацией, то его можно считать специальным термином.

Вместе с точным выполнением юридико-технических требований необходимо при подготовке термина соблюсти и содержа-

тельную его точность, сделать его четким и ограниченным по значению. Определенный круг ученых-лингвистов отмечает, что выполнение данного правила гарантирует наличие дефиниции и закрепленного научного определения значения этой лексической единицы, тем самым выделяя терминологическую лексику из словарного состава языка [21, с. 61; 22, с. 126; 23, с. 3]. Вместе с дефинированностью важным свойством точности термина является терминологическая дефинитивность [13, с. 113]. Поскольку общепризнанная научная дефиниция понятия, обозначенного термином «противопожарное страхование», отсутствует, осуществить его сравнение на предмет различий с определениями в толковых словарях в целом не представляется возможным.

Благодаря дефинированности проявляются следующие свойства точности терминов: независимость от контекста и однозначность [13, с. 112]. Вследствие функционального признака обозначения понятия термина определяется объективность содержания понятия и номинативность, что соответственно отражают его стилистическую нейтральность и построение терминов-словосочетаний на основе имен существительных.

К ранее отмеченным свойствам термина дополним их системностью, то есть отражением термина в определенном научном мировоззрении.

Заключение

Исходя из вышесказанного, определим, что употребляемые в настоящее время словосочетания в законодательстве, судебных решениях, страховых договорах, научных трудах можно считать синонимами. Данный вывод оправдан, поскольку все вышеуказанные термины в сфере противопожарного страхования наделены прагматизмом, так как они уточняют, адаптируют волю нормоустановителя. Но в этом случае было бы верным использовать дублирующие и эквивалентные «скобочные» словосочетания. С другой стороны, по лексическим свойствам употребляемый термин «противопожарное страхование» противоречит своему смысловому содержанию и значению, что является дефектом и негативно может повлиять на смысл норм права, исказить волю зако-

нодателя в будущем. Поэтому термин «противопожарное страхование» все-таки неудачно подобран, может дезорганизовать, неточно ориентировать правоприменителя, что снизит эффект понимания юридического текста.

Итак, предлагаем использовать в нормативных правовых актах, правилах страхования унифицированный термин «страхование на случай пожара», поскольку это наиболее точный и однозначный термин, отражающий в своем значении все то, что необходимо для идентификации этого понятия. Термин «страхование на случай пожара» будет соответствовать вышеуказанным требованиям точности – это его принадлежность к определенной области знания, независимость от контекста, дефинированность, однознач-

ность, системность, отсутствие синонимов, стилистическая нейтральность.

Таким образом, **страхование на случай пожара** как термин обозначает **вид страхования объектов на случай пожарных рисков, выражающий имущественные интересы страхователей, связанные со страховой защитой этих объектов**. Данный термин может быть использован при подготовке проекта нормативного правового акта в области страхования на случай пожара, а также в иных документах. Точная фиксация юридических понятий, устойчивых словосочетаний в страховании на случай пожара, являясь одной из языковых основ подготовки нормативного правового текста, способствует эффективному правовому регулированию данной области.

Список источников

1. Толстухина Т.В., Панарина Д.В. Проблемы законодательные – во многом проблемы понятийные // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 1-2. С. 24-30. <https://elibrary.ru/xnaigd>
2. Ковалева Н.В., Зозуля А.А. Промышленная безопасность по законодательству Российской Федерации: теоретико-правовой анализ // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4. С. 646-656. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-646-656>, <https://elibrary.ru/awzqcq>
3. Немченко С.Б. Законопроект об обязательном противопожарном страховании: проблемы и перспективы // Пожарная безопасность: проблемы и перспективы. 2010. № 1 (1). С. 60-62. <https://elibrary.ru/xhznwj>
4. Семенова У.С., Шенин В.М. О возможности замены административной ответственности за нарушение требований пожарной безопасности обязательным противопожарным страхованием имущества // Юридический мир. 2022. № 1. С. 57-61. <https://doi.org/10.18572/1811-1475-2022-1-57-61>, <https://elibrary.ru/xoiite>
5. Гавриленко В.А., Мазова Е.А., Медведева А.А., Уткин Н.И. Вопросы развития и совершенствования института противопожарного страхования в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2021. № 7 (158). С. 149-151. <https://elibrary.ru/fnkkab>
6. Малько А.В., Немченко С.Б., Смирнова А.А. Правовая политика в сфере обеспечения пожарной безопасности, гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий (Обзор материалов «круглого стола») // Государство и право. 2015. № 5. С. 118-125. <https://elibrary.ru/tujcmh>
7. Архипов А.П., Гомеля В.Б., Туленцы Д.С. Страхование. Современный курс / под ред. Е.В. Коломина. М.: Финансы и статистика, 2007. 416 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003293585>
8. Ситник А.А. История страхования в России // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 8 (36). С. 230-245. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2017.36.8.230-245>, <https://elibrary.ru/zhmzvj>
9. Силуянова Н.М., Немченко С.Б. Правовое регулирование противопожарного страхования в дореволюционной России // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2013. № 2 (19). С. 63-67. <https://elibrary.ru/yiwjmt>
10. Силуянова Н.М. Понятийно-категориальный аппарат правового регулирования противопожарного страхования: теоретико-правовой анализ // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 3. С. 302-310. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-3-302-310>, <https://elibrary.ru/gfjhgi>
11. Шаргородский М.Д. Уголовный закон / редкол.: А.А. Герцензон, И.Т. Голяков, М.М. Исаев. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 311 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005824222>
12. Сенина И.В. К вопросу о точности термина (на материале немецкой лингвистической терминологии в области диалектологии) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2019. № 2. С. 170-175. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-170-175>, <https://elibrary.ru/gtktnj>

13. Мякишин К.А. К вопросу об основных признаках термина // Альманах современной науки и образования. 2009. № 8-2. С. 111-115. <https://elibrary.ru/owfjvn>
14. Чернобель Г.Т. Формализация норм права // Советское государство и право. 1979. № 4. С. 29-36. <https://elibrary.ru/zqssbl>
15. Юридическая техника / под ред. Т.Я. Хабриевой, Н.А. Власенко. М.: Эксмо, 2009. 272 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004568284>
16. Чакински А. Страхование недвижимого имущества от пожаров и других стихийных бедствий. Споры по выплатам и анализ ошибок сторон // Административное право. 2019. № 2. С. 39-44. URL: <https://www.top-personal.ru/data/2019/5d440a5d9865e.pdf>
17. Урматова А.Д., Рыспаева Г.С. Юридическая терминология // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. № 9. С. 318-324. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/46/42>, <https://elibrary.ru/baqgwo>
18. Коробейникова Е.Г., Кожевин Д.Ф., Кожевникова Н.Ю. Теоретические основы процессов горения и тушения. СПб.: С.-Пб. ун-т ГПС МЧС России, 2022. 435 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01011148254>
19. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология. Вопросы теории. М., 2003. 244 с. URL: <https://eponym.ru/BookImages/1169/FFJB4P8R7MR2VS562K6TQORI.pdf>
20. Хаяутин А.Д. Составные термины – функциональный тип сложных лингвистических единиц (СЛЕ) с позиций лексикографии // Отраслевая терминология и лексикография. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ин-т, 1981.
21. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высш. шк., 1987. 104 с. URL: <https://tipk.kg/wp-content/uploads/sites/432/2021/05/golovin-b.n.-kobrin-r.yu.-lingvisticheskie-osnovy-ucheniya-o-terminah.pdf>
22. Даниленко В.П. Лингвистический аспект стандартизации терминологии. М.: Наука, 1993. 127 с. URL: https://www.academia.edu/58700751/Лингвистический_аспект_стандартизации_терминологии
23. Кандалаки Т.Л. Значения терминов и системы значений научно-технических терминологий // Проблемы языка науки и техники. Логические, лингвистические и историко-научные аспекты терминологии. М.: Наука, 1970. 125 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007341439>

References

1. Tolstukhina T.V., Panarina D.V. (2018). The problems of legislative – in many matters concepts of concept. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = News of the Tula State University. Economic and Legal Sciences*, no. 1-2, pp. 24-30. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xnaigd>
2. Kovaleva N.V., Zozulya A.A. (2022). Industrial safety under the Russian Federation legislation: theoretical and legal analysis. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 6, no. 4, pp. 646-656. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-646-656>, <https://elibrary.ru/awzecu>
3. Nemchenko S.B. (2010). Zakonoproekt ob obyazatel'nom protivopozharnom strakhovanii: problemy i perspektivy [Draft Law on compulsory fire insurance: problems and prospects]. *Pozharnaya bezopasnost': problemy i perspektivy* [Fire Safety: Problems and Prospects], no. 1 (1), pp. 60-62. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xhznwj>
4. Semenova U.S., Shenshin V.M. (2022). On the possibility for replacement of the administrative liability for the violation of fire safety requirements with obligatory fire insurance of property. *Yuridicheskii mir = Juridical World*, no. 1, pp. 57-61. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/1811-1475-2022-1-57-61>, <https://elibrary.ru/xoiite>
5. Gavrilenko V.A., Mazova E.A., Medvedeva A.A., Utkin N.I. (2021). Issues of development and improvement of the fire insurance institute in the Russian Federation. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*, no. 7 (158), pp. 149-151. (In Russ.) <https://elibrary.ru/fnkkab>
6. Mal'ko A.V., Nemchenko S.B., Smirnova A.A. (2015). Legal policy in the field of fire safety, civil defense, emergencies and elimination of consequences of natural disasters (review of the “round table”). *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, no. 5, pp. 118-125. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tujcmh>
7. Arkhipov A.P., Gomellya V.B., Tulenty D.S. (2007). *Strakhovanie. Sovremennyyi kurs* [Insurance. Modern Course]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 416 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003293585>
8. Sitnik A.A. (2017). History of insurance in Russia. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, no. 8 (36), pp. 230-245. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2017.36.8.230-245>, <https://elibrary.ru/zhmzvj>

9. Siluyanov N.M., Nemchenko S.B. (2013). Legal regulation fire insurance in pre-revolutionary Russia. *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychainye situatsii* = Law. Safety. Emergency Situations, no. 2 (19), pp. 63-67. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yiwjmt>
10. Siluyanov N.M. (2022). Conceptual and categorical apparatus of legal regulation of fire insurance: theoretical and legal analysis. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = Current Issues of the State and Law, vol. 6, no. 3, pp. 302-310. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-3-302-310>, <https://elibrary.ru/gfjhgj>
11. Shargorodskii M.D. (1948). *Ugolovnyi zakon* [Criminal Law]. Moscow, Legal Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR, 311 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005824222>
12. Senina I.V. (2019). To the question of the exactness of the term (based on the Germanic linguistic terminology in the field of dialectology). *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Filologiya. Zhurnalistsika* = *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, no. 2, pp. 170-175. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-170-175>, <https://elibrary.ru/gtktnq>
13. Myakshin K.A. (2009). K voprosu ob osnovnykh priznakakh termina [On the question of the main features of the term]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya* = *Almanac of Modern Science and Education*, no. 8-2, pp. 111-115. <https://elibrary.ru/owfjvn>
14. Chernobel' G.T. (1979). Formalizatsiya norm prava [Formalization of the rule of law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], no. 4, pp. 29-36. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zqssbl>
15. Khabrieva T.Ya., Vlasenko N.A. (eds.). (2009). *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal Technique]. Moscow, Eksmo Publ., 272 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004568284>
16. Chakinski A. (2019). Strakhovanie nedvizhimogo imushchestva ot pozharov i drugikh stikhiinykh bedstvii. Spory po vyplatam i analiz oshibok storon [Real estate insurance against fires and other natural disasters. Disputes on payments and analysis of errors of the parties]. *Administrativnoe pravo* [Administrative Law], no. 2, pp. 39-44. (In Russ.) Available at: <https://www.top-personal.ru/data/2019/5d440a5d9865e.pdf>
17. Urmatova A.D., Ryspaeva G.S. (2019). Juridical Terminology. *Byulleten' nauki i praktiki* = *Bulletin of Science and Practice*, vol. 5, no. 9, pp. 318-324. (In Russ.) <https://doi.org/10.33619/2414-2948/46/42>, <https://elibrary.ru/baqgwo>
18. Korobeinikova E.G., Kozhevnikov D.F., Kozhevnikova N.Yu. (2022). *Teoreticheskie osnovy protsessov goreniya i tusheniya* [Theoretical Foundations of Combustion and Extinguishing Processes]. St. Petersburg, Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia Publ., 435 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01011148254>
19. Superanskaya A.V., Podol'skaya N.V., Vasil'eva N.V. (2003). *Obshchaya terminologiya. Voprosy teorii* [General Terminology. Theory Questions]. Moscow, 244 p. (In Russ.) Available at: <https://eponym.ru/BookImages/1169/FFJBP4P8R7MR2VS562K6TQORI.pdf>
20. Khayutin A.D. (1981). Sostavnye terminy – funktsional'nyi tip slozhnykh lingvisticheskikh edinit (SLE) s pozitsii leksikografii [Compound terms – a functional type of complex linguistic units (CLU) from the standpoint of lexicography]. *Otraslevaya terminologiya i leksikografiya* [Industry Terminology and Lexicography]. Voronezh, Voronezh State Pedagogical University Publ. (In Russ.)
21. Golovin B.N., Kobrin R.Yu. (1987). *Lingvisticheskie osnovy ucheniya o terminakh* [Linguistic Foundations of the Doctrine of Terms]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 104 p. (In Russ.) Available at: <https://tipk.kg/wp-content/uploads/sites/432/2021/05/golovin-b.n.-kobrin-r.yu.-lingvisticheskie-osnovy-ucheniya-o-terminah.pdf>
22. Danilenko V.P. (1993). *Lingvisticheskii aspekt standartizatsii terminologii* [Linguistic Aspect of Terminology Standardization]. Moscow, Nauka Publ., 127 p. (In Russ.) Available at: https://www.academia.edu/58700751/Лингвистический_аспект_стандартизации_терминологии
23. Kandelaki T.L. (1970). Znacheniya terminov i sistemy znachenii nauchno-tekhnicheskikh terminologii [Meanings of terms and systems of meanings of scientific and technical terminologies]. *Problemy yazyka nauki i tekhniki. Logicheskie, lingvisticheskie i istoriko-nauchnye aspekty terminologii* [Problems of the Language of Science and Technology. Logical, Linguistic and Historical-Scientific Aspects of Terminology]. Moscow, Nauka Publ., 125 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007341439>

Поступила в редакцию / Received 19.12.2022

Поступила после рецензирования / Revised 16.02.2023

Принята к публикации / Accepted 17.03.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРАВО SUBSTANTIVE LAW

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.132.14

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-81-88>

Шифр научной специальности 5.1.3

Моральный вред и психологическая травма, как основания для деликтной ответственности

© **ЗАЙЦЕВА Наталья Викторовна,**

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 119571, Российская Федерация, г. Москва, пр. Вернадского, 84, <https://orcid.org/0000-0002-3636-8339>, zaytsevanv@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена исследованию субъективной составляющей участников деликтных отношений в случаях, когда негативному воздействию подвергается психо-эмоциональное состояние физического лица. Проанализированы порядок и условия компенсации морального вреда, понятие нервного шока и условия возмещения вреда при его наличии. Использован сравнительно-правовой метод и формально-логический метод. По результатам данного исследования были определены основные условия возмещения морального вреда и нервного шока, определен субъективный фактор, который играет ключевую роль в вопросах привлечения причинителя вреда к ответственности. Проведен ретроспективный анализ становления правового понимания психологической травмы как самостоятельной правовой категории и условий возмещения вреда в случае ее возникновения. Рассмотрены такие теории возмещения вреда, как «теория удара», теория первичных и вторичных жертв, правило тонкого черепа, которые на различных этапах развития деликтного права играли преобладающую роль. Научная новизна работы заключается в определении основных условий возмещения морального вреда и влияния на условия компенсации отдельных элементов субъективного фактора.

Ключевые слова

субъективный фактор, разумность, психологическая травма, нормальная стойкость, теория удара, первичные и вторичные жертвы, правило тонкого черепа

Для цитирования

Зайцева Н.В. Моральный вред и психологическая травма, как основания для деликтной ответственности // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 1. С. 81-88. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-81-88>

Moral damage and psychological trauma as grounds for tort liability

© Natalia V. ZAYTSEVA,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor of Legal Support of Market Economy Department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 84 Vernadskogo Ave., Moscow, 119571, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-3636-8339>, zaytsevanv@gmail.com

Abstract

The work is devoted to the study of subjective component of participants in tort relations in cases where the psycho-emotional state of an individual is negatively affected. The procedure and conditions for compensation for moral damage, the concept of nervous shock and the conditions for compensation for damage, if any, are analyzed. The comparative legal method and the formal logical method are used. Based on the results of this study, the main conditions for compensation for moral damage and nervous shock are determined, and the subjective factor is determined, which plays a key role in bringing the tortfeasor to justice. A retrospective analysis of the formation of psychological trauma legal understanding as an independent legal category and the conditions for compensation for damage in the event of its occurrence is carried out. Such theories of compensation for damage as the “impact theory”, the theory of primary and secondary victims, the thin skull rule, which played a predominant role at various stages of the development of tort law, are considered. The scientific novelty of the work lies in the determination of the main conditions for compensation for moral damage and the influence on the conditions of compensation of individual elements of the subjective factor.

Keywords

subjective factor, reasonableness, psychological trauma, normal fortitude, impact theory, primary and secondary victims, thin skull rule

For citation

Zaytseva, N.V. (2023). Moral damage and psychological trauma as grounds for tort liability. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 1, pp. 81-88 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-81-88>

Введение. Постановка проблемы

Отношения участников гражданских правоотношений, возникшие вследствие причинения вреда, находятся на различной стадии развития в контексте их правового регулирования. Современное деликтное право в странах общего права сформировало многочисленные критерии оценки субъективного фактора, которые позволяют установить обязанности лиц, не состоящих в договорных отношениях по отношению друг к другу, и основания их ответственности за причиненный вред.

Можно констатировать, что деликтное право в России находится на начальном этапе своего становления, и субъекты частноправовых отношений крайне неохотно пользуются соответствующими средствами правовой защиты. Судебная практика в данной сфере сильно уступает по количеству и качеству обязательственным отношениям, несмотря на то, что со случаями причинения

вреда физические лица сталкиваются повсеместно. Задача данной статьи исследовать вопрос регулирования деликтов в странах общего права на предмет оснований ответственности, сделав акцент в первую очередь на компенсацию морального вреда, который закреплен в отечественном законодательстве длительный период времени, но, к сожалению, остается чуждым российскому правопорядку. Целью настоящей работы является исследование критериев оценки субъективных характеристик субъекта, которые могут стать основанием для привлечения или освобождения от ответственности за причинение морального вреда.

В исследовании в первую очередь использовался сравнительно-правовой метод, позволяющий сопоставить аналогичные гражданско-правовые институты и формально-логический метод, с помощью которого осуществляется оценка правовых дефиниций.

В результате данного исследования были определены элементы субъективного фактора, влияющие на возникновение деликтной ответственности вследствие причинения морального вреда. Исследован вопрос о правовых характеристиках морального вреда и нервного шока, которые определяют условия их компенсации. Проведен анализ разнообразной судебной практики в странах общего права, которая позволяет определить этапы развития понятия морального вреда, его сущностные характеристики и основания компенсации, частичное использование результатов исследования позволит пересмотреть подходы к возмещению морального вреда в РФ.

Научная новизна работы заключается в установлении основных элементов субъективного фактора, влияющих на условия возмещения морального вреда, определении нервного шока и оценке перспектив применения данных правовых категорий в деликтном праве Российской Федерации.

Результаты исследования

1. Проявление заботы как элемент обязанности в деликтном праве

В XX веке рассмотрение многочисленных деликтных споров дополнилось включением теста на справедливость и разумность в проверку обязанности ответчика проявлять заботу. Подход, сформулированный в деле “*Caparo Industries v Dickman*”¹, свидетельствует о том, что при всех обстоятельствах обязанность проявлять осмотрительность считается справедливой и разумной в том смысле, что закон должен налагать на лицо обязанность проявлять определенный уровень заботы в отношении других лиц. В деле “*Vowles v Evans*”² апелляционный суд постановил, что судья по регби был обязан проявлять заботу об игроках и осуществлять разумные меры для обеспечения соблюдения ими правил игры. В связи с ошибками судейства истец получил вывих шеи, что привело к необратимой неполной тетраплегии.

При рассмотрении спора суд заключил:

– возложение на судью матча по регби обязанности проявлять осторожность было справедливым и разумным;

– поскольку регби опасный вид спорта, правила были разработаны таким образом, чтобы свести к минимуму имеющиеся опасности. Безопасность игроков зависела от соблюдения правил, которые должен был контролировать рефери. Игроки имели право рассчитывать на то, что судья проявляет разумную осмотрительность при выполнении этих функций;

– стандарт ожидаемой заботы зависит от различных обстоятельств, но предъявление требований не повышает уровень ответственности по сравнению с обязательствами в рамках его базовой компетентности.

Следующим фактором, наличие которого необходимо для удовлетворения исковых требований по деликту, является подтверждение нарушения ответчиком его обязанности проявлять заботу, которая может быть закреплена в законе или подразумеваться в силу специфики внедоговорных отношений, рода деятельности или профессии причинителя вреда [1, р. 495].

Важно подчеркнуть, что между нарушением обязанности проявлять заботу и причинением вреда должна существовать причинно-следственная связь. Установление вины в форме халатности исключает оценку намерений причинителя вреда, а нарушение обязанности и возникновение вреда предопределяет установление причинно-следственной связи. В этой связи представляется бесспорным, что классическое определение вины, характерное для уголовного права, не приемлемо в гражданских правоотношениях, где общественное благо не так очевидно, вред менее предсказуем, а должная забота находится в прямой корреляции с наличием у лица знаний о последствиях, которые могут повлечь те или иные действия. Вследствие названных причин разумность и стала признаваться одной из ключевых субъективных составляющих деликтных правоотношений [2, р. 45].

2. Понятие морального вреда и психологической травмы и условия их компенсации

Как отмечалось, субъективное восприятие действительности является не только характеристикой субъекта, но и объектом внедоговорных обязательств, в которых возникает вопрос о возмещении морального

¹ *Caparo Industries v Dickman* (1990) AC 605.

² *Vowles v Evans* (2003) EWCA Civ 318.

ущерба или имущественного вреда [3, р. 283]. Отдельную сферу правового регулирования деликтных правоотношений представляет собой психологическая травма, которая постепенно стала рассматриваться самостоятельным основанием предъявляемых требований.

Ретроспективный анализ судебной практики позволяет проследить изменения в подходе юристов, врачей и общества в целом к подобным травмам. Психиатрическая (психологическая) травма, как и чистый экономический ущерб, иногда определяется как «серая зона» халатности, поскольку судебные позиции постоянно развиваются, и регулярно появляются новые формулировки содержания и объема обязанностей должной осмотрительности и заботы. Суды не испытывают особых трудностей в решении вопроса о компенсации психического вреда, требование о котором заявляется наряду с просьбой о компенсации последствий полученных истцом физических травм, полученными, как, например, нередко бывает после автомобильных аварий [4, с. 10].

Возникающие при этом спорные вопросы касаются «чистой» психической травмы, не сопровождающейся физическими повреждениями, при этом понятие «нервный шок», являющееся неоднозначными в правовом смысле, часто используется юристами для обозначения различных видов психических травм. Физические симптомы могут сопровождать имеющееся у лица психическое расстройство, например, у беременной женщины, перенесшей нервный шок, может произойти выкидыш, а у гражданина с заболеванием сердца может случиться сердечный приступ. Хотя такого рода физические симптомы упрощали производство по рассмотрению первых исков о компенсации психического вреда, суды длительное время явно скептически относились к таким требованиям [5, с. 95].

По мере расширения научных знаний судьи все чаще стали признавать, что состояние, описываемое юристами как «нервный шок», действительно существует. Граждане, не получившие физических травм, но испытывавшие психологическую травму, возможно, не рассматривали возможность предъявления судебного иска до тех пор, пока медицинская наука не выявила и не за-

документировала это состояние. Только в 1888 г. первое подобное дело дошло до суда. Одна из причин, из-за которой судьи изначально неохотно признавали обоснованность таких требований, заключалась в том, что существование подобного медицинского состояния вызывало у судей серьезные сомнения. Судебные органы опасались, что имитировать психическую травму значительно проще, чем вред, причиненный физическому состоянию, и не доверяли психиатрам, потому что в подобных случаях в суд представлялось множество противоречивых психиатрических заключений.

Как только стало ясно, что психиатры готовы последовательно подтверждать наличие психического заболевания, вызванного причиненной лицу психической травмой, число подобных исковых заявлений значительно увеличилось. Важным шагом в признании психической травмы как самостоятельного фактора причиненного вреда стало ее исключение из объема ответственности в статье 17 Конвенции для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок³, допускающей компенсацию за телесные повреждения, полученные на борту воздушного судна, но не распространяющую такую компенсацию на психические травмы, которые не были вызваны телесным повреждением⁴. В настоящее время сформировался научно обоснованный подход к подтвержденным симптомам психической травмы, к которым относится страх за родственников и друзей.

В деле “Hambrook v Stokes”⁵ суд вынес решение о компенсации за нервный шок, испытанный матерью при виде неуправляемого грузовика, несущегося на ее детей. Суд пришел к выводу, что истица опасалась за собственную безопасность и безопасность своих детей, была непосредственным свидетелем этого события, поэтому иск должен быть удовлетворен. После данного решения в юридической литературе стали появляться

³ См.: О присоединении Российской Федерации к Конвенции для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок: ФЗ от 03.04.2017 № 52-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. 10 апр. № 15 (ч. I). Ст. 2127.

⁴ King v Bristow Helicopters Ltd (2002) UKHL 7.

⁵ Hambrook v Stokes (1925) 1 KB 141.

статьи [6], в которых объяснялись медицинские аспекты рассматриваемого состояния, а в судебные органы все чаще стали предъявляться такие иски.

В дальнейшем появилась так называемая «теория удара», объясняющая результат развития физического проявления нервного шока. В силу названной теории ущерб подлежит возмещению только в том случае, если заявитель находился в пределах обозримой зоны удара или географически достаточно близко к месту происшествия [7, p. 257].

Большой интерес вызывает и теория «зон удара», согласно которой даже если заявитель находился за пределами прогнозируемой зоны удара, ущерб все равно должен быть возмещен, пока заявитель находился в пределах прогнозируемой зоны удара. В деле “Bourhill v Young” (1943) истица вышла из трамвая, когда услышала звуки удара от серьезной аварии в 50 ярдах от нее на другой стороне дороги и вне поля ее зрения. Истица подошла к месту происшествия и испытала нервный шок от зрелища аварии с летальным исходом. Вскоре после этого она родила мертворожденного ребенка, но в удовлетворении ее заявления о компенсации гибели ребенка, ставшей результатом нервного шока, было отказано [8, p. 495].

Судьи Палаты лордов справедливо постановили, что она находилась вне зоны удара и была абсолютно не знакома с мотоциклистом, попавшим в аварию, следовательно, у нее отсутствовала близость с пострадавшим, которая могла бы причинить ей моральные и нравственные страдания. Члены палаты лордов согласились с тем, что истице следовало бы предвидеть шок, но она намеренно пошла к месту аварии, свидетельницей которой она не являлась, что отнюдь не соответствовало стандарту «разумного предвидения».

В настоящее время существует значительный объем потенциальных претензий, связанных с нервным шоком, доказывание по которым довольно затруднительно, тем не менее, прогресс в медицине и фармакологии позволяет утверждать, что психиатрические заболевания имитировать весьма сложно, поскольку симптомы этих состояний хорошо изучены современной наукой.

3. Условия ограничения ответственности при возникновении нервного шока

Вопрос ограничения обязанностей по возмещению нервного шока Палата лордов рассмотрела в деле Alcock, а оставшиеся вопросы были пояснены в деле “McLoughlin v O’Brian”⁶. В деле “Alcock v Chief Constable of South Yorkshire Police”⁷ Палата лордов рассмотрела 10 заявлений родственников жертв катастрофы на футбольном стадионе Хиллсборо о компенсации полученного ими нервного потрясения. Полиция допустила халатность, которая привела к массовой давке на стадионе, в результате чего 95 человек погибли, а 400 получили серьезные повреждения и нуждались в лечении в больнице. Трагедия транслировалась по телевидению в прямом эфире. Предъявленные претензии требовали разъяснения ряда вопросов, в том числе:

- могут ли другие лица, кроме родителей, детей и супругов, претендовать на компенсацию страданий вследствие нервного шока?
- как далеко распространяются «непосредственные последствия»?
- могут ли граждане, ставшие свидетелями событий, произошедших с их близкими, не на стадионе, а по телевидению, получить компенсацию пережитого ими нервного потрясения и др.

Палата Лордов отклонила все предъявленные претензии, указав, что при решении поставленных вопросов должны учитываться следующие факторы: близость заявителя во времени и пространстве к месту происшествия; отношения между жертвой несчастного случая и пострадавшим; основания возникновения нервного шока.

Такой подход привел к появлению концепции «первичных» и «вторичных» жертв, отличающихся друг от друга по уровню и степени перенесенных страданий. В Alcock ни один из заявителей не был непосредственным свидетелем событий, происходящих с близким ему лицом, так как те лица, которые присутствовали на месте происшествия,

⁶ McLoughlin v O’Brian (1983) 1 AC 410.

⁷ Alcock v Chief Constable of South Yorkshire Police (1991) UKHL 5, (1992) 1 AC 310.

находились слишком далеко от возникшей давки, чтобы разглядеть лица жертв.

Заявитель, который является «вторичной жертвой», должен воспринять «шокирующее событие» собственными органами чувств без посторонней помощи как очевидец события, или лично услышать событие, или увидеть его «прямые последствия» [9, р. 43]. Это требует непосредственной физической близости к событию и обычно исключает события, засвидетельствованные по телевидению или проинформированные третьей стороной.

Шок должен быть «внезапным», а не «постепенным» воздействием на нервную систему истца. Таким образом, лицо, у которого развилась депрессия из-за проживания с родственником, которому был причинен физический вред в результате несчастного случая, не сможет возместить ущерб вследствие пережитого нервного шока.

Если нервный шок был вызван наблюдением смерти или ранения другого человека, заявитель должен продемонстрировать «достаточно близкие» отношения с этим лицом, определяемые как «тесные узы любви и привязанности». Предполагается, что такие связи существуют только между родителями и детьми, а также между супругами и женами с невестами, а в других отношениях, включая братьев и сестер, наличие «уз любви и привязанности» подлежит судебному доказыванию.

Лицо, причинившее вред, должно было разумно предвидеть, что человек с «нормальной стойкостью» в положении истца получит моральную травму. Если доказано, что какой-то психический вред можно было предвидеть, то подверженность лица психическому заболеванию не имеет правового значения – ответчик должен «видеть жертву такой, какой он ее находит», и заплатить за все последствия пережитого ею нервного потрясения. Такой подход в системе общего права сформировался внутри концепции, называемой «Череп из яичной скорлупы».

Эта концепция (также правило тонкого черепа или правило *talem qualem*) является правовой доктриной в общем праве, используемой в некоторых случаях в деликтном праве наряду с аналогичной доктриной, применимой к уголовному праву. Правило гласит, что в деликтных отношениях неожидан-

ная слабость потерпевшего не снижает серьезность любого причиненного ему вреда.

Отдельно следует отметить возможность получения нервного потрясения от объявления плохих новостей, относительно которого высказываются противоречивые мнения. Право склоняется в пользу существования обязанности компенсировать причиненный вред, особенно если сообщаемые новости являются неточными. В деле “*Allin v City и Hackney*” мать, которой сообщили ложную информацию о смерти ее ребенка, получила компенсацию за пережитое нервное потрясение, несмотря на то, что медицинское учреждение выполнило обязанность сообщить ей плохую новость предельно деликатно. В деле “*BA v Tameside & Glossop*” несколько пациентов подали иск против Управления здравоохранения на том основании, что управление не проявило должного внимания и заботы, сообщив им в письме, вместо личной встречи, о том, что лечившая их медсестра была ВИЧ-положительной. Суд, рассмотрев такие требования, решил, что управление исполнило свою обязанность, во-первых, проинформировать пациентов о данном факте, и, во-вторых, проинформировать их разумным способом.

4. Компенсация морального вреда в Российской Федерации

Моральный вред как правовая категория существует в российском праве уже длительный период времени, однако его компенсация осложнялась невозможностью оценки субъективного восприятия события, в результате которого был причинен вред, и как следствие – невозможность оценить степень страданий. Следует отметить достаточно формальный подход судебных органов к данному вопросу, которые связывают компенсацию морального вреда в связи с наступлением определенного юридического факта, четко определенного в законе и достаточно устойчивой суммой выплаты – тоже не имеющей связи с объемом морального вреда. Компенсация длительный период времени по большинству оснований не превышала 100 тысяч рублей, что, по сути, делает данное средство защиты комплиментарным к другим механизмам, потому что само по себе теряет материальный смысл. В ноябре 2022 г. было принято Постановление

Пленума Верховного суда РФ⁸, в котором рассмотрены вопросы компенсации морального вреда, в том числе в части размера компенсации оснований выплаты. Это, безусловно, важный шаг в сторону увеличения правовой эффективности института компенсации морального вреда, при этом следует отметить, что масштабы распространения в РФ случаев причинения вреда как имуществу физических и юридических лиц, так и здоровью и жизни граждан столь велики, что эффективное правовое регулирование отношений, возникающих в связи с таким причинением, и полноценная судебная защита прав и законных интересов лиц, по-

страдавших вследствие причинения вреда, является одной из наиболее важных государственных задач, имеющей не только социально-правовое, но и чрезвычайно важное экономическое значение.

Заключение

Компенсация морального вреда или нервного шока невозможна без учета субъективных особенностей конкретного лица, с одной стороны, в то же время необходимы общеправовые понятные критерии оценки поведения и событий, ставших основанием для возникновения нервного шока и морального вреда. Без внедрения в российское право таких понятий, как разумность, должная осмотрительность, «стандарт разумного человека», компенсация морального вреда останется невостребованным субсидиарным средством правовой защиты.

⁸ О практике применения судами норм о компенсации морального вреда: постановление Пленума Верховного суда РФ от 15.11.2022 № 33 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2023. № 2.

Список источников

1. Posner R.A. Instrumental and noninstrumental theories of tort law // *Indiana Law Journal*. 2013. № 88 (2). P. 469-525. URL: https://chicagounbound.uchicago.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=5020&context=journal_articles
2. Ripstein A. *Private Wrongs*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2016. 313 p.
3. Steel S., Stevens R. The secondary legal duty to pay damages // *Law Quarterly Review*. 2020. № 136 (2). P. 283-291. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3466468>
4. Колесниченко О.В. Придание свойства «возместимости» вреду, причиненному здоровью человека, через конструкцию косвенных убытков: проблемы правопонимания и правоприменения // *Lex Russica*. 2022. № 3 (184). С. 9-18. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.184.3.009-018>, <https://elibrary.ru/lpjggq>
5. Салагай О.О., Сошкина К.В. Концепция личной ответственности за сохранение здоровья: правовой аспект // *Журнал российского права*. 2020. № 8. С. 94-104. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.097>, <https://elibrary.ru/qjmhrrh>
6. English R. Nervous shock: before the aftermath // *The Cambridge Law Journal*. 1993. Vol. 52. № 2. P. 204-206. URL: <http://www.jstor.org/stable/4507798>
7. O'Brien L.S. The validity of the diagnosis of post-traumatic stress disorder // *Journal of Personal Injury Litigation*. 1994. P. 257-270.
8. Swanton J. Issues in tort liability for nervous shock // *Australian Law Journal*. 1992. Vol. 66.
9. Fordham M. Psychiatric injury, secondary victims and the "sudden shock" requirement // *Singapore Journal of Legal Studies*. 2014. P. 41-58. URL: <http://www.jstor.org/stable/24872232>

References

1. Posner R.A. (2013). Instrumental and noninstrumental theories of tort law. *Indiana Law Journal*, no. 88 (2), pp. 469-525. Available at: https://chicagounbound.uchicago.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=5020&context=journal_articles
2. Ripstein A. (2016). *Private Wrongs*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 313 p.
3. Steel S., Stevens R. (2020). The secondary legal duty to pay damages. *Law Quarterly Review*, no. 136 (2), pp. 283-291. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3466468>
4. Kolesnichenko O.V. (2022). Giving the property of "compensability" to harm caused to human health through the construction of indirect damages: problems of legal understanding and law enforcement. *Lex Russica*, no. 3 (184), pp. 9-18. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.184.3.009-018>, <https://elibrary.ru/lpjggq>

5. Salagai O.O., Soshkina K.V. (2020). The concept of personal responsibility for health: legal aspect. *Zhurnal rossiiskogo prava* = *Journal of Russian Law*, no. 8, pp. 94-104. (In Russ.) <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.097>, <https://elibrary.ru/qjmhrh>
6. English R. (1993). Nervous shock: before the aftermath. *The Cambridge Law Journal*, vol. 52, no. 2, pp. 204-206. Available at: <http://www.jstor.org/stable/4507798>
7. O'Brien L.S. (1994). The validity of the diagnosis of post-traumatic stress disorder. *Journal of Personal Injury Litigation*, pp. 257-270.
8. Swanton J. (1992). Issues in Tort Liability for Nervous Shock. *Australian Law Journal*, vol. 66.
9. Fordham M. (2014). Psychiatric injury, secondary victims and the "sudden shock" requirement. *Singapore Journal of Legal Studies*, pp. 41-58. Available at: <http://www.jstor.org/stable/24872232>

Поступила в редакцию / Received 26.12.2022

Поступила после рецензирования / Revised 28.02.2023

Принята к публикации / Accepted 17.03.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-89-97>

Шифр научной специальности 5.1.3

Некоторые аспекты правового регулирования суррогатного материнства

© **КРАВЧЕНКО Наталья Владимировна**,

преподаватель кафедры гражданского права, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Российская Федерация, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94, <https://orcid.org/0000-0002-6378-5074>, kravchenko-nv46@yandex.ru

© **ТРУФАНОВА Александра Юрьевна**,

юрист, ООО АФ «Реут», Российская Федерация, 307048, Курская обл., Медвенский р-н, с. Верхний Реутец, ул. Домики, <https://orcid.org/0000-0002-9556-5789>, trufanovaalexandra@gmail.com

Аннотация

Актуальность данной темы обусловлена тем, что в силу различных причин граждане стали чаще обращаться к такому методу вспомогательных репродуктивных технологий, как суррогатное материнство. Вместе с тем на сегодняшний день этот институт имеет множество противоречий в части правового регулирования. В декабре 2022 г. были внесены изменения в Федеральный закон № 538-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 52. Ст. 9368), практическая реализация которых призвана устранить существующие проблемы, однако ряд вопросов юридического, морально-нравственного характера, вытекающих из процедуры суррогатного материнства, остаются неразрешенными. С учетом этого цель настоящего исследования – провести правовой анализ технологии суррогатного материнства и определить пути урегулирования имеющихся противоречий. Методологию составляют диалектический, структурный, формально-юридический и сравнительно-правовой методы, анализ и синтез. В рамках исследования были проанализированы правовая природа договора суррогатного материнства, его содержание, субъектный состав, исследованы проблемно-правовые аспекты практического применения технологии суррогатного материнства, включая связь между достижением цели договора и согласием суррогатной матери на регистрацию генетических родителей в качестве таковых. Отмечено, что остаются неурегулированными вопросы реализации прав суррогатной матери на аборт и возможность эмбрионального скрининга на предмет наличия генетических заболеваний до пересадки эмбриона. Решение всех вопросов видится в разработке и принятии системного нормативного акта, регулирующего применение процедуры суррогатного материнства.

Ключевые слова

суррогатное материнство, биологические родители, генетическая связь, согласие суррогатной матери, договор суррогатного материнства

Для цитирования

Кравченко Н.В., Труфанова А.Ю. Некоторые аспекты правового регулирования суррогатного материнства // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 1. С. 89-97. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-89-97>

Some aspects of the legal regulation of surrogacy

© Natalia V. KRAVCHENKO,

Lecturer of Civil Law Department, Southwest State University, 94, 50 let Oktyabrya St., Kursk, 305040, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-6378-5074>, kravchenko-nv46@yandex.ru

© Alexandra Y. TRUFANOVA,

Lawyer, LLC Farming Firm "Reut", Domiki St., Upper Reutets Village, Medvensky District, Kursk Region, 307048, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-9556-5789>, trufanovaalexandra@gmail.com

Abstract

The relevance of the topic is due to the fact that, for various reasons, citizens have become more likely to turn to such a method of assisted reproductive technologies as surrogacy. At the same time, today this institution has many contradictions in terms of legal regulation. In December 2022, amendments were made to Federal Law No. 538-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (Collection of Legislation of the Russian Federation, 2022, no. 52, section 9368), the practical implementation of which is designed to eliminate existing problems, however, a number of legal, moral and ethic issues arising from the surrogacy procedure remain unresolved. With this in mind, the purpose of the study is to conduct a legal analysis of surrogacy technology and identify ways to resolve existing contradictions. The methodology consists of dialectical, structural, formal-legal and comparative-legal methods, analysis and synthesis. Within the framework of the study, the legal nature of the surrogacy contract, its content, subject composition were analyzed, the problematic legal aspects of the practical application of surrogacy technology were investigated, including the relationship between the achievement of the purpose of the contract and the consent of the surrogate mother to register genetic parents as such. It is noted that the issues of the implementation of the surrogate mother's rights to abortion and the possibility of embryonic screening for the presence of genetic diseases before the embryo transplant remain unresolved. The solution to all issues is seen in the development and adoption of a systemic regulatory act regulating the use of surrogacy procedures.

Keywords

surrogacy, biological parents, genetic connection, consent of the surrogate mother, surrogacy contract

For citation

Kravchenko, N.V., & Trufanova, A.Y. (2023). Some aspects of the legal regulation of surrogacy. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 1, pp. 89-97 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-89-97>

Введение. Постановка проблемы

К сожалению, на сегодняшний день значительная часть супружеских пар сталкивается с проблемой рождения ребенка. Причиной такой ситуации могут быть как генетические заболевания, так и влияние неблагоприятной окружающей среды. Пятнадцать лет назад никто и подумать не мог, что такое возможно, но проблема бесплодия стала глобальной¹, поэтому ученые тщательно работали над способом ее решения. К счастью, в настоящее время практическая медицина

преодолевают эту проблему с помощью технологий искусственного оплодотворения, одной из которых является суррогатное материнство (далее – СМ), получившее колоссальное развитие в нашей стране².

СМ – это одновременно медико-биологическая процедура и сложный правовой институт, имеющий свои социальные, морально-нравственные особенности, предназначение которого – решить проблемы деторождения неспособных к таковому супружеских пар (одиноким женщины).

¹ Бескаравайная Т. Суммарные потери в рождаемости из-за бесплодия в России оценили в 17–21 % // Медвестник. 2022. 22 дек. URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Summarnye-poteri-v-rojdaemosti-iz-za-besplodiya-v-Rossii-ocenili-v-17-21.html> (дата обращения: 25.12.2022).

² Дети на заказ. Как Россия стала лидером в области суррогатного материнства // Коммерсант. 2018. 07 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3674788> (дата обращения: 07.11.2022).

Использование СМ в Российской Федерации началось в 2011 г., когда Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ об охране здоровья) установил некоторые положения о вспомогательных репродуктивных технологиях. Позже появились и другие нормативно-правовые акты, регулирующие порядок использования СМ, но проблемы как этического, так и правового характера в юридической практике до сих пор себя не исчерпали.

Результаты исследования

СМ представляет собой способ искусственного оплодотворения яйцеклетки одной женщины и пересаживанием эмбриона другой женщине, которая его вынашивает, рождает и передает семейной паре (одиноким женщине) [1, с. 192]. Вместе с тем, с правовой точки зрения, в российском законодательстве регламентация этого способа имеет ряд существенных проблем: определение правовой основы договора, однозначность субъектов – сторон договора, выполнение цели договора, преимущественное право суррогатной матери и др. Именно поэтому требуется провести глубокий анализ проблем нормативно-правового регулирования СМ.

В Российской Федерации демографический рост с каждым годом становится меньше. Согласно статистическим данным за 2022 год рождаемость в нашей стране снизилась на 6,8 %³. Одной из причин такой статистики является бесплодие мужчин и женщин. Количество супружеских пар, которым требуется искусственное оплодотворение, каждый год увеличивается на 5–10 %⁴, поэтому актуальность использования СМ возрастает, что, в свою очередь, детерминирует необходимость не только исследования правового регулирования данного вопроса, но и выработки путей решения выявленных проблем.

³ Росстат опубликовал данные по смертности и рождаемости в России к концу 2022 года // Маяк. 2023. 3 февр. URL: https://mayaksbor.ru/news/society/rosstat_opublikoval_dannye_po_smertnosti_i_rozhdaemosti_v_rossii_k_kontsu_2022_goda/ (дата обращения: 05.02.2023).

⁴ Мкртчян Т.М. Бесплодие в России и в мире // Репробанк. 2021. 26 мая. URL: <https://reprobank.ru/novosti/stati/besplodie-v-rossii> (дата обращения: 07.11.2022).

В первую очередь стоит определить правовую основу. Правоотношения по СМ закрепляются в договоре, в котором определяются стороны – участники возникающего правоотношения и их непосредственные права и обязанности.

Рассмотрим несколько точек зрения цивилистов, исследовавших вопрос правовой природы СМ. Так, по мнению, А.В. Герасимова и А.Ю. Афанасьевой, необходимо включить договор СМ в Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ) для того, чтобы в случаях недобросовестности исполнителя можно было применять санкции [2, с. 31].

Некоторые ученые считают, что договор оказания услуг по искусственному оплодотворению имеет семейно-правовой характер. Так, Е.Р. Сухарева приходит к такому выводу исходя из цели его заключения – укрепление семейных отношений после рождения ребенка. В то же время ученый не исключает наличия элемента договора гражданско-правового характера, так как связывает услугу суррогатного материнства с вознаграждением, которое получает суррогатная мать [3, с. 34].

Противоположную точку зрения высказывают О.Н. Артюшина и М.В. Прохорова, исключая возможность отнесения договора СМ к семейно-правовым, поскольку суррогатная мать не является субъектом семейного права [4, с. 235]. И с этим можно согласиться, так как Семейный кодекс РФ (далее – СК РФ) не может применяться к правоотношениям, связанным с оказанием услуг искусственного оплодотворения.

А.Р. Пурге считает, что репродуктивные права являются комплексным институтом, который объединяет в себе нормы как частного, так и публичного права, при этом ни одна из существующих отраслей не может охватить в полной мере весь объем правоотношений СМ [5, с. 66].

С учетом изложенного стоит согласиться с выводами В.В. Богдан и М.Н. Урда о межотраслевом регулировании договора СМ, который сталкивается с влиянием различных отраслей права и законодательства [6].

В настоящее время форма, существенные условия, точная формулировка договора СМ не утверждены, что обуславливает дальнейшие диспуты и научные изыскания.

Отправной точкой регулирования СМ является статья 55 ФЗ об охране здоровья, в которой закреплено понятие СМ – как процесс вынашивания и рождения ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору о суррогатном материнстве, заключаемому между суррогатной матерью и потенциальными родителями. Дальнейшее развитие эта норма не получила, оставив на усмотрение правоприменителя возможность самостоятельно определять те или иные условия, требующие согласования сторонами. Такая неопределенность порождает вопросы этического характера, поскольку, регулируя только процесс от обследования сурмамы, переноса эмбриона (эмбрионов) и до родов (преждевременных родов), договор СМ определяет права и обязанности сторон до появления ребенка. С одной стороны, технология СМ должна быть регламентирована таким образом, чтобы не допустить возможности для ребенка и суррогатной матери стать объектом рыночных отношений (commodities), с другой стороны, являясь видом вспомогательных репродуктивных технологий для неспособных к деторождению семейной пары/одиноким женщины, необходимо определить, является ли сам юридический факт рождения ребенка окончанием СМ, или только передача ребенка генетическим родителям свидетельствует о завершении СМ и достижении цели – реализации возможности стать родителями.

СМ – сложная правовая процедура, поэтому существуют ограничения относительно субъектного состава. Перечень лиц, имеющих право на применение технологии СМ, определены статьей 55 ФЗ об охране здоровья. После вступления в силу Федерального закона от 19 декабря 2022 г. № 538-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 538) был уточнен субъектный состав, из числа которых исключены мужчина и женщина, не состоящие в браке. Данная воля законодателя является ожидаемым решением и продиктована целеполаганием использования СМ – укрепление и сохранение института семьи, которая в силу конституционного (статья 72 Конституции РФ) и семейного (статья 10 СК РФ) законодательства представляет собой союз

мужчины и женщины, зарегистрированный в органах ЗАГСа.

Таким образом, с учетом изменений, сторонами договора СМ выступают граждане РФ – супружеская пара или одинокая женщина (которых ФЗ № 538 определяет как «генетические мать» и «генетический отец») и суррогатная мать. Такая конкретизация потенциальных родителей через их генетический код детерминирует следующие ограничения: воспользоваться технологией СМ могут семейные пары/одиноким женщины, которые имеют собственный биоматериал для проведения СМ. Использование донорских ооцитов, сперматозоидов (в семейной паре), эмбрионов не предполагается. В этой связи на повестку дня встал вопрос ограничения возможности прибегнуть к процедуре СМ супружеским парам/одиноким женщинам, которые не могут самостоятельно выносить ребенка по медицинским показаниям, но и в силу различных причин исключительно медицинского характера не имеют здоровых половых клеток (например, онкобольные). Буквальное толкование изменений в ФЗ об охране здоровья позволяет сделать однозначный вывод – поскольку мы говорим о методе лечения бесплодия, то речь идет о рождении генетически родного ребенка. В противном случае СМ можно было рассматривать как альтернативу усыновления, когда родители/родитель не имеют с ребенком генетической связи.

Несмотря на то, что между суррогатной матерью и вынашиваемым ею плодом такая связь отсутствует полностью, законодательство дает ей право не соглашаться на запись генетических родителей в свидетельстве о рождении ребенка. Фактически закон защищает права суррогатной матери в большей степени, чем права биологических родителей. Таким образом, цель СМ – помощь неспособным к деторождению обзавестись генетически родным ребенком может быть не реализована, что придает правоотношениям аллеаторный характер, зависящим от воли сурмамы. При отсутствии согласия, предусмотренного статьей 51 СК РФ, генетические родители вправе решить этот вопрос в судебном порядке. Однако при отрицательном исходе остается неурегулированным вопрос законности использования донорско-

го материала суррогатной матерью и правовые последствия такового. Могут возникнуть ситуации с последующим установлением генетических связей для реализации права на наследование, алиментных правоотношений.

Иногда у женщины, вынашивающей ребенка, могут возникнуть к нему материнские чувства. Но фактически генетический материал рожденного ребенка никак не связан с суррогатной матерью, поэтому можно сделать вывод, что сурмама пользуется чужими биоматериалами неправомерно. Правоотношения на добровольное и безвозмездное донорство ооцитов и спермы не возникали. Более того, этому должно предшествовать соответствующее медицинское исследование доноров, заключение договора об оказании услуг донорства биоматериала. Приказ Минздрава России от 31 июля 2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению»⁵ определяет возрастной критерий для доноров (пункты 44 и 54), что по отношению к лицам, прибегнувшим к технологии СМ, законодателем не устанавливается.

С точки зрения этики СМ также порождает значительные проблемы. Регулирование порядка записи родителей ребенка, рожденного с помощью суррогатной матери, в российском законодательстве является коллизией как с юридической точки зрения, так и с этико-психологической. В силу статьи 51 СК в качестве родителей могут быть записаны лица, состоящие в браке между собой, если одно из них или оба являются гражданами Российской Федерации, или одинокая женщина, имеющая гражданство Российской Федерации, только с согласия женщины, родившей ребенка.

В случае отказа суррогатной матерью дать согласие, количество родителей такого ребенка после его рождения гипотетически возрастает до четырех человек, так как биологическими родителями является супружеская пара (заказчики), которые передают суррогатной матери генетический материал,

⁵ О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению: Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н. Доступ из СПС Консультант-Плюс.

а также суррогатная мать и ее супруг. Четверо родителей у одного ребенка представляет собой ситуацию экстраординарную. Данный вопрос стоит изменить, чтобы согласие суррогатной матери не было обязательным (в императивной форме), так как СМ предполагает исключительное рождение ребенка при помощи генетического материала биологических родителей и для них, а носило диспозитивный характер, как право в исключительных случаях, закреплено документально. Предположим, как результат психологической экспертизы состояния суррогатной матери, подтверждающей ее неразрывную связь с выношенным ребенком, разрушение которой привело бы к психологической травме.

Рассмотрим законодательство зарубежных стран, которое предусматривает порядок регистрации ребенка в аналогичных случаях. В Беларуси согласно статье 52 Кодекса о браке и семье матерью ребенка, рожденного суррогатной матерью, признается женщина, заключившая договор с суррогатной матерью⁶, то есть биологическая мать. В Казахстане Кодекс о браке (супружестве) и семье в части 1 статьи 59 устанавливает следующий порядок установления отцовства и материнства: родителями ребенка признаются стороны договора суррогатного материнства – супруги (заказчики)⁷. В Украине Семейный кодекс также устанавливает в части 2 статьи 123 родителями ребенка супругов⁸, то есть согласие суррогатной матери не требуется.

Таким образом, законодательства некоторых стран определили порядок регистрации ребенка, чтобы не пострадали права биологических родителей, которые обрати-

⁶ Кодекс о браке и семье Республики Беларусь // Белзакон.NET – Белорусское законодательство, кодексы, юридические советы. URL: https://belzakon.net/Кодексы/Кодекс_о_Браке_и_Семье_РБ/Статья_52 (дата обращения: 05.11.2022).

⁷ Кодекс Республики Казахстан О браке (супружестве) и семье (с изм. и доп. по состоянию на 14.07.2022). Информационная система ПАРАГРАФ. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31102748 (дата обращения: 05.11.2022).

⁸ Семейный кодекс Украины от 10.01.2002 № 2947-III (с изм. и доп. по состоянию на 26.01.2022). Информационная система ПАРАГРАФ. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418309 (дата обращения: 06.11.2022).

лись к СМ в надежде иметь генетически родное потомство, что целесообразно определить и в российском праве.

Возможность обратиться к технологии СМ для одиноких отцов также была предметом дискуссии. Федеральный закон № 538, казалось бы, поставил точку в этом вопросе, определив круг лиц. Однако такая возможность (пусть даже гипотетическая) на данный момент все-таки существует. Например, в случае смерти супруги, или, если мужчина является супругом, права которого нарушены заключением такого брака (добросовестным супругом) на основании решения суда (пункт 6 статьи 51 СК РФ). Но если в первом случае вмешивается природный фактор, то во втором полагаем необходимым более точно изложить положения статьи 51 СК, закрепив в ней запрет на регистрацию в качестве единственного родителя отца, с которым был заключен брак в целях воспользоваться технологией СМ.

Еще одной значимой проблемой является то, что СМ в большинстве случаев осуществляется за вознаграждение, поэтому рождение ребенка при помощи вспомогательных репродуктивных технологий приобретает коммерческий характер. Отсюда возникает проблема, и между учеными преобладают такие мнения, что СМ – это продажа детей, а сама суррогатная мать – это товар – женщина-инкубатор. Правовой критерий между СМ и торговлей людьми до сих пор не определен. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) устанавливает уголовную ответственность за торговлю детьми вне зависимости от цели. Правоприменителю при разграничении торговли людьми и СМ необходимо установить, на что именно был направлен умысел [7, с. 556].

Так, москвичка Кристина Гагаркина вышла замуж за турка в Батуми, родила ему одного ребенка, но муж захотел много детей – 105. Они начали пользоваться услугами суррогатных матерей и в 24 года Кристина имела 22 детей⁹. В Грузии согласие суррогатной матери на передачу рожденного ребенка не требуется, а выплата суррогатной матери со-

ставляет около 100 тыс. долларов, поэтому все осуществляется успешно. В связи с этим возникает вопрос о цели такого решения. Получается, фактически происходит злоупотребление использованием процедуры СМ лицами, находящимися в детородном возрасте и не имеющих ограничение по здоровью.

Еще одним и не единственным доказательством купли-продажи детей, рожденных суррогатными матерями, является возбуждение уголовного дела в Красноярске по признакам преступления, предусмотренного пунктом «в» части 3 статьи 127.1 УК РФ по фактам купли-продажи человека. Фигурантами дела становятся 20 новорожденных детей, рожденных суррогатными матерями от генетических родителей, являющихся иностранцами [8, с. 372].

Межотраслевое взаимодействие уголовного и частного права проявляется и в случаях, когда природные родители или хотя бы один из них является ВИЧ-инфицированным. Со стороны личной тайны (медицинской тайны) человек с ВИЧ-инфекцией имеет право на сохранение анонимности при сдаче теста на выявление данной болезни, а также имеет право на дальнейшее неразглашение данной информации. Но при использовании технологии СМ биологические родители обязаны предупредить суррогатную маму о наличии такого заболевания, так как ее здоровье может быть подвергнуто опасности. Таким образом, закон допускает разрешение на СМ при ВИЧ-инфицированном биологическом родителе¹⁰, то есть законодательство допускает ситуацию, что количество ВИЧ-инфицированных может увеличиться. При этом медицинское учреждение во внутренних документах должно закрепить факт информирования суррогатной мамы о статусе генетических родителей плода, так как есть риск инфицирования, а в случае отсутствия закрепления данного факта врачу медицинского учреждения, осуществлявшего процедуру СМ, может грозить уголовная ответственность по статье 122 УК РФ.

⁹ Еще одна странная мама. 22 ребенка в 24 года // Простые истории. 2022. 08 февр. URL: <https://prostieistorii.ru/2022/02/08/еще-одна-странная-мама/> (дата обращения: 06.11.2022).

¹⁰ О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению: Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

Рассмотрим вопрос о праве суррогатной матери на аборт. ФЗ об охране здоровья упоминает в статье 56 только право на прерывание беременности обычной женщины, об основаниях и особенностях прерывания беременности суррогатной матери не говорится. С.В. Алборов утверждает, что доктрина о неприкосновенности тела человека, а также то обстоятельство, что плод, находящийся в организме матери, не выделяется как самостоятельный субъект права, а рассматривается как часть ее организма, то действующее законодательство в очередной раз возносит права суррогатной матери над интересами потенциальных родителей, позволяя ей по своему усмотрению прерывать беременность, возникшую по технологии СМ, без учета мнений потенциальных родителей. Кроме того, такое неограниченное право суррогатной матери подрывает право потенциальных родителей на создание семьи, установление детско-родительских отношений – то есть препятствует достижению потенциальными родителями семейной ценности [9]. По нашему мнению, решение о прерывании беременности не должно согласовываться с биологическими родителями, так как данная информация будет являться разглашением врачебной тайны. Для исключения частных правовых конфликтов необходимо включать в договор с биологическими родителями положение о возможности прерывания беременности суррогатной мамой по ее собственному желанию или медицинским показаниям без согласия иных лиц.

Особой сложностью как юридической, так и этической обладает вопрос о проведении генетического исследования и диагностики эмбриона перед имплантацией при осуществлении процедуры СМ¹¹. Такое исследование должно проводиться с соблюдением права на жизнь и охрану здоровья. Постановление Европейского суда по правам

человека устанавливает спорный момент: в национальном законодательстве существует запрет на проведение эмбрионального скрининга для выявления болезней до имплантации эмбриона суррогатной матери, а также запрет проведения искусственного оплодотворения для лиц, у которых имеется генетическое заболевание. Суд указал на непоследовательность законодателя, который устанавливал вышеуказанные запреты, но одобрил право на аборт зародыша, имеющего такое заболевание [10, с. 121]. Таким образом, ущемлялись права матери, в том числе появлялись моральные последствия, влекущие страдания матери по поводу решения об аборте.

Законодательно необходимо установить порядок заключения договора СМ, в котором обязательным условием будет право суррогатной матери на искусственное прерывание беременности, если у эмбриона будут установлены определенные заболевания, которые также будут закреплены законом. Также необходимо установить легальность эмбрионального скрининга для проверки здоровья будущего ребенка перед пересадкой эмбриона суррогатной матери, чтобы предотвратить нравственные страдания суррогатной матери по поводу совершения аборта, а также сохранить здоровье суррогатной матери, так как аборт может вызывать индивидуальные последствия.

Заключение

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы. Целью заключения договора СМ являются интересы сторон: у одной – рождение ребенка, у другой, как правило, – получение вознаграждения. То есть такой договор носит возмездный характер. Предметом являются отношения, связанные с предоставлением мужем и женой либо одинокой женщиной суррогатной матери биологического материала и средств на содержание, включая обеспечение условий для рождения будущего ребенка, в том числе и для восстановления после родов. Но договором не могут регулироваться отношения, связанные с вынашиванием и рождением ребенка, так как исполнение обязательств суррогатной матерью является биологическим процессом, который не подвластен правовому регулированию.

¹¹ Информация о Постановлении ЕСПЧ от 28.08.2012 по делу «Коста и Паван (Costa and Pavan) против Италии» (жалоба N 54270/10). По делу обжалуется запрет эмбрионального скрининга здоровых носителей муковисцидоза перед экстракорпоральным оплодотворением, несмотря на наличие права на терапевтический аборт в национальном законодательстве. По делу допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

Исходя из того, что процедура суррогатного материнства регулируется многочисленными нормативно-правовыми актами, которые не исключают противоречий между собой и требуют значительных доработок, в России есть необходимость введения нового федерального закона, который бы регулировал все особенности заключения договора суррогатного материнства, а также всевозможные споры, вытекающие из вышеуказанных правоотношений. В нем требуется указать исключительную цель договора, согласно которой он будет исполнен – передача рожденного ребенка родителям без согласия суррогатной матери, закрепив за последней право подать возражение на регистрацию ребенка генетическими родителями. Так как наличие в законодательстве обязательного согласия суррогатной матери на запись ребенка в акте гражданского состояния означает как ничтожность самого договора, так и порождает эτικο-моральную проблему заказчиков, связанную с лишением ребенка, который был зачат исключительно их генетическим материалом.

Также требуется законодательно закрепить право на эмбриональный скрининг до пересадки эмбриона в матку суррогатной матери, так как данная процедура снизит

риски рождения больных детей. К тому же обязательным условием договора следует включить оговорку по поводу права на аборт суррогатной матери в случаях обнаружения осложнений здоровья будущего ребенка, так как существует вероятность отказа заказчиками от такого ребенка, а оставление нездорового ребенка суррогатной матери может повлечь для нее значительные неудобства. Соответственно, требуется законодательно обеспечить всевозможные способы предотвращения вынашивания ребенка с заболеванием, а также обеспечить разрешение ситуаций, возникающих уже при вынашивании больного ребенка.

Этические проблемы суррогатного материнства в основном вытекают из несовершенства законодательства, поэтому необходимо модернизировать правовую основу, которая способствует снижению противоречий и споров между сторонами договора СМ. Развитие позитивного законодательства в этой сфере и повышение уровня контроля за протеканием данной процедуры повысит вероятность того, что СМ не будет использоваться в целях торговли людьми, а также обеспечит права и интересы всех субъектов правоотношений, в том числе и рожденного ребенка.

Список источников

1. Ушаков Е.В. Биоэтика: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2022. 306 с. <https://elibrary.ru/rgaxgx>
2. Герасимов А.В., Афанасьева А.Ю. Проблемы суррогатного материнства по российскому законодательству // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. № 4 (26). С. 30-32. <https://elibrary.ru/tcubij>
3. Сухарева Е.Р. Совершенствование правового регулирования суррогатного материнства в РФ // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. № 3. С. 33-37. <https://elibrary.ru/pcxqan>
4. Артюшина О.Н., Прохорова М.В. Правовая природа договора о суррогатном материнстве // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 1. С. 234-238. <https://elibrary.ru/yupaul>
5. Пурге А.Р. Правовое регулирование суррогатного материнства как метода вспомогательных репродуктивных технологий: дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2015. 237 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008066718/
6. Богдан В.В., Урда М.Н. Суррогатное материнство & торговля людьми: межотраслевой конфликт // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 58. С. 628-657. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2022-58-628-657>, <https://elibrary.ru/rtezap>
7. Ловчикова Ю.В. Проблемы соотношения торговли людьми и суррогатного материнства // Вопросы российской юстиции. 2022. № 17. С. 552-557. <https://elibrary.ru/clskpa>
8. Трунов И.Л., Айвар Л.К. Криминологические аспекты суррогатного материнства // Евразийский юридический журнал. 2021. № 8 (159). С. 371-374. <https://elibrary.ru/iwhhzr>
9. Алборов С.В. Правовое и индивидуальное регулирование суррогатного материнства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 29 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008700717>

10. Правовое обеспечение безопасного использования генетической и геномной информации / под ред. Л.Н. Берг, А.В. Лисаченко. М.: Юрайт, 2021. 123 с. URL: <https://urait.ru/bcode/520074> (дата обращения: 16.01.2023)

References

1. Ushakov E.V. (2022). *Bioetika* [Bioethics]. Moscow, URAIT Publ., 306 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rgaxgx>
2. Gerasimov A.V., Afanaseva A.Yu. (2014). Problems of surrogacy under the russian legislation. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*. = *Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA*, no. 4 (26), pp. 30-32. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tcubij>
3. Sukhareva E.R. (2012). Improvement of the legal regulation of surrogacy in Russia. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii* = *Vestnik of Voronezh Institute of The Ministry of Interior of Russia*, no. 3, pp. 33-37. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pcxqan>
4. Artyushina O.N., Prokhorova M.V. (2018). Legal nature of the contract on surrogacy. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Vestnik of Kostroma State University*, vol. 24, no. 1, pp. 234-238. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yupaul>
5. Purge A.R. (2015). *Pravovoe regulirovanie surrogatnogo materinstva kak metoda vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal Regulation of Surrogacy as a Method of Assisted Reproductive Technologies. Cand. Sci. (Law) diss.]. Dushanbe, 237 p. (In Russ.) Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008066718/
6. Bogdan V.V., Urda M.N. (2022). Surrogacy & human trafficking: interbranch conflict. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* = *Perm University Herald. Juridical Sciences*, issue 58, pp. 628-657. (In Russ.) <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2022-58-628-657>, <https://elibrary.ru/rtezap>
7. Lovchikova Yu.V. (2022). Problems of correlation of human trafficking and surrogacy. *Voprosy rossiiskoi yustitsii* [Issues of Russian Justice], no. 17, pp. 552-557. (In Russ.) <https://elibrary.ru/clskpa>
8. Trunov I.L., Aivar L.K. (2021). Criminological aspects of surrogacy. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal* = *Eurasian Law Journal*, no. 8 (159), pp. 371-374. (In Russ.) <https://elibrary.ru/iwhhzz>
9. Alborov S.V. (2018). *Pravovoe i individual'noe regulirovanie surrogatnogo materinstva: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal and Individual Regulation of Surrogacy. Cand. Sci. (Law) diss. abstr.]. Moscow, 29 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008700717>
10. Berg L.N., Lisachenko A.V. (eds.). (2021). *Pravovoe obespechenie bezopasnogo ispol'zovaniya geneticheskoi i genomnoi informatsii* [Legal Support for the Safe Use of Genetic and Genomic Information]. Moscow, URAIT Publ., 123 p. (In Russ.) Available at: <https://urait.ru/bcode/520074> (accessed 16.01.2023)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Authors declare no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 08.02.2023

Поступила после рецензирования / Revised 15.03.2023

Принята к публикации / Accepted 17.03.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.62

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-98-106>

Шифр научной специальности 5.1.3

О некоторых особенностях, связанных с приобретением права собственности на недвижимое имущество

© МИТРОФАНОВ Никита Владиславович,

преподаватель кафедры гражданского и арбитражного процесса Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», 392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, <https://orcid.org/0000-0002-5541-0483>, naiketmitro98@mail.ru

Аннотация

Цель исследования заключается в рассмотрении спорных позиций, существующих в правоприменительной практике Верховного суда Российской Федерации и связанных с регистрационными действиями по переходу права собственности на недвижимость в Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии. Задачи исследования: определение необходимости государственной регистрации перехода права собственности, выявление основных способов защиты прав добросовестного приобретателя недвижимости, изучение особенностей раздела недвижимого имущества супругов. Использованы общенаучные методы (диалектический, логический, системный), частные научные методы (исторический, статистический, социологический), а также специально-юридические (сравнительно-правовой, формально-юридический). Указаны фактические обстоятельства, учитываемые судами по спорам о правах на недвижимое имущество. Отмечено, что в действующем законодательстве отсутствуют четкие критерии для отнесения имущества к недвижимости. Рассмотрены способы защиты права добросовестного покупателя, включая подтверждение фактической передачи квартиры по договору купли-продажи и получение согласия второго супруга при заключении предварительного договора купли-продажи на стороне продавца. Изучены такие субъекты правоотношений, как супруги, поскольку при разделе совместного нажитого имущества вопрос об определении доли в праве собственности на недвижимость стоит наиболее остро. Отмечено, что факт регистрации не всегда является безусловным основанием для возникновения права собственности на недвижимость.

Ключевые слова

право собственности, недвижимое имущество, регистрация, добросовестный приобретатель, банкротство, супруги

Для цитирования

Митрофанов Н.В. О некоторых особенностях, связанных с приобретением права собственности на недвижимое имущество // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 1. С. 98-106. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-98-106>

About some features related to the acquisition of ownership of real estate

© Nikita V. MITROFANOV,

Lecturer of Civil and Arbitration Procedure Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-5541-0483>, naiketmitro98@mail.ru

Abstract

The purpose of the study is to consider controversial positions existing in the law enforcement practice of the Supreme Court of the Russian Federation and related to registration actions for the transfer of ownership of vend in the Federal Service of State Registration, Cadastre and Cartography. Research objectives: to determine the necessity of state registration of the transfer of ownership, to identify the main ways to protect the rights of a bona fide acquirer of vend, to study the features of the division of real estate of spouses. General scientific methods (dialectical, logical, systematic), private scientific methods (historical, statistical, sociological), as well as special legal (comparative legal, formal legal) were used. The actual circumstances taken into account by the courts in disputes over the rights to real estate are indicated. It is noted that in the current legislation there are no clear criteria for classifying property vend. The ways of protecting the right of a bona fide buyer are considered, including confirmation of the actual transfer of the apartment under the contract of sale and obtaining the consent of the second spouse when concluding a preliminary contract of sale on the seller's side. Such subjects of legal relations as spouses have been studied, since when dividing the joint acquired property, the question of determining the share in the ownership of vend is most acute. It is noted that the fact of registration is not always an unconditional basis for the emergence of ownership of vend.

Keywords

ownership, real estate, registration, bona fide acquirer, bankruptcy, spouses

For citation

Mitrofanov, N.V. (2023). About some features related to the acquisition of ownership of real estate. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 1, pp. 98-106 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-98-106>

В действующем законодательстве момент возникновения права собственности на движимое и недвижимое имущество определяется по-разному. На основании пункта 1 статьи 223 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) право собственности у приобретателя вещи по договору возникает с момента ее передачи, если иное не предусмотрено законом или договором. При этом в случаях, когда отчуждение имущества подлежит государственной регистрации, право собственности у приобретателя возникает с момента такой регистрации, если иное не установлено законом. Данная формулировка позволяет сделать вывод о том, что существует ряд иных случаев, в которых момент перехода права собственности на недвижимое имущество не связан с регистрационными действиями. В частности, в Постановлении Пленума Вер-

ховного суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» указано, что иной момент возникновения права установлен, в частности, для приобретения права собственности на недвижимое имущество в случае полной выплаты пая членом потребительского кооператива, в порядке наследования и реорганизации юридического лица¹. Существуют и иные спорные ситуации, в которых право-

¹ О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: постановление Пленума Верховного суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 // Российская газета. 2010. 21 мая. № 109. URL: <https://rg.ru/documents/2010/05/21/prava-dok.html> (дата обращения: 02.12.2022).

применитель руководствуется другими положениями закона. Также в судебной практике Верховного суда РФ имеются дела, в которых при формальном соблюдении пункта 2 статьи 223 ГК РФ и правовых норм, связанных с возникновением права собственности на недвижимость, могут быть затронуты законные интересы иных лиц. Наличие в некотором роде противоречивых разъяснений со стороны высшего судебного органа не является нарушением, поскольку в каждой ситуации спор рассматривается индивидуально, с учетом всех обстоятельств дела. Необходимо рассмотреть отдельные правовые позиции и некоторые судебные акты Верховного суда РФ, затрагивающие основные спорные моменты, возникающие на практике, по регистрации права собственности на недвижимое имущество.

Результаты исследования

1. Необходимость своевременной регистрации права собственности на недвижимое имущество

Понятие «недвижимое имущество» не закреплено в действующем законодательстве. В ГК РФ указан только перечень объектов, относящихся к недвижимости, что затрудняет возможность достоверно определить природу недвижимых вещей и их отличительные черты. Некоторые авторы заостряют внимание на таком вопросе, как критерии отнесения вещи к недвижимости [1, с. 73]. Другие пытаются создать дефиницию на основе закрепленных в правовой норме признаков вещи – «недвижимым имуществом в силу своей природы является имущество, обладающее признаками, указанными в статье 130 ГК РФ, а именно: прочно связанные с землей; перемещение которых невозможно без соразмерного ущерба их назначению» [2, с. 331]. О несовершенстве действующего законодательства говорит российский цивилист Роман Сергеевич Бевзенко, считающий неудачной нормой статью 130 ГК РФ, поскольку в ней мало критериев для отнесения имущества к недвижимости [3, с. 4]. О несовершенстве законодательства свидетельствует и судебная практика. Так, корпус списанного теплохода был зарегистрирован органами Росреестра в качестве нежилого здания. В рамках указанного спора Верховный суд РФ установил, что регистрация в ЕГРП в

качестве трехэтажного здания списанного металлического судна влечет нарушение градостроительных норм и правил². Данный случай не является опровержением необходимости своевременной регистрации недвижимого имущества, подтверждая исключительно наличие правовых пробелов в сфере определения критериев недвижимости.

Несмотря на наличие разных спорных моментов относительно понятия недвижимого имущества и его признаков, стоит сказать о важности своевременной регистрации права собственности на недвижимость. Ранее государственная регистрация прав на недвижимое имущество не требовалась, постановка объектов недвижимости, приобретенных до 31 января 1998 г., осуществлялась и продолжает осуществляться по желанию собственников. В настоящее время ситуация кардинально изменилась. Согласно действующему законодательству недвижимое имущество признается принадлежащим добросовестному приобретателю на праве собственности с момента такой регистрации, за исключением случаев, когда собственник вправе истребовать такое имущество от добросовестного приобретателя³. То есть, говоря об институте недвижимого имущества, можно говорить, что право собственности возникает в результате сделки об отчуждении имущества. К вышеуказанным исключениям из регистрации относятся: добросовестное возмездное приобретение имущества и его безвозмездное получение. Во втором случае действительный собственник всегда имеет возможность вернуть свое имущество. Первая ситуация не является однозначной и влечет разные правовые последствия для добросовестного приобретателя. В статье 302 ГК РФ сказано, что собственник вправе истребовать имущество, если оно выбыло из владения помимо его воли. Данная история также распространяется и на дела, связанные с банкротством физических и юридических лиц. При этом наличие или отсутствие факта регистрации права собст-

² Определение Верховного суда РФ от 22.12.2015 № 304-ЭС15-11476. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

³ Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. 5 дек. № 32. Ст. 3301.

венности на недвижимость имеет ключевое значение.

Не стоит забывать о добросовестном поведении субъектов процесса. В некоторых случаях лица злоупотребляют своим правом, не заботясь о судьбе своего будущего имущества. Так, если лицо приобрело жилое помещение у третьего лица, полагаясь на данные Единого государственного реестра недвижимости, и в установленном законом порядке зарегистрировало возникшее у него право собственности, это жилое помещение не может быть истребовано по иску бывшего супруга – участника общей совместной собственности⁴. Позиция Конституционного суда РФ связана не только с фактом государственной регистрации недвижимости, но и затрагивает требование осмотрительности относительно надлежащего оформления права собственности на имущество. То есть своевременно оформленная регистрационная запись позволяет идентифицировать собственника недвижимости.

В науке также спорят о том, является ли государственная регистрация неотъемлемым признаком недвижимости или же последствием отнесения имущества к недвижимости [4, с. 192]. Думается, что следует относить наличие государственной регистрации к обязательному признаку недвижимого имущества, поскольку в нормах ГК РФ (о чем было указано ранее) и Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ говорится об обязательности регистрационных действий в отношении вновь приобретенного объекта недвижимости.

Далее следует сказать о негативных последствиях, связанных с государственной регистрацией права собственности. Согласно пункту 1 статьи 213.25 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) все имущество гражданина, имеющееся на день принятия решения о признании его банкротом и выявленное или приобретенное после этого дня, состав-

ляет конкурсную массу, за исключением имущества, на которое не может быть обращено взыскание в соответствии с гражданским процессуальным законодательством⁵. В случае, если фактический владелец не регистрирует в государственном реестре переход права собственности на имущество, объекты недвижимости на основании приведенного положения входят в конкурсную массу должника. При этом фактический владелец потеряет возможность вернуть право собственности на недвижимость в процедуре банкротства должника, а требование о возврате имущества трансформируется в денежное и удовлетворяется наравне с требованиями иных кредиторов в общем порядке. Указанные положения также подтверждаются в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ № 310-ЭС21-1061 от 27 мая 2021 г. по делу № А35-8789/2015⁶. В ином случае, арбитражному управляющему придется сравнивать сделку по купле-продаже недвижимости при наличии оснований, предусмотренных Законом о банкротстве.

Кроме того, в случае, если объект недвижимости зарегистрирован в надлежащем порядке и о нем имеются сведения в едином государственном реестре недвижимости (далее – ЕГРН), оспорить право на такой объект можно будет только в судебном порядке. Это является дополнительной гарантией для собственника, поскольку имущество будет «охраняться законом».

Также из негативных последствий отсутствия законной регистрации можно отметить риск признания здания самовольной постройкой (при нарушении требований законодательства), что приведет к его сносу; недопустимость отчуждения недвижимости (приобретенного после 31 января 1998 г.) и потенциальную возможность несения штрафных

⁴ По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Мокеева: постановление Конституционного суда РФ от 13.07.2021 № 35-П. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

⁵ О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. 28 окт. № 43, Ст. 4190.

⁶ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ № 310-ЭС21-1061 от 27.05.2021 по делу № А35-8789/2015. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/8bbcc302-88ad-48c2-b807-c4b3aa852b37/5e7f7049-71b3-4c9b-a764-4c14af048f21/A35-8789-2015_20210527_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True/ (дата обращения: 02.12.2022).

санкций со стороны государства. Причем действующий ГК РФ допускает и внесудебный порядок разрешения спора, связанного со сносом самовольной постройки, по инициативе местных властей, и, несмотря на облегчение нагрузки на судебную систему, это может стать впоследствии предметом коррупционных преступлений [5, с. 137].

Таким образом, основным негативным последствием при несвоевременной регистрации недвижимости выступает потенциальная возможность потери имущества как в рамках недобросовестного поведения бывшего супруга в рамках судебного спора об истребовании общей совместной собственности от добросовестного приобретателя, так и по иным причинам, включая процедуру банкротства первоначального собственника.

2. Способы защиты прав добросовестного приобретателя недвижимого имущества

А.И. Берсенева указывает, что государственная регистрация права является не сделкой, не ненормативным правовым актом, она представляет собой акт о признании государством возникновения, перехода или прекращения права [6, с. 81]. Следовательно, при оспаривании такого акта необходимо воспользоваться одним из соответствующих способов защиты, указанных в статье 12 ГК РФ. В рамках действующей практики применения положений статьи 223 ГК РФ одним из самых распространенных способов защиты прав добросовестного приобретателя является подтверждение фактической передачи квартиры по договору купли-продажи и проживания в ней. Указанный способ защиты, в первую очередь, осуществляется через составление акта приема-передачи имущества и проверку осмотра недвижимости перед заключением сделки. При этом составление акта-приема передачи имущества не является стопроцентной гарантией фактической передачи имущества. Допускается обращение в управляющую компанию или иную уполномоченную организацию с целью получения домовой книги и выяснения иных возможных собственников недвижимости. Все эти действия следует производить непосредственно покупателю, также необходимо проверять продавца перед покупкой квартиры по картотеке судеб-

ных и арбитражных дел на предмет возможного банкротства, хранить платежные документы на случай оспаривания сделки и осматривать квартиру перед покупкой.

В Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ № 305-ЭС19-3996 от 20 августа 2020 г. по делу № А40-109856/2017 разъяснено, может ли быть осуществлен переход права собственности на квартиру по передаточному акту без фактической передачи имущества по договору купли-продажи. В судебном акте закреплена следующая позиция: «Поскольку квартира включена в конкурсную массу, в отсутствие к тому законных оснований финансовый управляющий не мог распорядиться данной квартирой (пункт 1 статьи 209 ГК РФ)»⁷. Верховный суд РФ обратил внимание на ряд обстоятельств. Во-первых, покупателям необходимо проводить осмотр недвижимости перед заключением сделки. При совершении данного действия покупатель неизбежно узнает о том, что владение осуществляется иным, отличным от продавца, лицом. В связи с этим, при наличии иного владельца, добросовестным приобретателем новый покупатель считаться не будет. Кроме того в рамках данного дела формальный осмотр был произведен и со стороны финансового управляющего, который заключил, что при отказе соседей на пропуск в общеквартирный коридор можно обращаться с исковым заявлением об истребовании имущества у лица, не являющегося собственником и фактически владеющего квартирой, хранящего в ней личные вещи. С учетом того факта, что финансовый управляющий при заключении сделки полагался на записи государственного реестра о правах должника, а не на действительные обстоятельства дела, суд не признал доводы представителя кредитора, так как они основывались на недостоверных сведениях. Таким образом, подчеркнул Верховный суд РФ, статьи 551 и 556 ГК определяют момент ис-

⁷ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ № 305-ЭС19-3996 от 20.08.2020 по делу № А40-109856/2017. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b5823780-46ff-4e09-8e09-70767e94927b/4a54e2ba-fcf5-4894-ab1e-09c8ac015c94/A40-109856-2017_20200820_Opreделение.pdf?isAddStamp=True/ (дата обращения: 02.12.2022).

полнения обязанности продавца по передаче имущества покупателю. То есть передача должна состояться до государственной регистрации перехода права собственности, условие о передаче имущества после регистрации перехода права может быть согласовано сторонами в договоре или закреплено в законе, поскольку имущество все время находилось во владении у другого лица, ссылка на заключенный акт приема-передачи имущества невозможна.

В зарубежных странах, в частности, в Казахстане, также высказывается мнение о необходимости ограничения виндикации, как способа использования имущества из чужого незаконного владения [7, с. 93]. Предполагается, что это допустимо в связи с различными причинами, в том числе и из-за незаконной выдачи земельных участков. В российской действительности данная мера не применима, хотя и могла бы поспособствовать дополнительной защите прав добросовестных приобретателей, однако при этом первоначальный владелец будет лишен всех законных способов защиты своего права. Добросовестный приобретатель хоть и будет лишен приобретенного имущества, однако он имеет возможность защитить свое право путем подачи самостоятельного иска к продавцу с целью возмещения понесенных убытков, отмечает Конституционный суд Российской Федерации⁸.

Сложная ситуация с приобретением недвижимого имущества может возникнуть при его покупке посредством заключения предварительного договора купли-продажи с лицом, состоящим в браке, и отсутствии при этом согласия второго супруга на стороне продавца. Данное согласие обязательно на стадии заключения такого договора, однако в дальнейшем это может позволить продавцу фактически отказаться от сделки. Так, Т.В. Богданова и Е.Н. Селезнева указывают, что продавец может сослаться на отсутствие согласия своего супруга, тем

самым уклоняясь от заключения сделки, как на обстоятельство, не зависящее от него и доказывающее отсутствие вины продавца и в той же мере освобождающее его от ответственности [8, с. 202-203]. Следовательно, при заключении предварительного договора купли-продажи покупателю следует получить согласие супруга продавца на совершение сделки для защиты своих интересов.

Продолжая вопрос о защите прав добросовестного приобретателя, нельзя не отметить и о существующих ранее проблемах, связанных с признанием сделки недействительной. Особенно это касается сделок по отчуждению недвижимого имущества одним из супругов. Как справедливо отмечает Е.В. Голобородкина, ранее сотрудники Росреестра не всегда проверяли информацию о наличии брачных отношений, довольствуясь лишь заявлением об отсутствии у него супруга при передаче регистратору паспорта, даже при наличии там штампа [9, с. 93]. На данный момент информация проверяется гораздо тщательнее, поскольку обязательно предоставляется нотариально удостоверенное согласие супруга при отчуждении недвижимости. В результате, добросовестный приобретатель получает дополнительную защиту от предполагаемых судебных процессов, инициированных со стороны второго супруга, не являющегося стороной в сделке купли-продажи.

3. Особенности раздела недвижимого имущества в период брака

В соответствии с пунктом 1 статьи 34 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью⁹. Однако на практике суды могут отходить от данного правила с целью защиты прав и законных интересов супруга, с которым остаются несовершеннолетние дети. При этом не всегда суды встают на сторону такого супруга, то есть раздел совместно нажитого имущества может быть произведен в общем порядке, а доли супругов признаны равными. В частности, в Промышленном районном суде г. Смоленска

⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Просвинова Павла Васильевича и Просвиновой Людмилы Михайловны на нарушение их конституционных прав статьями 301, 302 и пунктом 2 статьи 1151 Гражданского кодекса Российской Федерации: определение Конституционного суда РФ от 23.06.2015 № 1510-О. Доступ из СПС Гарант.

⁹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. 1 янв. № 1. Ст. 16.

был рассмотрен такой спор, в котором Верховный суд РФ встал на сторону мужа и все имущество разделил поровну между супругами, без учета того обстоятельства, что с женой проживают несовершеннолетние дети¹⁰. В данном споре суд пришел к выводу о том, что отсутствие закрепленного в органах Росреестра долевого права собственности на детей в недвижимом имуществе не может позволить делить совместно нажитое имущество в ином порядке.

Ранее, в 2019 г., депутатом Государственной Думы Федерального Собрания РФ П.В. Крашенинниковым выдвигалась законодательная инициатива, согласно которой запрещается раздел неделимого имущества¹¹. То есть, фактически, данный законопроект предусматривал необходимость компенсации за долю в недвижимом (и ином) имуществе при сохранении целостности и закреплении права собственности за одним из супругов. Рассматриваемое нововведение могло бы разрешить проблему единоличного собственника на имущество, однако на практике это трудно осуществить ввиду отсутствия финансовой возможности компенсации доли в имуществе другим сосособственником, в том числе с учетом рассрочки. При этом в случае отнесения недвижимого имущества к совместному нажитому имуществу, не подлежащему разделу, при совместном банкротстве супругов, это позволит защитить интересы кредитора. Так, по мнению И.Е. Беловой, при совместном банкротстве на практике формируется общая конкурсная масса без выделения долей [10, с. 275], что, думается, может позволить реализовать недвижимость на торгах без особых препятствий.

В соответствии с пунктом 1 статьи 36 Семейного кодекса Российской Федерации имущество, принадлежавшее каждому из супругов до вступления в брак, а также имущество, полученное одним из супругов во время брака в дар, в порядке наследова-

ния или по иным безвозмездным сделкам (имущество каждого из супругов), является его собственностью. Несмотря на тот факт, что государственная регистрация права собственности на земельный участок может произойти уже в момент вступления в брак, для определения принадлежности указанного имущества конкретному супругу это не имеет значения. В частности, в Определении СК по гражданским делам Верховного суда РФ от 24 ноября 2020 г. № 117-КГ20-2-К4 указано, что государственная регистрация права носит не правоустанавливающий, а правоподтверждающий характер, поэтому придавать решающее значение дате регистрационной записи перехода права собственности на спорное имущество при определении статуса такого имущества, как нажитого супругами во время брака, безосновательно¹². Данная позиция правоприменителя позволяет защитить права супруга, ставшего собственником имущества до брака, в должной мере и является исключением из общего правила, предусмотренного в пункте 2 статьи 223 ГК РФ. Таким образом, по смыслу действующего законодательства, исходя из материалов судебной практики, имущество, приобретенное до брака, но зарегистрированное в период брака, будет являться собственностью того супруга, который заплатил за указанное имущество (или стал собственником в ином порядке, например, при дарении).

Заключение

Подводя итоги можно сделать определенные выводы. Необходимо своевременно регистрировать право собственности в Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии, так как в большинстве случаев это позволит добросовестному приобретателю защитить себя от негативных последствий и сохранить имущество. В частности, наличие государственной регистрации на имущество позволит защитить и сохранить в судебном порядке

¹⁰ Верховный суд разъяснил, как делить имущество при разводе. URL: <https://rg.ru/2020/03/23/verhovnyj-sud-raziasnil-kak-delit-imushchestvo-pri-razvode.html/> (дата обращения: 02.12.2022).

¹¹ Законопроект № 835938-7 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части имущественных отношений супругов). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/835938-7> (дата обращения: 02.12.2022).

¹² Определение СК по гражданским делам Верховного суда РФ от 24.11.2020 № 117-КГ20-2-К4. Текст определения опубликован не был. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/74968238/paragraph/1/doclist/1632/showentries/0/highlight/Определении%20СК%20по%20гражданским%20делам%20Верховного%20Суда%20РФ%20от%2024%20ноября%202020%20г.%20№%20117-КГ20-2-К4:2/> (дата обращения: 02.12.2022).

право собственности на недвижимость, приобретенную с учетом проверки данных о предыдущем собственнике в ЕГРН, что отмечается в рассмотренном Постановлении Конституционного суда РФ. Также следует совершать ряд иных проверочных действий перед приобретением недвижимости, включая ее фактический осмотр. В ином случае, как указывает Верховный суд РФ, недвижимое имущество будет признаваться собственностью лица, ранее зарегистрировавшего свое право собственности, поскольку отсутствие минимальной степени осмотрительности не может свидетельствовать о добросовестности субъекта. В рамках покупки имущества на торгах всегда необходимо проверять актуальность регистрационной записи, поскольку арбитражный управляющий может обладать неактуальными сведениями об имуществе должника, в результате чего не будет произведена так называемая «чистота сделки». При приобретении недвижимости у

лица, состоящего в браке, следует получить согласие второго супруга, иначе продавец сможет отказаться от предварительного договора купли-продажи. Требуется внести изменения в действующее семейное законодательство с целью закрепления права собственности на недвижимое имущество за одним из бывших супругов, так как такое нововведение позволит сократить количество судебных разбирательств, связанных с разделом совместно нажитого недвижимого имущества. Важным и теоретическим, и практическим обстоятельством, связанным со спором о разделе недвижимости, является и тот факт, что регистрационные действия лишь подтверждают право лица (супруга или бывшего супруга) на конкретное имущество, а не являются правоустанавливающим моментом, с которого возникает право собственности. Поэтому инициировать судебный спор о признании такого имущества совместно нажитым недопустимо.

Список источников

1. Пятков Д.В., Савицкая П.В. Понятие недвижимого имущества: проблема законодательного определения // Правовая мысль в образовании, науке и практике. 2018. № 4 (8). С. 73-77. <https://elibrary.ru/wpxwzr>
2. Жмурко Р.Д. Понятие и виды недвижимого имущества в гражданском праве // Поколение будущего: взгляд молодых ученых: сб. науч. ст. 9 Междунар. молодежной науч. конф. Курск, 2020. С. 330-332. <https://elibrary.ru/pfiymb>
3. Бевзенко Р.С. Что такое недвижимая вещь? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 12. С. 4-9. <https://elibrary.ru/uyyqob>
4. Шавалиева Д.Р. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество: понятие и значение // Ученые записки казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». 2018. Т. 14. С. 192-197. <https://elibrary.ru/xzrrbz>
5. Норко Г.В. Понятие самовольной постройки как особого недвижимого имущества и последствия признания постройки самовольной // Журнал «Инновационные научные исследования». 2021. № 4-3 (6). С. 136-145. <https://doi.org/10.5281/zenodo.4782142>, <https://elibrary.ru/xogwxa>
6. Берсенева А.И. Процессуальные особенности рассмотрения споров, связанных с государственной регистрацией прав на недвижимое имущество // Социально-экономические и гуманитарные науки: сб. избранных ст. по материалам Междунар. науч. конф. СПб., 2021. С. 79-84. <https://elibrary.ru/dnoozo>
7. Мукашева А.А., Сабиров К.К., Калтаева А.Т. Ограничение виндикации как способ защиты прав добросовестного приобретателя недвижимого имущества // Вестник евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. 2020. № 1 (130). С. 93-99. <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2020-130-1-93-99>, <https://elibrary.ru/jloufv>
8. Богданова Т.В., Селезнева Е.Н. Предварительный договор в обязательствах купли-продажи недвижимости // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 14. С. 197-205. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2020-4-14-197-205>, <https://elibrary.ru/xdrxxx>
9. Голобородкина Е.А. Недействительность сделок с недвижимым имуществом // Евразийский юридический журнал. 2012. № 7 (50). С. 92-94. <https://elibrary.ru/parpyx>
10. Белова И.Е. Совместное банкротство супругов: вопросы теории и практики // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 18. С. 271-280. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-18-271-280>, <https://elibrary.ru/ahyusi>

References

1. Pyatkov D.V., Savitskaya P.V. (2018). The notion of real estate: the problem of legal definition. *Pravovaya mysl' v obrazovanii, nauche i praktike* [Legal Thought in Education, Science and Practice], no. 4 (8), pp. 73-77. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wpxwzr>
2. Zhmurko R.D. (2020). Ponyatie i vidy nedvizhimogo imushchestva v grazhdanskom prave [The concept and types of real estate in civil law]. *Sbornik nauchnykh statei 9 Mezhdunarodnoi molodezhnoi nauchnoi konferentsii «Pokolenie budushchego: vzglyad molodykh uchenykh»* [Proceedings of the 9th International Youth Scientific Conference “The Generation of the Future: the View of Young Scientists”]. Kursk, pp. 330-332. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pfiymb>
3. Bevzenko R.S. (2015). Chto takoe nedvizhimaya veshch'? [What is an immovable thing?]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii = Herald of Economic Justice*, no. 12, pp. 4-9. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uyyqob>
4. Shavaliyeva D.R. (2018). State registration of rights for real estate: concept and meaning. *Uchenye zapiski kazanskogo filiala «Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta pravosudiya»* [Scientific Notes of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice], vol. 14, pp. 192-197. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xzrbz>
5. Norko G.V. (2021). The concept of the authorized construction as a special real estate and the consequences of recognizing the construction of the authorized. *Zhurnal «Innovatsionnye nauchnye issledovaniya» = Innovative Scientific Research*, no. 4-3 (6), pp. 136-145 (In Russ.) <https://doi.org/10.5281/zenodo.4782142>, <https://elibrary.ru/xogwxa>
6. Bersenev A.I. (2021). Procedural features of resolution of disputes related to state registration of rights to real estate property. *Sbornik izbrannykh statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Sotsial'no-ekonomicheskie i gumanitarnye nauki»* [Proceedings of Selected Articles on the Materials of the International Scientific Conference “Socio-Economic Sciences & Humanities”]. St. Petersburg, pp. 79-84. (In Russ.) <https://elibrary.ru/dnoozo>
7. Mukasheva A.A., Sabirov K.K., Kaltaeva A.T. (2020). Restriction of vindication as a way of protecting the rights of a bona de purchaser of real estate. *Vestnik evraziiskogo natsional'nogo universiteta im. L.N. Gumileva = BULLETIN of L.N. Gumilyov Eurasian National University. LAW Series*, no. 1 (130), pp. 93-99. (In Russ.) <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2020-130-1-93-99>, <https://elibrary.ru/jloufv>
8. Bogdanova T.V., Selezneva E.N. (2020). Preliminary agreement in the purchase and sale's obligations of real estate. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 4, no. 14, pp. 197-205. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2020-4-14-197-205>, <https://elibrary.ru/xdrxxx>
9. Goloborodkina E.A. (2012). Invalidity of transactions with real estate. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*, no. 7 (50), pp. 92-94. (In Russ.) <https://elibrary.ru/parpyx>
10. Belova I.E. (2021). Joint bankruptcy of spouses: theory and practice issues. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 5, no. 18, pp. 271-280. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-18-271-280>, <https://elibrary.ru/ahyusi>

Поступила в редакцию / Received 14.01.2023

Поступила после рецензирования / Revised 06.03.2023

Принята к публикации / Accepted 17.03.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.214.2

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-107-119>

Шифр научной специальности 5.1.3

Понятие «недвижимость» в XXI веке: возможные варианты изменения содержания

© РОДИОНОВ Андрей Борисович,

кандидат юридических наук, адвокат, Тамбовская областная коллегия адвокатов «Юридическая фирма Приходько», Российская Федерация, 392000 г. Тамбов, ул. Карла Маркса, 161; доцент кафедры гражданского права Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392000 г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, <https://orcid.org/0000-0001-5184-3938>, andrey.rod-v@yandex.ru

Аннотация

Посвящено анализу эволюции концепта «недвижимость». Цифровизация экономики и права требуют нового осознания содержания основных концептов вещного права и, прежде всего, более глубокого понимания того, что такое недвижимая вещь. От того, каким будет это понимание, во многом зависит направление эволюции вещного права. Цель представленной работы – определить возможные направления эволюции концепта «недвижимость». В работе использовались такие методы, как метод исторического диалектического анализа, междисциплинарного исследования, сравнительного правового анализа. Определено, что содержание и принципиальные изменения содержания концепта «недвижимость» были связаны с содержанием и изменениями основных экономических установок древнеримского периода истории, Средневековья и Нового времени. Установлено, что зарождение концепта «недвижимость» было связано с введением в древнеримский правопорядок фикции единого объекта недвижимости, что, в свою очередь, было связано с хозяйственными практиками, ориентированными на сословный контроль над земельными участками городов. Сделан вывод, что в период Нового времени началось принципиальное преодоление доминирования фикции единого объекта недвижимости в концептуальном пространстве, что было связано с новыми экономическими потребностями, рожденными промышленной революцией. Отмечено, что в ходе экономической эволюции может быть преодолено само понятие «недвижимость». Это связано с тем, что по мере развития права и возникновения цифровой экономики количество фикций недвижимых вещей увеличивается. Такое положение вещей объективно ведет к кардинальному изменению правового дискурса в части осознания того, что представляет собой недвижимая вещь.

Ключевые слова

недвижимость, единый объект недвижимости, правовая фикция, земельный участок, суперфиций, помещение, машино-место

Для цитирования

Родионов А.Б. Понятие «недвижимость» в XXI веке: возможные варианты изменения содержания // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 1. С. 107-119. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-107-119>

The concept of “real property” in the 21st century: possible options for changing the content

© **Andrey B. RODIONOV**,

Cand. Sci. (Law), Lawyer, Tambov Regional Bar Association “Prikhodko Law Firm”, 161 Karla Marksa St., Tambov, 392000, Russian Federation; Associate Professor of Civil Law Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-5184-3938>, andrey.rod-v@yandex.ru

Abstract

Devoted to the analysis of the “real property” concept evolution. The digitalization of economics and law requires a new awareness of the content of basic concepts of property law and, above all, a deeper understanding of what an immovable thing is. The direction of property law evolution largely depends on what this understanding will be. The purpose of the presented work is to determine the possible directions of the “real property” concept evolution. The work used such methods as the method of historical dialectical analysis, interdisciplinary research, comparative legal analysis. It is determined that the content and fundamental changes in the content of the concept “real property” were associated with the content and changes in the main economic settings of the ancient Roman period of history, the Middle Ages and the New Age. It is established that the origin of the concept of “real property” was associated with the introduction of the fiction of a single real estate object into the ancient Roman legal order, which, in turn, was associated with economic practices focused on class control over the land plots of cities. It is concluded that in the period of the New Age, a fundamental overcoming of the dominance of the fiction of a single real estate object in the conceptual space began, which was associated with new economic needs born of the industrial revolution. It is noted that in the course of economic evolution the very concept of “real property” can be overcome. This is due to the fact that as the law develops and the digital economy emerges, the number of fictions of immovable things increases. This state of affairs objectively leads to a radical change in the legal discourse in terms of understanding what an immovable thing is.

Key words

real property, unified property complex, legal fiction, land plot, superficies, premises, parking space

For citation

Rodionov, A.B. (2023). The concept of “real property” in the 21st century: possible options for changing the content. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 1, pp. 107-119 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-107-119>

Введение. Постановка проблемы

Юриспруденция в период модернизации пережила серьезные концептуальные трансформации, связанные с изменением земельных правоотношений, что повлекло изменение содержания понятия «недвижимость». Аграрный мир с его хозяйственными практиками и базовыми юридическими доктринами вытеснялся индустриальной эпохой, что повлекло очень серьезные изменения в представлениях о недвижимости, которые до настоящего времени во всей их принципиальной глубине не осознаны. Однако только осознание причин принципиальных изменений во взглядах на то, что есть «недвижимость», может дать необходимое науке гражданского права концептуальное представ-

ление о возможных направлениях дальнейшей эволюции российского правового порядка.

Это особенно важно учесть в связи с тем, что 21 декабря 2021 г. был принят Федеральный закон № 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации», согласно которому в состав ГК РФ внесены две новые главы – глава 6.1 «Недвижимые вещи» и глава 17.1 «Право собственности и другие вещные права на здания, сооружения, объекты незавершенного строительства, помещения и машино-места». Обе главы вступили в силу 01 сентября 2022 г., в значительной мере изменив не только нормативный состав российского законодательства, но и общее концептуальное поле цивилистики.

Сложность осознания концепта «недвижимость» заключается в том, что существуют традиционные устойчивые рамки познания, связанные со спецификой методологии цивилистики, не позволяющие осмыслить проблемы недвижимости во всей их глубине и сложности. Цивилистика в основном ориентирована на анализ судебной практики и решение тактических, а не стратегических задач, поэтому для понимания того, что значит эволюция концепта «недвижимость» и каковы основные возможные направления этой эволюции, необходимо сделать некоторый методологический «шаг в сторону» и дополнить традиционную цивилистическую методологию.

В настоящей работе предпринята попытка с помощью междисциплинарного, прежде всего исторического, анализа дополнить картину эволюции концепта «недвижимость» и затем определить основные поворотные точки этой эволюции; предсказать стратегические направления, в которых будет развиваться как практическая, так и концептуальная юридическая мысль в XXI веке в области вещного права.

Цивилистика, формирующая представление о недвижимости каждой эпохи, всегда действует в концептуальном русле, проложенном экономической мыслью и практикой, даже если зачастую и не осознает этого. Для нее формируется очищенный от посторонних примесей довольно узкий контекст, позволяющий мыслить максимально внятно и также максимально быстро решать повседневные задачи, но иногда в эволюции цивилистической мысли наступают особенно значимые моменты, когда ее искусственная изоляция, ориентированная на создание эффективности практической мысли, начинает создавать препятствия для возникновения нужного понимания соотношения причин и следствий и, следовательно, для построения принципиально важных прогнозов. С нашей точки зрения в настоящее время существуют довольно значимые основания для того, чтобы полагать, что современная цивилистика, анализирующая проблемы недвижимости, переживает такой момент, требующий корректировки методологии анализа.

В настоящей статье предпринята попытка расширения методологической базы ци-

вилистики за счет использования метода исторического анализа с целью определения того, каким образом и в какой степени экономический порядок определяет общий взгляд на недвижимость, а затем в этом, более широком контексте, дана оценка изменений ГК РФ, вступивших в силу 01 сентября 2022 г. Такой подход к анализу концепта «недвижимость», в конечном счете, позволяет с достаточной степенью обоснованности определить возможные направления эволюции всего вещного права.

Результаты исследования

1. Формирование концепта «недвижимость»

Понятие «недвижимость» пришло в Россию довольно поздно, хотя было известно еще праву Древнего Рима. Оно было зафиксировано в указе Петра Первого от 23 марта 1714 г. «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» [1, с. 246] и служило, по мнению Г.Ф. Шершеневича, которое было вполне обоснованным, для концептуального объединения правовых режимов вотчины и поместья [2, с. 98]. Затем в части 1 статьи 384 тома X Законов Российской империи было установлено, что недвижимым имуществом признаются земли и всякие угодья, дома, заводы, фабрики, лавки, всякие строения и пустые дворовые места, а также железные дороги. Недвижимость определялась методом обычного перечисления, какого-либо ясного критерия для определения того, что же именно должно быть отнесено к недвижимому имуществу, не было найдено.

Просуществовало понятие «недвижимость» в российском законодательстве до принятия ГК РСФСР 1922 г., когда оно было принципиально исключено из правопорядка в связи с отвержением права частной собственности на землю¹. При крушении советского строя в ходе новой фундаментальной трансформации правопорядка понятие «недвижимость» вновь было введено законодателем. Это было сделано в пункте 3 статьи 7 Закона РСФСР «О собственности в РСФСР»

¹ РСФСР. Гражданский кодекс. Принят на 6-й Сессии Всероссийского исполнительного комитета 31.10.1922 // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904, 905.

от 24 декабря 1990 г.² Однако невозможно вести речь о том, что правопорядок вернулся к тому положению вещей, которое существовало до исключения понятия «недвижимость» из законодательства. Сегодня этот термин имеет иное и, можно сказать, во многом противоположное, значение. В нем, с одной стороны, отражены старые древнеримские представления о недвижимых вещах, воспринятые доктриной российского права в интерпретации в основном немецких правоведов, с другой стороны, совершенно новые тенденции, созданные уже новой экономикой середины и конца XX века.

В настоящее время в пункте 1 статьи 130 ГК РФ к отдельным недвижимым вещам помимо земельных участков отнесены и здания, сооружения, объекты незавершенного строительства. Важно для отнесения этих вещей к категории «недвижимость» лишь то, что они должны быть прочно связаны с землей (их перемещение должно быть невозможным без несоразмерного ущерба функциональному назначению). Также, что принципиально важно, к числу недвижимых вещей отнесены подлежащие государственной регистрации суда (воздушные, морские и внутреннего плавания) и, главное, список вещей, которые законом могут быть объявлены недвижимостью, оставлен открытым.

К наследию римского права можно отнести то, что в качестве объекта недвижимости в законе указан, прежде всего, земельный участок, а также то, что имеется ссылка на сугубо техническую прочную связь строений с ним. В римском праве недвижимостью считался лишь земельный участок, а строения, расположенные на нем, считались его составными частями. Существовал единый объект недвижимости и действовал принцип приращения, согласно которому все, что строилось на земле, становилось частью этой земли.

Для того чтобы ясно осознать смысл существования такого взгляда на недвижимость, необходимо принять во внимание, что он отражал фундаментальное строение экономики аграрного мира, в котором право

на земельный участок определяло не только материальное положение, но и сословный статус субъекта права. Вследствие некоей кажущейся естественности такого экономического положения вещей земельный участок считался недвижимостью в силу природных свойств, наследие чего также до настоящего времени можно проследить не только в российской доктрине гражданского права, но и в судебной практике. Так, в пункте 38 постановления Пленума Верховного суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25³ указано, что вещь является недвижимостью или в силу природных свойств, или в силу указания закона.

В действительности же, если мы примем во внимание базовую методологию построения нормативной юридической мысли, то увидим, что юриспруденция имеет мало оснований для того, чтобы вести речь о природных свойствах недвижимости. Очевидно, что с самого момента зарождения права в том случае, когда речь шла о недвижимости, ее образ вводился и поддерживался правовой нормой и находился в логическом коридоре, ориентированном на построение каскада фикций.

Недвижимость есть всегда искусственное явление культуры, и в представлении о ней невозможно обнаружить компоненты, возникшие до нормативных рамок права, пусть даже речь идет о концептуальных рамках самых старых правопорядков. Это отличает юридическое понятие «недвижимость» от понятия «вещь», поскольку вещь может существовать до всякого права, и более того, вероятно, существование вещи порождает необходимость существования права, а не наоборот. Вещь, например, самовольная постройка, может быть проблемой для права, подлежащей разрешению, но существует она до и вне кодифицирующей решетки права. Право лишь решает, существовать ли этой вещи в дальнейшем или быть уничтоженной. Любой дом, построенный в соответствии с действующими правилами или вопреки им, является вещью абсолютно

² РСФСР. Законы. О собственности в РСФСР. Принят Верховным Советом РСФСР 24.12.1990 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР. 1990. № 3. Ст. 416.

³ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2015. № 8. Август.

определенной, имеющей название и назначение. Его существование в качестве вещи, пусть даже подлежащей с точки зрения действующего правопорядка уничтожению, бесспорно.

Понятие «недвижимость», ориентированное из самых глубин истории на существование отдельных земельных участков, имеет совершенно иную природу.

Земельный участок – это уже такая искусственная вещь, которая всегда требует для самого своего существования нормы права, указания публичной власти. Независимо от нормы права такая вещь существовать не может, поскольку граница участка – не просто линия, на которой располагается забор или иные межевые знаки, обозначающие некий барьер и характеристики вещи, но и, прежде всего, нормативное установление, говорящее всем участникам правопорядка, что искусственные границы есть границы, установленные публичной властью. Однако отметим, что при всей искусственности любого земельного участка, целостность которого всегда поддерживается установлениями правопорядка, он все же является вещью, а не фикцией вещи. Это важно иметь в виду для того, чтобы ясно представить себе, что происходит в концептуальном поле юриспруденции, когда она от концепта земельного участка, который еще является вещью, переходит к концепту «недвижимость», основанному на фикции вещи.

Важнейшим моментом в эволюции концепта «недвижимость» и подлинной революцией в вещном праве, означающем, что в будущем спектр недвижимых вещей может быть совершенно произвольным, принципиально независимым от их материальной природы, стал исторический момент, когда недвижимая вещь начала формироваться в открытом логическом коридоре правовых фикций. Постепенное построение этого логического коридора и привело к тому, что список недвижимых вещей согласно статье 130 ГК РФ стал открытым и в него наряду с землей попали части зданий, сооружений и разного рода суда.

Революция, показывающая состояние экономики старого аграрного мира и создавшая его устойчивые правовые рамки, произошла в римском праве тогда, когда утвер-

дилась мысль о том, что дом (строение) – то есть то, что вслед за немецким правоведом Кристианом Фон Баром [3, р. 14] можно назвать истинной вещью, поскольку для его существования не требуется особого усилия правопорядка – в принципе может быть частью такой нормативной вещи, как земельный участок. Возникла точка роста будущего каскада фикций, приведшая к тому положению вещей, которое мы можем видеть не только в современном российском праве, но и в большинстве европейских правопорядков, также не остановившихся в стремлении к расширению списка недвижимых вещей (произвольного набора юридических фикций).

Концептуальное уничтожение дома (строения) как самостоятельной вещи и включение его в состав другой вещи – это манифестация не только нормативности недвижимости, но и ее, что гораздо более важно, принципиальной, фундаментальной фиктивности. Отметим, что правовая фикция вещи всегда создается путем отрицания существования какой-то другой вещи (собственно, такова логическая природа любой юридической фикции, преобразующей материальный мир). Это неизбежно влечет ограничение права и умаление экономического статуса владельца вещи, потерявшей самостоятельность.

В тот момент, когда римское право включило в состав земельного участка здание, произошло создание сложной фикции, которая сохранялась в относительно простых рамках аграрной экономики, до того исторического момента пока не возникла экономика нового индустриального мира, объективно отменившая ограничения на продолжение построения логического коридора фикций в определении недвижимости.

Возникает закономерный вопрос – почему это произошло и что именно обеспечивало устойчивость такой фикции, как римский единый объект недвижимости вплоть до промышленной революции нового времени? Разумеется, это было не логическое совершенство правовой конструкции, ибо в логическом пространстве три варианта построения концепта «недвижимость» – 1) дом как часть земли; 2) земля как часть дома и 3) дом и земля как недвижимые вещи – совершенно равны. Устойчивость правовой

фигуры римского объекта недвижимости в разных правовых порядках, о чем мы должны дать себе отчет, обеспечивалась в течение долгого времени специфическим соотношением власти, богатства и нужды.

В римском праве структура недвижимой вещи была выражена, прежде всего, в строении правового института суперфиция, ориентированного на сохранение устойчивой хозяйственной власти старых римских родов. Этот правовой институт обеспечивал такой порядок вещей, при котором собственники земельных участков, расположенных в основном в городах, получали гарантированный стабильный доход за счет тех лиц, которые создавали строения на их земле.

Собственник земли в соответствии с концепцией единого объекта недвижимости приобретал право собственности и на строение, которое всегда становилось частью земли. Это происходило независимо от того, кто именно возводил строение, кто вкладывал в процессе создания строения труд и финансовые ресурсы. Однако само право жить в любом городе де-факто означало право жить в хозяйственных центрах римской цивилизации, и поэтому тот, кто возводил строение, не приобретая на него права собственности, получал другое благо – само благо городской жизни. Он получал право длительного пользования возведенным строением, оплачивая это право в течение длительного времени и передавая его по наследству. Право пользования строением включалось в коммерческий оборот, оно могло быть заложено, продано и т. п. Но при этом главное, то есть то, что сохранялось всегда – это сословный и абсолютно спокойный (безрисковый) бизнес собственников земли, поскольку право собственности на строение никогда не отрывалось от права собственности на землю и при любых экономических перипетиях, при любых нюансах оборота, ведущих зачастую к смене владельца строения, право собственности на него и доход от его использования сохранялись у собственника земли. Право собственности на землю рождало и поддерживало сословный контроль над теми, кто пользовался чужой землей для застройки, и порождало непрерывную гарантированную прибыль собственников земли и строений, рас-

положенных на ней. Сам механизм города с помощью концепта единого объекта недвижимости использовался как некий безотказный «правовой насос», перекачивающий ресурсы нижестоящих сословий в казну вышестоящих.

Факт существования многоквартирных домов в Древнем Риме не повлек создания таких отдельных объектов недвижимости, как помещения. Дом, сколь бы многоквартирным он не был, оставался составной частью земли. При этом все жильцы дома, оплачивая свое проживание владельцам дома, в итоге платили собственникам земли. Чем более многоквартирным был дом, тем более экономических ресурсов получал собственник земли, поскольку он собирал имущество из доходов многих лиц. М.И. Митилино, который тщательно исследовал институт суперфиция, писал: «Экономические интересы богатых римских нобелей, владевших городской землей и неохотно ее продававших, должны были побудить их эксплуатировать годную под застройку землю посредством отдачи ее в суперфициарное пользование, дававшее постоянный, равномерный доход и освобождавшее землевладельца от общения с отдельными квартирантами» [4, с. 35]. С.А. Муромцев также определял возникновение суперфиция как результат некоего падения римского права, связанного с возникновением крупных землевладений, неизбежно рождавших необходимость в устойчивых правовых конструкциях, позволявших собственникам земли, не прилагавшим собственных усилий для организации бизнеса (обработки земельных участков, возведения строений), получать доход [5, с. 321].

Максимальная отстраненность от каждодневного поиска источников, обеспечивающих существование, идеально обеспечивалась концепцией единого объекта недвижимости. Без этой концепции недвижимости теряла совершенную устойчивость всякая сословная власть. Поэтому единый объект недвижимости по римскому образцу воплощает в себе сословный принцип построения частного права.

Германское право изначально не было столь прочно ориентировано на эффективную сословность как римское право, поскольку это не было право городов аграрно-

го мира. В его относительно неопределенном концепте помимо римского принципа приращения действовал и иной принцип, противоположный по своей сути. Дом мог быть частью земли, но и земля могла быть частью строения.

Более того, в некоторых случаях в средневековом германском праве строение, расположенное на земельном участке, рассматривалось как движимое имущество, а сам земельный участок, на котором располагалось это строение, считался недвижимостью. Как разъяснял Л.А. Кассо в работе «Здания на чужой земле», такая правовая конструкция существовала в основном в качестве элемента преодоления ограничений на наследственное право, ориентированного на сохранение родовой власти. Он пишет: «...В германском праве средних веков здание могло иметь отдельную от земли часть: как движимое оно отходило к одним родственникам, а земля вместе с остальной вотчиной получалась другими родичами» [6, с. 10]. Это делалось для того, «чтобы допустить к наследованию зданий тех лиц, которые по общему правилу могли бы получить лишь одно движимое имущество, или для того, чтобы расширить право распоряжения хозяина этих зданий и избавить его от установленной при отчуждении остальных недвижимостей необходимости заручиться согласием кровных родственников» [6, с. 9]. Концепт единого объекта недвижимости и в германском праве устанавливал слишком простую и архаичную родовую власть, поэтому правопорядок постоянно, хотя и с разной интенсивностью в разные периоды времени, искал варианты его преодоления.

Одним из вариантов преодоления римского концепта недвижимости в германском праве стало возникновение поэтажной (горизонтальной) собственности, согласно которой отдельным объектом недвижимости был признан отдельный этаж здания. Этот шаг в развитии права означал, что каскад фикций, формирующий понятие «недвижимость» в средние века, уже не имел явных логических пределов.

С рецепцией римского права, происходившей активно в середине XV века, в германских городах утверждается концепция

единого объекта недвижимости со всем ее экономическим значением, характерным для римского права. Римское право сохранялось, прежде всего, на юге Франции и в Италии, откуда постепенно было перенесено в германские земли [7, с. 389].

Однако, несмотря на новое утверждение римской концепции единого объекта недвижимости, глубинные экономические основания для преодоления этой концепции сохраняются в германских землях и далее, что проявилось в разных территориях. Так, в Прусском земском уложении от 1794 г., содержание которого отражало колебания в определении экономического положения собственника земельного участка и строения, было установлено, что принцип приращения может действовать и как принцип приращения земельного участка, и как принцип приращения строения (если строение возводилось без разрешения собственника земельного участка на его земле, то оно становилось частью земельного участка, если же разрешение на строение давалось собственником земли, то земельный участок наоборот становился составной частью строения). То есть единый объект мог быть и земельным участком с составной частью в виде здания, и зданием с составной частью в виде земельного участка.

И все же экономическая власть собственников земли в городах, носящая по-прежнему сословный характер, требовала все более определенной рецепции конструкций римского права. Когда-то были римские нобили, средневековые же принесло господство знатных городских родов. Но смысл был прежним — концепт «недвижимость» должен был остаться правовым механизмом, обеспечивающим спокойный бизнес собственников городской земли. М. Вебер в книге «Город», анализируя строение средневековых городов, писал: «Тех аристократов, которые монополизировали управление городом, обычно называют «знатными родами», а период их преобладающего влияния — господством знатных родов. Эти роды не были единообразны по своему характеру; общим для них было то, что их могущественное социальное положение основывалось на землевладении и на доходах от промыслов, ко-

торами сами они непосредственно не занимались» [8, с. 95].

Представители знатных родов и церковь были собственниками городской земли, а ремесленникам зачастую не разрешалось иметь землю на праве собственности. Поэтому опять был востребован единый римский объект недвижимости, согласно которому собственники земли получали в собственность и строения, которые возводили ремесленники, вынужденные активно создавать и развивать промыслы. Собственники земли и строений, расположенных на ней, могли опять просто получать доход от чужой деятельности.

Эта ситуация теряет идеологическую и экономическую основу только в период Нового времени.

2. Принципиальное изменение концепта «недвижимость» в Новое время

Новое время постепенно стало требовать создания более сложного и менее определенного концепта «недвижимость». На протяжении последних трехсот лет мы наблюдаем драматичное, но закономерное и неумолимое развитие процесса умножения фикций недвижимых вещей. Изменение понятия «недвижимость» идет вслед за изменением общей экономической структуры, за глобальной реконструкцией соотношения власти и богатства.

В Новое время происходит рождение промышленности. Индустриализация принесла новые концепции собственности и вместе с этим новое строение недвижимых вещей, поскольку она настоятельно требовала освобождения от старого традиционного контроля собственников земли за строениями, возведенными на этой земле. Оно требовало экономического и юридического равенства собственника земли и владельца (в перспективе собственника) строения, возведенного на этой земле.

Римское представление о собственности, соединенное в единый концепт с римским представлением об объекте недвижимости, исходило из того, что право собственности рождается на основании захвата или давностного владения (с различием лишь срока владения для движимых и недвижимых вещей). Представление о праве собственности Нового времени, кардиналь-

но противоречащее римскому взгляду на мир, – это представление в основном в рамках трудовой теории стоимости, согласно которой право на вещи создается и определяется трудом, вложенным в их создание. Право собственности на землю, соответственно, возникает у того, кто эту землю обрабатывает, а право собственности на строение – у того, кто его возводит. Такое представление о праве собственности кардинально отрицало старое римское строение объекта недвижимости, предполагавшее, что какое бы усилие по застройке или обработке земли не было сделано, какие бы средства не были вложены, на структуру объекта недвижимости и строение права собственности на него это не влияет.

Глобальный интеллектуальный поворот от римского представления о собственности к трудовой теории стоимости был продиктован основными потребностями гражданского оборота, а не некими абстрактными помыслами о справедливости социального порядка. В данном случае, как и всегда, доктрина следовала за запросом, порожденным новыми хозяйственными практиками, поскольку в XVIII–XIX веках сами новые типы бизнеса требовали новых доктрин. Кроме того, ранее трудовая теория стоимости была востребована в американских колониях для идеологического обоснования захвата индейских земель, которые не обрабатывались коренным населением.

Потребность индустриального бизнеса постепенно выразилась в представлении о необходимости национализации земли. Принято считать, что требование такой национализации было исключительно компонентом социалистических течений мысли XIX века, однако это не так. О необходимости национализации земли вели речь и основные либеральные мыслители этого исторического периода. Новая промышленность требовала освобождения от старой сословной хозяйственной власти собственников земли, и идеологи либерализма, выражавшие чаяния лиц, создающих фабрики, заводы и железнодорожные пути на чужой земле, выражали на языке новых теорий их потребности [9, с. 130].

Для английского либерализма, формировавшегося в центре промышленного мира, –

а либерализм XIX века это в основном именно английский либерализм – мысль о национализации земли и создании прочного права для строений была гораздо более приемлемой, чем для европейских теоретиков права. Дело в том, что со времен Вильгельма Завоевателя английская земля считается собственностью короны, остальные субъекты пользуются ею как чужой землей (с разными полномочиями). Английские теоретики либерализма (Джон Стюарт Милль и др.) на место короны ставили деперсонализированное государство и тем самым пытались максимально освободить новые типы бизнеса от старых практик сословного контроля (от контроля различных правовых сословных лестниц, ориентированных на разные способы владения землей).

В результате революций, которые в исторической литературе часто называют буржуазными, разные правовые порядки постепенно нашли свои решения проблемы старой экономической власти собственников земли, неизбежно и кардинально скорректировавшие содержание понятия «недвижимость». Это произошло постепенно, в течение двухсот лет бурного становления нового промышленного бизнеса, путем усложнения коридора правовых фикций, обозначающих то, что есть «недвижимость».

В научной литературе иногда в качестве примера страны, в полной мере сохранившей римский концепт единого объекта недвижимости, приводится Германия. Однако это неверно, поскольку немецкая юриспруденция, несмотря на то, что историческая школа права в XIX веке пыталась в полной мере вернуть устойчивый концепт недвижимости, характерный для римского порядка вещей, никогда последовательно, как показано выше, не следовала в том русле представлений о недвижимости, который возник в Древнем Риме. Рецепция римского права, проходившая с середины XV века и укрепившая конструкции сословной власти, к началу XX века потеряла значительную часть своего значения, поскольку индустриальный мир требовал иных принципиальных решений в сфере права недвижимости. Это закономерно привело к новым версиям преодоления концепта единого объекта недвижимости.

Так, в частности, в Германии было принято Положение о наследственном праве застройки от 15 января 1919 г., согласно которому на значительный срок здание в процессе застройки земельных участков становилось частью права, а не частью земельного участка. Это было довольно сложное концептуальное решение, но главное в нем то, что с помощью новой правовой фикции земельный участок, как единственный объект недвижимости, был поставлен под сомнение. Новая сложная фикция, в которой строение стало частью права застройки, а не частью земельного участка, принципиально преодолела сдерживающий концептуальный порог старой римской фикции, и немецкое право произвело разделение объекта недвижимости «по горизонтали». В концептуальном поле возникли две независимые недвижимые вещи – земельный участок и новая недвижимая вещь, а именно само право застройки, частью которого стало строение (оригинальная и, возможно, слишком сложная фикция вещи). Можно сказать, что немецкое право вышло на новый компромиссный этап эволюции, когда одновременно и сохранялся старый римский концепт недвижимости, и делался новый шаг по созданию ситуации устойчивого долговременного отрицания этого концепта. Право застройки безопасно отрицало старые недвижимые вещи, сохраняя и остатки старого сословного порядка, исторически выгодные, прежде всего, немецкой церкви. Но важна все же не консервация старых порядков, а их принципиальное отвержение с помощью введения новых фикций недвижимых вещей.

3. Поиск содержания концепта «недвижимость» в российском праве

По схожести с немецким и общеевропейским концептуальным путем шло и российское право. В Российской империи был принят закон «О праве застройки» от 23 июня 1912 г., согласно статье 19 которого застройщик, который возводил строения на чужом земельном участке, имел право после прекращения срока застройки уничтожить возведенный им объект. Старое римское право не предоставляло застройщику такой возможности, поскольку дом был частью земли, и лишь это положение вещей носило принципиальный характер в строении объ-

екта недвижимости. Поскольку ключевой смысл старой фикции, делавшей строение частью земли, не был сохранен, можно вести речь о том, что и в Российской империи до конца ее существования не было тенденции к консервации старой римской фикции единого объекта недвижимости (отметим, однако, для сохранения объективности, что с присоединением польских земель на территории империи распространилось чиншевое владение, носившее характер римского эмпитевзиса и несшее некоторые традиции римского права в области недвижимости, но это правовое явление было из числа тех явлений, с которыми империя старалась бороться, потому что не была заинтересована в сохранении основы экономической власти польских магнатов).

При принятии ГК РСФСР 1922 г. было исключено само понятие «недвижимость», хотя некоторые черты старого римского порядка вещей сохранялись еще некоторое время, теряя свое значение. В этом кодексе содержались нормы о праве застройки, сохраняющие остаточные черты римского суперфиция, но уже 26 августа 1948 г. было принято решение об отмене права застройки на территории СССР, а 01 февраля 1949 г. было принято решение об отмене этого права на территории РСФСР. Таким образом, концептуальный фундамент римского содержания понятия «недвижимость» был в советское время отвергнут.

В постсоветское время, когда понятие «недвижимость» вернулось в законодательство, речи о возвращении римской концепции единого объекта уже не шло. Вместо концепта единого объекта в правовой порядок был включен концепт единой юридической судьбы земельного участка и здания, расположенного на нем. Этот концепт предполагал, что распоряжение земельным участком и строением, расположенным на нем, должно происходить одновременно, поскольку собственник земли и строения должен быть один. Такую установку в какой-то мере можно считать отголоском старого римского права, но все же речь идет уже о разных недвижимых вещах, объединенных одной судьбой. Единая юридическая судьба разных объектов недвижимости – это признак уже нового индустриального права.

Большой практической проблемой нового постсоветского правового порядка стало то, что в нем у собственника здания, сооружения появилось право на приобретение в собственность земельного участка, на котором оно расположено⁴. Используя это право, собственники самых разных объектов в конце 1990-х и начале 2000-х гг. пытались приобрести в собственность те дорогостоящие земли, на которых они располагались. В свою очередь суды, для того чтобы избежать многочисленных злоупотреблений и поставить необходимые барьеры для необоснованного приобретения в собственность государственных и муниципальных земель, выработывали судебную практику, стабилизирующую концепт недвижимости. Постепенно эту проблему удалось решить, но в ходе ее решения в рамках российского гражданского права возникло много научных работ, в которых предлагалось единственным объектом недвижимости признать традиционный римский объект – земельный участок, включающий в свой состав строения. Казалось бы, неизбежно уходящая в прошлое не только в российском правовом порядке, но и почти во всех европейских правовых системах фикция вновь получила свое оправдание.

Необходимо отметить, что прочное введение в российское право старой римской концепции единого объекта недвижимости действительно могло бы поставить необходимый законодательный барьер для многих злоупотреблений и принести новую логическую устойчивость российскому праву. Но, как следует из вышесказанного, историческое время старой фикции ушло неслучайно, и это выразилось не в одной норме, определяющей то, что собой представляет объект недвижимости, а во многих локальных решениях, результаты которых не могут и не должны быть нейтрализованы, поскольку они есть неотъемлемая часть промышленной цивилизации. Индустриальная цивилизация всех стран, прошедших через промышленные революции, процессы урбанизации и т. п., которые требовали предоставления жилья в массовом порядке и дробления не-

⁴ Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. 29 окт. № 44. Ст. 4147.

движимости, отвергла концепцию единого объекта недвижимости вместе со старым словесным социальным порядком. Это глобальное отвержение продолжается, и поэтому российское право вынуждено будет следовать в русле создания более сложных фикций недвижимых вещей, исключаящем возврат к римскому видению проблемы недвижимости. Неизбежно в связи с объективными причинами будет происходить дробление и постоянное переформатирование правового образа объекта недвижимости, постоянно будут достигаться новые и более сложные пороги в построении фикций.

Глава 6.1 ГК РФ «Недвижимые вещи» стабилизировала концепт недвижимости, закрепив те моменты, которые были важны для права индустриального мира. Произошла более определенная разбивка объектов недвижимости на земельные участки, здания и сооружения, помещения. Это более четкое, нежели в статье 130 ГК РФ, дробление единого объекта недвижимости. Закрепление нового шага в эволюции концепта «недвижимость».

Особенно интересным в построении каскада фикций можно считать создание и дальнейшее утверждение такого объекта недвижимости, как машино-место. Это не просто фикция, а фикция фикции, поскольку оно является фикцией помещения. Само помещение было создано правом как фикция материальной вещи, а машино-место, в отношении которого применимы нормы о помещении, стало фикцией некоего огороженного объема пространства. Право сделало новый шаг из множества предстоящих ему шагов.

Глава 17.1 ГК РФ «Право собственности и другие вещные права на здания, сооружения, объекты незавершенного строительства, помещения и машино-места» еще более укрепила концепт недвижимости индустриального мира, дополнительно констатируя, что право собственности на помещения и машино-места влечет право собственности на земельный участок (статья 287.6 ГК РФ). Это перевернутая по отношению к римскому концепту правовая конструкция. Правовое пространство, в котором право собственности на любое, пусть и небольшое, помещение, влечет возможность приобретения доли

в праве на землю, представляет собой пространство, в котором концептуальный поворот к римскому праву уже невозможен.

Утверждение индустриального права, позволяющего создавать разные фикции недвижимых вещей, влечет новый этап в построении концепта «недвижимость». Поскольку логический коридор в построении фикций недвижимых вещей является в настоящее время принципиально открытым, весьма вероятно, что в процессе построения новых фикций недвижимых вещей российское право постепенно отвергнет сам термин «недвижимость», так как движение и покой вещей для юриспруденции становятся все менее определяющими. На первый план в определении того, что должно быть признано недвижимостью, выходит логика построения реестров вещей и прав на них. Этого требует уже новое цифровое постиндустриальное право.

Любые дорогостоящие вещи, подлежащие включению в реестр, могут стать вещами, заменившими недвижимость. То, что обладает необходимой хозяйственной значимостью, прежде всего большой стоимостью, будет включаться во все более сложные реестры, построение которых потребует все большего осмысления их значения. Поэтому возможно, что постепенно деление вещей на движимые и недвижимые будет исключаться из юридического дискурса. Вместо этого будет утверждаться деление на вещи, подлежащие и не подлежащие внесению в реестр. Это объективная тенденция, ведущая к реконструкции юридического языка и во многом юридического мышления. Индустриальная цивилизация постепенно ведет к такому фундаментальному изменению юридического взгляда на мир и юридической практики, несмотря на многие логические проблемы, которые сопутствуют процессу такой глубинной трансформации.

Так как в российском праве уже существуют части зданий, комнаты, квартиры и подвижные объекты (суда) как самостоятельные недвижимые вещи, то могут быть признаны недвижимостью даже объекты компьютерных игр, на что указывается уже в учебниках. К примеру, в учебнике гражданского права под редакцией д.ю.н. С.А. Степанова 2019 г. издания сказано: «За-

глядывая в недалекое будущее, можно осторожно предположить даже возможность возведения в статус недвижимости некоторых из появляющихся сегодня «виртуальных вещей» (которые пока вообще-то вещами не считаются)» [10, с. 156]. Совершенно верное замечание, говорящее о том, что недвижимостью может быть признано даже то, что не имеет привычного материального субстрата. Главное, что это нечто, имеющее название, имеет еще и большую стоимость. Порог стоимости в будущем, вероятнее всего, будет определять необходимость внесения вещи (или фикции вещи) в реестр и именно он и будет критерием для определения новых значимых вещей, которые дополнят старый перечень недвижимости.

Мы начали жить во времена цифровой экономики и цифрового права, порог индустриального права с его представлением о недвижимости постепенно преодолевается с помощью уже новых фикций. Это объективный и настолько значимый поворот в истории, что он неизбежно потребует нового концепта «недвижимость», к чему российское право должно быть готово.

Заключение

Право прошло большой путь эволюции в определении понятия «недвижимость». Это был путь от относительно простой римской фикции единого объекта недвижимости к более сложному взгляду, рождающему разветвленный коридор новых правовых фикций.

Возникновение и устойчивость в течение длительного времени концепта римского единого объекта недвижимости были продиктованы соотношением власти и богатств

ва древнеримского и средневекового периодов истории.

Новое время с его индустриальной экономикой потребовало преодоления римского концепта недвижимости, и все страны, прошедшие через промышленные революции, постепенно пришли к новому пониманию того, что должна представлять собой недвижимость. Концепт единого объекта недвижимости был преодолен с введением разного рода новых фикций недвижимых вещей.

Для российского права вступление в силу с 01 сентября 2022 г. главы 6.1 ГК РФ и главы 17.1 ГК РФ означает закрепление матрицы индустриального права Нового времени. Одновременно, учитывая открытый перечень недвижимых вещей, содержащийся в статье 130 ГК РФ, можно утверждать, что российское право содержит значительный потенциал построения постиндустриальной цифровой экономики, ориентированной на создание новых фикций недвижимых вещей.

Вероятно, что по мере развития цифрового права все более будут возрастать значение и функции реестра недвижимости, хотя само понятие «недвижимость» может быть преодолено. Привычная для права дихотомия «движимые-недвижимые вещи» может смениться на дихотомию «вещи, подлежащие включению в реестр, – вещи, не подлежащие включению в реестр». Это, вероятно, приведет к новым фундаментальным изменениям правового дискурса, связанным с созданием новых фикций вещей, которые повлекут новые концептуальные проблемы. Однако такое положение вещей одновременно породит и новые возможности права.

Список источников

1. Памятники русского права / под ред. К.А. Софроненко. М.: Юридическая литература, 1961. 503 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/assets/uploads/pamyatniki-russkogo-prava/Pamyatniki_russkogo_prava-8_Sofronenko_K_A.pdf
2. *Перишневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М., 1995. 556 с. URL: <http://kursach.com/biblio/0020001/000.htm>
3. *Von Bar C.* Why do we need grundstücke (land units), and what are they? On the difficulties of divining a European concept of ‘thing’ in property law // *Juridica International*. 2014. Vol. 22. P. 3-15. <http://dx.doi.org/10.12697/JI.2014.22.01>
4. *Митилино М.И.* Право застройки. Опыт цивилистического исследования института. Киев: Тип. насл. Т.Г. Мейнандера, 1914. 323 с. URL: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/22743/1/RuPRLIB12082151.PDF>

5. Муромцев С.А. Очерки общей теории гражданского права: в 2 ч. М.: Тип. А.П. Мамонтова, 1877. Ч. 1. 546 с. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/muromcev_sa_ocherki_obshchej_teorii_grazhdanskogo_prava_chast_pervaya/
6. Кассо Л.А. Здания на чужой земле. М.: Издание книжного магазина И.К. Голубева, 1905. 48 с. URL: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/17731/1/Здания%20на%20чужой%20земле_.pdf
7. Савиньи К. Римское право в средние века // Немецкая историческая школа права. Челябинск, 2010. 670 с. URL: https://www.studmed.ru/view/novgorodcev-p-muromcev-s-kareev-n-i-dr-nemeckaya-istoricheskaya-shkola-prava_5a3badb686b.html
8. Вебер М. Город. М.: Strelka Press, 2017. 576 с. URL: https://socioline.ru/files/5/89/veber_m_gorod_2017.pdf
9. Пирсон К. Просто собственность: ее история на латинском Западе. Т. 2: Просвещение, революция и история. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 432 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/07000429925>
10. Гражданское право: в 2 т. / под ред. С.А. Степанова. М.: Проспект, 2019. Т. 1. 928 с. URL: <https://rucont.ru/file.ashx?guid=a10bf22d-195c-4a63-86fe-f67dbc1bfa68>

References

1. Sofronenko K.A. (ed.). (1961). *Pamyatniki russkogo prava* [Monuments of Russian Law]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 503 p. (In Russ.) Available at: https://azbyka.ru/otechnik/assets/uploads/pamyatniki-russkogo-prava/Pamyatniki_russkogo_prava-8_Sofronenko_K_A.pdf
2. Shershenevich G.F. (1995). *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava (po izd. 1907 g.)* [Textbook of Russian Civil Law (Based on the 1907 Edition)]. Moscow, 556 p. (In Russ.) Available at: <http://kursach.com/biblio/0020001/000.htm>
3. Von Bar C. (2014). Why do we need grundstücke (land units), and what are they? On the difficulties of divining a European concept of ‘thing’ in property law. *Juridica International*, vol. 22, pp. 3-15. <http://dx.doi.org/10.12697/JI.2014.22.01>
4. Mitilino M.I. (1914). *Pravo zastroyki. Opyt tsivilisticheskogo issledovaniya institute* [Building Lease. Experience of Civil Research of the Institute]. Kiev, Typography of T. G. Meinander’s heritage, 323 p. (In Russ.) Available at: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/22743/1/RuPRLIB12082151.PDF>
5. Muromtsev S.A. (1877). *Ocherki obshchei teorii grazhdanskogo prava: v 2 ch.* [Essays on the General Theory of Civil Law: in 2 pts]. Moscow, A.P. Mamontov Typography, pt 1, 546 p. (In Russ.) Available at: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/muromcev_sa_ocherki_obshchej_teorii_grazhdanskogo_prava_chast_pervaya/
6. Kasso L.A. (1905). *Zdaniya na chuzhoi zemle* [Buildings on a Foreign Land]. Moscow, Izdanie knizhnogo magazina I.K. Golubeva Publ., 48 p. (In Russ.) Available at: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/17731/1/Zdaniya%20na%20chuzhoi%20zemle_.pdf
7. Savin’i K. (2010). *Rimskoe pravo v srednie veka* [Roman law in the middle ages]. In: *Nemetskaya istoricheskaya shkola prava* [German Historical School of Law]. Chelyabinsk, 670 p. (In Russ.) Available at: https://www.studmed.ru/view/novgorodcev-p-muromcev-s-kareev-n-i-dr-nemeckaya-istoricheskaya-shkola-prava_5a3badb686b.html
8. Veber M. (2017). *Gorod* [City]. Moscow, Strelka Press, 576 p. (In Russ.) Available at: https://socioline.ru/files/5/89/veber_m_gorod_2017.pdf
9. Pirson K. (2020). *Prosto sobstvennost’: ee istoriya na latinskom Zapade. T. 2: Prosveshchenie, revolyutsiya i istoriya* [Just Property. A History in the Latin West. Vol. 2: Enlightenment, Revolution and History]. Moscow, “Delo” Publishing House RANEPa, 432 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/07000429925>
10. Stepanov S.A. (ed.). (2019). *Grazhdanskoe pravo: v 2 t.* [Civil Law: in 2 vols.]. Moscow, Prospekt Publ., vol. 1, 928 p. (In Russ.) Available at: <https://rucont.ru/file.ashx?guid=a10bf22d-195c-4a63-86fe-f67dbc1bfa68>

Поступила в редакцию / Received 08.12.2022

Поступила после рецензирования / Revised 15.02.2023

Принята к публикации / Accepted 17.03.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО PROCEDURAL LAW

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.91

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-120-131>

Шифр научной специальности 5.1.3

Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Сравнительный анализ законодательства государств БРИКС

© ГАВРИЛЕНКО Владимир Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева», Российская Федерация, 196105, г. Санкт-Петербург, Московский просп., 149; докторант юридического факультета, Университет Сапиенца, Италия, 00185, г. Рим, пл. Альдо Моро, 5, <https://orcid.org/0000-0002-7357-3526>, gv22@mail.ru

Аннотация

Автор анализирует вопросы правового регулирования подведомственности видов споров третейскому разбирательству в государствах БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, КНР, ЮАР). Несомненно, важность стран БРИКС в современной международной экономике объективно очевидна, поскольку они являются крупными экономическими и политическими субъектами на мировой арене. Российская Федерация играет большую роль в данном объединении. Институт коммерческого арбитража или третейского разбирательства споров представляет собой исторически признанный и эффективный способ разрешения конфликтов и защиты прав и интересов субъектов экономической деятельности. Опыт стран БРИКС в регулировании указанного института представляется интересным для исследований. Проведен подробный и объективный сравнительный анализ законодательства государств БРИКС, регулирующего арбитражное (третейское) разбирательство споров. Выявлены виды арбитрабельных и неарбитрабельных споров. Определены основные проблемы в правовом регулировании указанной сферы, главной из которых является отсутствие четких и конкретных указаний на виды споров, подлежащих и не подлежащих третейскому разбирательству. Предложены пути и способы решения вышеуказанных проблемных вопросов.

Ключевые слова

коммерческий арбитраж, третейское разбирательство споров, третейский суд, подведомственность, арбитрабельность споров, компетенция, государства БРИКС

Для цитирования

Гавриленко В.А. Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Сравнительный анализ законодательства государств БРИКС // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 1. С. 120-131. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-120-131>

Issues of jurisdiction of disputes to arbitration. Comparative analysis of legislation of BRICS states

© Vladimir A. GAVRILENKO,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of Theory and History of State and Law Department, Saint-Petersburg University State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after the Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev, 149 Moskovskiy Ave., St. Petersburg, 196105, Russian Federation; Doctoral Candidate of Law Department, Sapienza University of Rome, 5 Aldo Moro Sq, Rome, 00185, Italy, <https://orcid.org/0000-0002-7357-3526>, gv22@mail.ru

Abstract

We analyze the issues of legal regulation of jurisdiction of disputes types to arbitration in the BRICS states (Brazil, Russia, India, China, South Africa). Evidently, an importance of the BRICS countries in modern international economy is objectively obvious, since they are major economic and political actors on the world stage. The Russian Federation plays an important role in this association. The institution of commercial arbitration or arbitration dispute proceedings is a historically recognized and effective way to resolve conflicts and protect the rights and interests of economic entities. The experience of the BRICS countries in regulating this institution seems interesting for research. A detailed and objective comparative analysis of the BRICS states legislation regulating arbitration sphere is carried out. The types of arbitrable and non-arbitrable disputes are identified. The main problems in the legal regulation of this area are identified, the main of which is a lack of clear and specific indications of disputes types that are subject to and not subject to arbitration. We suggests ways and means of solving the above problematic issues.

Keywords

arbitration, arbitration dispute proceedings, arbitral tribunal, jurisdiction, arbitrability of disputes, competence, BRICS states

For citation

Gavrilenko, V.A. (2023). Issues of jurisdiction of disputes to arbitration. Comparative analysis of legislation of BRICS states. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 1, pp. 120-131 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-120-131>

Введение

Актуальность исследуемой темы обусловлена возрастающей популярностью способов разрешения правовых споров, альтернативных государственному правосудию, одним из которых является коммерческий арбитраж, который приобретает все большее распространение в современном мире. Данные обстоятельства, прежде всего, связаны с развитием экономического оборота и предпринимательской деятельности, а также увеличением объема внутренних и международных экономических связей.

Государствами БРИКС являются следующие государства, входящие в данную международную организацию¹. Это Российская Федерация, Бразилия, Индия, Китай-

ская Народная Республика, Южно-Африканская Республика. По сути БРИКС можно определить как многосторонний формат взаимодействия государств, эволюционировавший в межгосударственное объединение [1, p. 12].

Рассмотрим в настоящей публикации законодательство стран БРИКС, регулирующее институт арбитражного разбирательства споров. Автор статьи не ставит задачу сравнения положений указанных правовых актов в полном объеме. Для решения задач исследования необходимо проанализировать регулирование отдельных особенностей коммерческого арбитража, таких как определение арбитража в правовых актах; вопросы арбитражного соглашения; вопросы подсудности и компетенции арбитражных учреждений на рассмотрение опре-

¹ BRICS information portal. URL: <http://infobrics.org>

деленных видов споров и виды споров исключительной юрисдикции государственного правосудия; вопросы оспаривания и отмены арбитражного решения в связи с нарушением правил компетенции арбитражного учреждения.

Определимся с терминологией. Согласно статье 2 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», «арбитраж (третейское разбирательство) – процесс разрешения спора третейским судом и принятия решения третейским судом (арбитражного решения)»². Следовательно, термины арбитраж и третейское разбирательство споров являются синонимами. В дальнейшем, в настоящем исследовании, термин арбитраж, как синоним термина третейское разбирательство споров, используется в соответствии с общепринятой практикой.

Обратим внимание на различие содержания терминов компетенция и подведомственность. Подведомственность споров третейскому разбирательству означает совокупность видов споров, которые могут быть разрешены посредством арбитража в соответствии с законодательством страны. Компетенция же означает право арбитража на разбирательство конкретного спора, в частности, и определенных видов споров, в общем.

Автор статьи использует официальные правовые источники государств БРИКС. Соответственно, тексты законов указанных государств опубликованы на их официальных языках. Иногда публикуются официальные переводы законов на английский язык. (В Индии и ЮАР английский язык является одним из официальных языков, следовательно, официальные тексты законов опубликованы на английском). В целях проведения настоящего исследования автор статьи использовал неофициальные переводы на русский язык законодательных актов или осуществлял перевод самостоятельно. В настоящем разделе указаны наименования правовых актов на русском языке. В списке

использованных источников приводятся наименования правовых актов также на русском языке.

Результаты исследования

1. Законодательство Российской Федерации

Исследуем арбитражное разбирательство споров в Российской Федерации и положения Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (далее – Закон РФ).

Ранее действовал Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации», а еще ранее действовало «Временное положение о третейском суде для разрешения экономических споров», утвержденное Постановлением Верховного Совета РФ от 24 июня 1992 г. № 3115-1. Очевидно, что российские законодатели во все время истории современной России уделяли пристальное внимание вопросам третейского разбирательства споров.

Новый Закон РФ 2015 г. усовершенствовал регулирование вопросов компетенции третейских судов и арбитрабельности споров, а также уточнил требования к арбитражным оговоркам и ужесточил правила организации и регистрации постоянно действующих третейских судов. Уведомительный порядок регистрации сменился разрешительным. Последнее повлекло существенное сокращение количества постоянно действующих третейских судов, что послужило причиной критики указанного закона.

Настоящий Закон РФ в пункте 2 статьи 2 дает следующее определение, которое приведем полностью: «арбитраж (третейское разбирательство) – процесс разрешения спора третейским судом и принятия решения третейским судом (арбитражного решения)».

Глава 2 Закона РФ регулирует вопросы, связанные с арбитражным соглашением, которое может быть оформлено отдельным соглашением или оговоркой к действующему договору. Обязательным условием является письменная форма арбитражного соглашения, в том числе письменной формой считается обмен письмами, телеграммами, процессуальными документами, в которых одна сторона утверждает наличие арбитражного соглашения, а другая не представляет воз-

² Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ (п. 2, ст. 2) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1. Ст. 2. (Часть I).

ражений, а также другими документами, включая электронные, передаваемые по каналам связи, позволяющим достоверно установить, что документ исходит от другой стороны³.

Вопросы компетенции третейского суда прописаны в статье 16 исследуемого Закона РФ. В соответствии с общепринятой мировой практикой третейский суд принимает самостоятельно постановление о собственной компетенции на разбирательство спора.

Подведомственность споров третейскому суду определяется следующим образом. Важное положение содержится в пункте 3 статьи 3 Закона РФ, которое целесообразно процитировать полностью: «В арбитраж (третейское разбирательство) по соглашению сторон могут передаваться споры между сторонами гражданско-правовых отношений, если иное не предусмотрено федеральным законом». То есть арбитражное разбирательство споров не подходит для разбирательства споров в области публично-правовых правоотношений.

Третейским судам подведомственны споры между сторонами гражданско-правовых отношений, в том числе физическими и юридическими лицами, если иное не предусмотрено законодательством. Некоторые виды споров не могут быть рассмотрены третейскими судами, поскольку они часто содержат существенный публично-правовой элемент или другие особенности, препятствующие их рассмотрению в третейских судах.

Следует указать основные виды данных споров. Они указаны в Арбитражном процессуальном кодексе РФ. Перечислим их.

Споры о защите прав потребителей; споры по вопросам аренды лесных участков; споры по контрактам в сфере государственных закупок для государственных и муниципальных нужд (имеются исключения).

Споры в сфере антимонопольного регулирования.

Споры о приватизации государственного и муниципального имущества; споры о банкротстве; споры, возникающие из отно-

шений, связанных с возмещением вреда, причиненного окружающей среде.

Споры о созыве общего собрания участников юридического лица (имеются исключения).

Споры, вытекающие из деятельности нотариусов по удостоверению сделок с долями в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью.

Споры, связанные с оспариванием ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных федеральным законом отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц.

Споры с участием юридических лиц, представляющих собой хозяйственное общество, имеющее существенное значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства (имеются исключения).

Споры, связанные с исключением участников юридических лиц (имеются исключения).

Споры, связанные с приобретением и выкупом акций (имеются исключения).

Споры об установлении фактов, имеющих юридическое значение; споры, связанные с нарушением права на судопроизводство и исполнения судебного акта в разумный срок.

Споры о защите прав и интересов группы лиц; споры, возникающие из административных и иных публичных правоотношений.

Споры о защите интеллектуальных прав с участием организаций, осуществляющих коллективное управление авторскими и смежными правами, а также по спорам, отнесенным к подсудности Суда по интеллектуальным правам.

Споры об отказе в государственной регистрации, уклонении от государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей⁴.

Следует указать, что часть 2 статьи 33 Арбитражного процессуального кодекса РФ, на которую мы ссылаемся для составления

³ Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ (п. 2 и п. 3 ст. 7) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1. Ст. 2. (Часть I).

⁴ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ч. 2 ст. 33) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

списка видов не споров, не рассматриваемых в рамках арбитражного разбирательства, содержит много отсылок к другим статьям указанного кодекса и даже другим правовым актам, что затрудняет работу юристов с источниками права.

Отметим, что статья 42 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» говорит об основаниях для отказа в приведении в исполнение арбитражного решения и выдаче исполнительного листа, но напрямую их не указывает, отсылая к статье 426 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Недействительность арбитражного соглашения или если рассмотренный спор в какой-то мере не попадает под условия последнего, то государственный суд отказывает в выдаче исполнительного листа⁵. Также исполнительный лист не будет выдан, если спор, рассмотренный третейским судом, не может быть предметом арбитражного разбирательства в соответствии с действующим законодательством⁶. Более ничего не поясняется и отсылки тоже не указываются.

С точки зрения научных положений юридической техники и правил разумного законотворчества целесообразно указать все виды споров, не подлежащих арбитражному разбирательству и не подведомственных третейским судам в одной статье одного правового акта, при необходимости делая на него отсылки в других правовых актах. Или даже продублировать вышеуказанные положения в Гражданском процессуальном кодексе РФ и Арбитражном процессуальном кодексе РФ, а также Федеральном законе от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации». Реализация данного предложения существенно увеличит удобство работы с правовыми актами и в итоге улучшит качество правового регулирования вопроса.

⁵ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 98-ФЗ (ч. 3 ст. 426) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

⁶ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 98-ФЗ (п. 1 ч. 3 ст. 426) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

Следует указать, что в Российской Федерации международный коммерческий арбитраж и внутреннее третейское разбирательство споров регулируется различными правовыми актами.

Международный коммерческий арбитраж регулируется Федеральным законом «О международном коммерческом арбитраже» № 5338-1 от 07 июля 1993 г.

Вышеуказанный закон был принят на основе Типового закона «О международном коммерческом арбитраже», разработанного Комиссией ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) в 1985 г. и одобренного Резолюцией № 40/72 Генеральной Ассамблеи ООН⁷. Вышеуказанный российский закон содержит минимальное количество отклонений от текста Типового закона и отражает определенные традиции, сложившиеся ранее в мировой практике международного арбитража. Появилась возможность «выполнения функций международного коммерческого арбитража как третейскими судьями, избранными для рассмотрения конкретного спора, так и вновь создаваемыми постоянно действующими третейскими судами» [2, с. 31].

Настоящий Закон регулирует категории споров из договорных и других гражданско-правовых отношений, возникающие при осуществлении внешнеторговых и иных видов международных экономических связей, если коммерческое предприятие хотя бы одной из сторон находится за границей, либо если любое место, где должна быть исполнена значительная часть обязательств, вытекающих из отношений сторон, или место, с которым наиболее тесно связан предмет спора, находится за границей, а также споры, возникшие в связи с осуществлением иностранных инвестиций на территории Российской Федерации или российских инвестиций за границей⁸. Отметим, что многие

⁷ UNCITRAL “Model Law on International Commercial Arbitration” of June 21, 1985 (with changes of July 7, 2006) adopted by United Nations General Assembly resolutions of December 11, 1985. No 40/72; December 4, 2006. No 61/33. 45. URL: https://uncitral.un.org/en/texts/arbitration/modellaw/commercial_arbitration (accessed: 31.10.2022).

⁸ О международном коммерческом арбитраже: Федеральный закон № 5338-1 от 07.07.1993 (пар. 3 ст. 1). Доступ из СПС КонсультантПлюс.

положения Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» и Федерального закона № 5338-1 от 07 июля 1993 г. «О международном коммерческом арбитраже» совпадают и не противоречат друг другу.

Тем не менее, имеются и различные положения, которые следует внимательно рассмотреть.

Основания для отказа в признании и приведении в исполнение арбитражного решения подробно перечислены в статье 36 рассматриваемого Закона № 5338-1 от 07 июля 1993 г. «О международном коммерческом арбитраже».

Укажем данные основания:

- недееспособность одной из сторон арбитражного соглашения;
- арбитражное соглашение недействительно по закону, которому стороны его подчинили;
- сторона, против которой вынесено решение, не была должным образом уведомлена о назначении арбитра или об арбитражном разбирательстве, в том числе о времени и месте заседания третейского суда, или по другим уважительным причинам не могла представить свои объяснения;
- решение вынесено по спору, не предусмотренному арбитражным соглашением либо не подпадающему под его условия, или содержит постановления по вопросам, выходящим за пределы арбитражного соглашения;
- состав третейского суда либо арбитражная процедура не соответствовали соглашению сторон или закону той страны, где имело место третейское разбирательство;
- решение, принятое на территории иностранного государства, еще не стало обязательным для сторон третейского разбирательства либо было отменено или приостановлено исполнение компетентной властью;
- объект спора не может быть предметом арбитражного разбирательства в соответствии с законодательством;
- признание и приведение в исполнение арбитражного решения противоречат публичному порядку страны.

Согласимся, что такое подробное указание исключает разночтение в понимании

данного вопроса и являет собой пример качественной работы законодательной власти.

Отметим, что в настоящее время институт арбитражного разбирательства споров в нашей стране имеет большое значение и сформировавшиеся традиции, во многом это связано с развитием рыночной экономики и увеличением интенсивности экономического оборота.

2. Законодательство Бразилии

В Бразилии арбитраж регулирует Закон «Об арбитраже» № 9.307, принятый 23 сентября 1996 г.⁹ Впоследствии в указанный закон в 2015 г. вносились незначительные поправки законодательным актом № 13.129/2015 (далее – Закон Бразилии).

Арбитраж в Бразилии является сравнительно новым институтом, поскольку ранее существовала монополия государства на осуществление правосудия, в том числе и в экономических правоотношениях. Об этом свидетельствует содержание бразильских Гражданского кодекса 1916 г., Гражданского процессуального кодекса 1939 г. и Гражданского процессуального кодекса 1973 г. [3]. Но в конце XX века в стране были проведены масштабные экономические реформы, направленные на развитие предпринимательской деятельности. Соответственно, возникла необходимость в институте арбитража для разрешения споров между субъектами предпринимательской деятельности. Это обусловило разработку и принятие настоящего Закона, который регулирует как внутренний, так и международный коммерческий арбитраж.

Определения арбитража в данном Законе не содержится.

В главе 2 Закон Бразилии регулирует арбитражное соглашение. Правила стандартны. Арбитражное соглашение является главным основанием для третейского разбирательства спора. Оно может быть оформлено отдельным соглашением или оговоркой к действующему договору (статья 3 и статья 4 Закона Бразилии). Арбитражная оговорка является независимой, и недействительность основного договора не влечет недействи-

⁹ Об арбитраже: Закон Бразилии № 9.307 от 23.09.1996. URL: <http://www.planalto.gov.br/legislacao/> (дата обращения: 31.10.2022).

тельности арбитражной оговорки (статья 8 Закона Бразилии). Данный принцип также называется отделимостью арбитражной оговорки.

Обязательным условием является письменная форма арбитражного соглашения (статья 4 Закона Бразилии).

Вопросы арбитрабельности споров регулируются не очень подробно. Предусмотрено, что дееспособные стороны могут разрешать в арбитражном порядке споры, связанные с имущественными правами, которыми они могут распоряжаться (статья 1 Закона Бразилии).

Арбитры вправе определять собственную компетенцию на разбирательство конкретного спора (принцип компетенции-компетенции), а также разрешать вопросы относительно существования, действительности и правовой силы арбитражного соглашения (статья 8 Закона Бразилии).

Рассмотрим основание для оспаривания и отмены арбитражного решения. В статье 39 Закона Бразилии указано, что решение не может быть исполнено, если предмет спора не подлежит рассмотрению в третейском суде, то есть нарушены правила подведомственности спора) и (или) решение противоречит национальному публичному порядку страны. К сожалению, рассматриваемый Закон очень скупо обозначает виды арбитрабельных споров. Вопрос об определении публичного порядка государства также является дискуссионным и разрешается государственной судебной системой индивидуально в каждом конкретном деле.

Отметим, что экономическая система Бразилии признается динамично развивающейся. Соответственно, институт коммерческого арбитража поступательно набирает популярность у субъектов экономических отношений Бразилии, в ситуациях, когда необходимо разбирательство споров, связанных с гражданским оборотом.

3. Законодательство Индии

В Индии действует Закон «Об арбитраже и примирительной процедуре» от 16 августа 1996 г.¹⁰ (Далее – Закон Индии). В

¹⁰ Об арбитраже и примирительной процедуре: Закон Индии от 16.08.1996. URL: <https://www.lexadin.nl/wlg/legis/nofr/oeur/lxweind.htm> (дата обращения: 31.10.2022).

данный Закон вносились поправки 23 октября 2015 г. и 9 августа 2019 г. Настоящие поправки кардинально не поменяли законодательное регулирование института коммерческого арбитража. Основные изменения касались сроков разбирательства дела, требований к арбитрам, а также к аккредитации арбитражных учреждений страны и арбитров.

В Преамбуле Закона Индии указано, что при его разработке использовались положения Типового закона ЮНСИТРАЛ «О международном коммерческом арбитраже» 1985 г.

Настоящий законодательный акт обеспечивает юридическую основу для проведения арбитражного разбирательства споров в Индии и является основным внутренним источником права государства, регулирующим институт как внутреннего, так и международного арбитража.

Очевидно, что разработка, принятие и вступление в действие самостоятельного правового акта признает фундаментальные различия между арбитражным разбирательством споров и разрешением споров в государственной судебной системе.

Статья 7 Закона Индии регулирует вопросы, связанные с арбитражным соглашением. Правила стандартные. Наличие действительного арбитражного соглашения является основанием для арбитражного разбирательства спора. Соглашение может быть оформлено отдельным документом или оговоркой к действующему договору. Устанавливается обязательная письменная форма арбитражного соглашения. Причем письменной формой считается обмен письмами, телексами, телеграммами или иными средствами сообщений, которые обеспечивают фиксирование соглашения или обмен исковыми требованиями и возражениями, посредством которого существование соглашения предполагается одной из сторон и не отрицается другой.

Глава 4 Закона Индии посвящена юрисдикции третейских судов. Признается общепринятый принцип «компетенции – компетенции», когда состав третейского суда самостоятельно решает вопрос о собственной компетенции на рассмотрение спора (пункт 1 статьи 16 Закона Индии).

Также прописывается принцип отделимости арбитражного соглашения. Недейст-

вительность основного договора не влечет за собой недействительности арбитражного соглашения или оговорки (пункт 1 статьи 16 Закона Индии).

К сожалению, Закон Индии обходит вниманием вопрос об арбитрабельных и не-арбитрабельных видах споров, что можно считать упущением законодателей.

Рассмотрим пункт 2 статьи 34 Закона Индии, где указаны основания для оспаривания или отмена арбитражного решения. Основания, связанные с нарушением правил компетенции арбитражного учреждения на рассмотрение споров, следующие.

Во-первых, если арбитражное решение или его часть выходит за сферу действия арбитражного соглашения и касается вопросов, не отраженных в соглашении.

Во-вторых, если предмет спора не подлежит рассмотрению в третейском суде, следовательно, нарушены правила подведомственности или арбитрабельности спора. Напомним, что Закон Индии обходит вниманием вопросы арбитрабельности споров. Данные вопросы содержатся во множестве различных законодательных актов.

В-третьих, если арбитражное решение противоречит публичному порядку Индии. В праве Индии, как и в праве большинства государств, не сформулировано четкое и непротиворечивое определение публичного порядка. Государственные суды при рассмотрении вопросов о признании и исполнении арбитражных решений самостоятельно принимают решение о соответствии или несоответствии публичному порядку страны исходя из внутреннего убеждения.

4. Законодательство Китайской Народной Республики

В Китайской Народной Республике также имеется достаточно развитая система арбитражного разбирательства споров. В стране действует Закон «Об арбитраже» от 31 августа 1994 г. Закон принят на 9 собрании Исполнительного комитета 8 съезда Всекитайского Собрания Народных Представителей 31 августа 1994 г. Опубликован 31 августа 1994 г. приказом Председателя КНР № 31, вступил в силу 1 сентября 1995 г.¹¹

¹¹ Об арбитраже: Закон КНР от 31.08.1994. Принят на 9 собрании Исполнительного комитета 8 съезда ВСНП

(далее – Закон КНР). Впоследствии, в 2009 и 2018 гг., в настоящий закон вносились незначительные изменения, не затрагивающие основных положений.

Законодатели напрямую не использовали основу Типового закона ЮНСИТРАЛ 1985 г., который, несмотря на это, оказал большое влияние на Закон КНР, поскольку в мире уже были признаны и опробованы на практике основные постулаты правового регулирования коммерческого арбитража. Китайские законодатели, разумеется, не могли их проигнорировать.

Традиционный подход китайских законодателей был основан на признании и содействии институциональным арбитражным учреждениям, на скептическом отношении к разовым арбитражам *ad hoc*.

Определение арбитража не содержится в Законе КНР.

Арбитражное соглашение стандартно признается основанием для арбитражного разбирательства. Предусмотрены формы самостоятельного арбитражного соглашения и арбитражные оговорки (статья 16 Закона КНР). Требование к письменной форме арбитражного соглашения напрямую не указано. Но также не указаны и иные формы соглашения. Полагаю, письменная форма фиксации арбитражного соглашения сторон подразумевается законодателем *априори*.

Предусмотрен также принцип делимости арбитражного соглашения. Недействительность основного договора или его части не влечет недействительности арбитражного соглашения (статья 19 Закона КНР).

Отметим четкое определение в Законе КНР подведомственности споров рассмотрению в арбитражных учреждениях.

Арбитраж допускается в отношении договорных споров и иных имущественных споров, возникающих между гражданами, юридическими лицами и иными организациями, являющимися равноправными субъектами (статья 2 Закона КНР).

Законодатель в статье 3 Закона КНР прописал виды неарбитрабельных споров, что следует признать очень позитивным об-

31.08.1994. Опубликован 31.08.1994 приказом Председателя КНР № 31, вступил в силу 01.09.1995. URL: <https://chinalawinfo.ru/> (дата обращения: 31.10.2022)

стоятельством. Субъекты правоотношений ясно и непротиворечиво понимают, какие споры возможно разрешить посредством арбитража, а какие нет.

Неарбитрабельны споры в области наследственных правоотношений, брачно-семейных правоотношений, опекуна, оплаты алиментов.

Также не подлежат арбитражному разбирательству административные споры, разбирательство которых должно проводиться административными органами.

Соответственно, большая часть экономических, хозяйственных и имущественных споров может быть предметом арбитражного разбирательства.

Принцип «компетенции – компетенции» напрямую не прописан в Законе КНР в отличие от Типового Закона ЮНСИТРАЛ 1985 г. и законов об арбитраже многих стран. Тем не менее, статья 24 Закона КНР прописывает обязанность арбитров принять заявление стороны об арбитражном разбирательстве или направить мотивированный отказ в рассмотрении спора. По сути это тоже право арбитров самостоятельно определить собственную компетенцию на разбирательство спора, но сформулированное несколько завуалированно.

Закон КНР в статье 58 указывает перечень оснований для отмены арбитражного решения и отказа в его исполнении государственным судом.

Предусмотрено основание несоответствия предмета спора арбитражному соглашению и отсутствие права состава арбитража на разбирательство конкретного спора. Представляется, что законодатель имеет в виду как отсутствие компетенции арбитража на рассмотрение конкретного спора, так и неарбитрабельность спора в целом.

Кроме того, государственный суд имеет право отмены арбитражного решения, если последнее противоречит общественным интересам. По сути это тот же принцип противоречия публичному порядку.

Понятие «общественные интересы» законодатель не конкретизирует. Видимо, решение о соответствии или несоответствии принимает государственный суд в соответствии с содержанием конкретного арбитра-

жного решения на основании внутреннего убеждения.

Отметим также значительную роль и высокую репутацию арбитража в Китае. Менталитет и культурные особенности китайских предпринимателей обуславливают популярность негосударственных способов разрешения споров. «Сохранить лицо – важный для большинства китайцев фактор, и китайская сторона будет биться, чтобы использовать неофициальные методы для разрешения спора, если такое все-таки случится – деловые отношения уже не спасти. Переговоры рассматриваются как хороший деловой этикет» [4, с. 36].

5. Законодательство Южно-Африканской Республики

В Южно-Африканской Республике институт арбитража регулирует Закон «Об арбитраже» № 42 от 05 апреля 1965 г.¹² Данный Закон вступил в силу 14 апреля 1965 г. (далее – Закон ЮАР). Впоследствии в Закон вносились изменения в 1996 и 2004 гг. Долгое время Закон регулировал как внутренний, так и международный коммерческий арбитраж. Но в 2017 г. был принят Закон о международном арбитраже № 15¹³, который взял на себя регулирование вопросов международного коммерческого арбитража.

Отметим, что право Южной Африки имеет давние исторические традиции в области регулирования института арбитража.

В 1898 г. были приняты Закон «Об арбитраже» № 29 провинции Мыс Доброй Надежды и Закон «Об арбитраже» № 24 провинции Наталь. В дальнейшем был принят Арбитражный Ордонанс 1904 г. № 24 провинции Трансвааль и Арбитражная Прокламация 1926 г. № 3 провинции Юго-Восточная Африка. В то время ЮАР представляла собой конфедерацию британских колоний, и в каждой провинции действовала своя правовая система [5].

Арбитраж в ЮАР развит на высоком уровне. В этом государстве можно разрешить спорные ситуации в различных сферах гражданского оборота. В стране работает ряд постоянно действующих арбитражных

¹² Об арбитраже: Закон ЮАР № 42 от 05.04.1965. URL: <https://www.acts.co.za> (дата обращения: 31.10.2022).

¹³ Разработан на основе Типового Закона ЮНСИТРАЛ 1985 г.

учреждений. Объективно, «арбитраж – популярный и широко используемый метод разрешения коммерческих споров в Южной Африке» [6, с. 187].

Закон ЮАР регулирует внутренний арбитраж, и в него не имплементированы положения Типового закона «О международном коммерческом арбитраже» ЮНСИТРАЛ 1985 г.

Определения арбитража Закон ЮАР не содержит, но в статье 1 содержится определение арбитражного разбирательства как производства, проводимого третейским судом в целях разрешения спора, переданного в соответствии с третейским соглашением.

Вопросы юридических особенностей арбитражного соглашения отражены в Законе ЮАР очень скупо. Предусмотрено, что заключение и расторжение арбитражного соглашения возможно только с согласия сторон. Государственный суд может отменить арбитражное соглашение только при наличии законных оснований. В ином случае спор отправляется на рассмотрение в арбитражное учреждение (статья 3 Закона ЮАР).

Виды и формы арбитражного соглашения не конкретизированы.

Статья 2 Закона ЮАР указывает виды споров, не подлежащих арбитражному разбирательству. Это споры в сфере брачно-семейных отношений и вопросы, связанные со статусом как физических, так и юридических лиц. Например, вопросы банкротства считаются неарбитрабельными.

Считаем позитивным указание в Законе неарбитрабельных споров. Но отметим, что указана не вся их совокупность. На рассмотрение арбитража не могут быть переданы уголовные дела, муниципальные споры, споры о конкуренции и дела о пересмотре административных решений [7, р. 484].

Вопрос компетенции арбитража на рассмотрение конкретного спора Закон ЮАР не конкретизирует. На наш взгляд, подразумевается, что если состав арбитража принял спор к рассмотрению, то он автоматически признал собственную компетенцию.

Арбитражное решение может быть оспорено и отменено государственным судом, если третейский суд допустил грубые нарушения при проведении разбирательства или

превысил свои полномочия (статья 33 Закона ЮАР). Тоже слишком общая формулировка. Но, нарушение правил арбитрабельности споров или компетенции арбитража является как грубым нарушением, так и превышением полномочий. Соответственно, вышеуказанные нарушения могут служить основанием для отмены арбитражного решения.

Заключение

В окончании статьи следует указать, что правоотношения в области административного и уголовного права не могут быть разрешены посредством процедуры арбитража ни при каких обстоятельствах. Назначение административного и уголовного наказания является императивной процедурой, осуществляемой от имени государства уполномоченными органами государственной власти. Правоотношения, связанные с публичным правом и деятельностью органов государственной власти в рамках собственных полномочий, также не являются предметом третейского разбирательства.

Предметом третейского разбирательства споров, как правило, являются споры в области гражданских правоотношений, другими словами, в частноправовой сфере.

В законодательстве стран БРИКС, причем в той или иной степени это касается всех стран региона, нет четкого и исчерпывающего определения видов споров, подлежащих третейскому разбирательству, а определения, которые имеются, часто неконкретны и способствуют противоречивому толкованию законов. Еще, как правило, в законодательстве стран БРИКС четко не указываются виды споров, не подлежащие третейскому разбирательству. Исключением являются законы об арбитраже Китайской Народной Республики и Южно-Африканской Республики (не в полном объеме), которые содержат положения о неарбитрабельных видах споров.

Российское законодательство более конкретно определяет вопросы арбитрабельности видов споров, чем законодательство других стран БРИКС. Тем не менее, Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» не содержит указаний на виды споров, которые не подлежат арбитражному разбирательству.

Отечественное процессуальное законодательство указывает неарбитрабельные виды споров, но данные сведения не содержатся в одном месте, а содержатся в различных статьях АПК РФ и ГПК РФ, что затрудняет работу юристов с источниками права.

Автор считает целесообразным включать в законы, регулирующие арбитражное разбирательство споров положения о неарбитрабельных видах споров, или ссылки на другие правовые акты, содержащие данную информацию. Причем вышеуказанные виды

споров целесообразно прописывать в одной статье одного правового акта.

Такой подход к законодательству соответствует принципам юридической техники и позволяет практикующим юристам более эффективно использовать законодательство в своей деятельности.

Данное предложение будет полезно для большинства государств БРИКС, исключая Китай, законодатели которого предусмотрели вышеуказанное в своем национальном законе, регулирующем арбитраж.

Список источников

1. Asadov B.R., Gavrilenco V.A., Nemchenko S.B. BRICS in international legal space: humanitarian imperatives of international security // *BRICS Law Journal*. 2021. № 1. P. 8-34. <https://doi.org/10.21684/2412-2343-2021-8-1-8-34>, <https://elibrary.ru/bkaddo>
2. Гавриленко В.А. Деятельность третейских судов в РФ в период 90-х годов // Правовые проблемы укрепления российской государственности: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 30-31.
3. Corrie C.A. International commercial arbitration in Brazil // *Comparative Law Yearbook of International Business*. 2013. Vol. 35. P. 113-158. URL: <https://vdocuments.site/international-commercial-arbitration-in-brazil.html?page=46> (accessed: 31.10.2022)
4. Клеандров М.И. Третейские суды по разрешению экономических споров. М.: ООО РПФ «НИК», 2000. 64 с. <https://elibrary.ru/yomwcp>
5. Беликова К.М., Ахмадова М.А. Становление и развитие арбитража в ЮАР // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 5. С. 46-51. <https://elibrary.ru/trikhx>
6. Болтенкова Ю.А., Морозова А.Е. Признание иностранных арбитражных решений в ЮАР // Наука без границ. 2017. № 6 (11). С. 186-189. <https://elibrary.ru/yueudx>
7. Rudolph G., Bernstein D. South Africa. International Arbitration. 2015. P. 482-492. URL: <https://www.iclg.co.uk/practice-areas/international-arbitration-/international-arbitration2015/south-africa> (accessed: 31.10.2022)

References

1. Asadov B.R., Gavrilenco V.A., Nemchenko S.B. (2021). BRICS in international legal space: humanitarian imperatives of international security. *BRICS Law Journal*, no. 1, pp. 8-34. <https://doi.org/10.21684/2412-2343-2021-8-1-8-34>, <https://elibrary.ru/bkaddo>
2. Gavrilenco V.A. (2009). Deyatel'nost' treteiskikh sudov v RF v period 90-kh godov [The activity of arbitration courts in the Russian Federation in the period of the 90s]. *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Pravovye problemy ukrepleniya rossiiskoi gosudarstvennosti»* [Proceedings of All-Russian Scientific and Practical Conference "Legal Problems of Strengthening Russian Statehood"]. Tomsk, Tomsk State University Publ., pp. 30-31. (In Russ.)
3. Corrie C.A. (2013). International commercial arbitration in Brazil. *Comparative Law Yearbook of International Business*, vol. 35, pp. 113-158. Available at: <https://vdocuments.site/international-commercial-arbitration-in-brazil.html?page=46> (accessed 31.10.2022)
4. Kleandrov M.I. (2000). *Treteiskie sudy po razresheniyu ekonomicheskikh sporov* [Arbitration Courts for the Resolution of Economic Disputes]. Moscow, LLC Advertising and Production Company "NIK", 64 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yomwcp>
5. Belikova K.M., Akhmadova M.A. (2015). Formation and development of arbitrazh in the South African Republic. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitrazh and Civil Procedure*, no. 5, pp. 46-51. (In Russ.) <https://elibrary.ru/trikhx>
6. Boltenkova Yu.A., Morozova A.E. (2017). Recognition of foreign arbitration awards in South Africa. *Nauka bez granits = Science without Borders*, no. 6 (11), pp. 186-189. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yueudx>

7. Rudolph G., Bernstein D. (2015). *South Africa. International Arbitration*, pp. 482-492. Available at: <https://www.iclg.co.uk/practice-areas/international-arbitration-/international-arbitration2015/south-africa> (accessed 31.10.2022)

Поступила в редакцию / Received 20.11.2022

Поступила после рецензирования / Revised 22.02.2023

Принята к публикации / Accepted 17.03.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.82

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-132-140>

Шифр научной специальности 5.1.4

Участие осужденных в видеоконференцсвязи с судами: правовые и организационные проблемы

© КОВАЛЕВ Николай Сергеевич,

преподаватель кафедры организации режима в уголовно-исполнительной системе, ФКОУ ВО «Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России», Российская Федерация, 654066, г. Новокузнецк, Октябрьский просп., 49, <https://orcid.org/0000-0003-4221-9767>, dddes2017@mail.ru

© КАРЕТНИКОВ Константин Викторович,

преподаватель кафедры организации режима в уголовно-исполнительной системе, ФКОУ ВО «Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России», Российская Федерация, 654066, г. Новокузнецк, Октябрьский просп., 49, <https://orcid.org/0000-0003-4066-0807>, kostya_385@mail.ru

Аннотация

Объектом представленного исследования явились уголовно-исполнительные правоотношения, связанные с участием осужденных в видеоконференцсвязи с судами. Проведено исследование практики реализации в деятельности исправительных учреждений мероприятий, связанных с участием осужденных в видеоконференцсвязи с судами. Проведен анализ положений нормативных правовых актов, регламентирующих вывод, сопровождение и осуществление надзора за осужденными, принимающими участие в видеоконференцсвязи с судами. Проведено анкетирование сотрудников исправительных учреждений, деятельность которых связана с организацией участия осужденных в видеоконференцсвязи с судами. Выявлены правовые и организационные недостатки, связанные с выводом, сопровождением и надзором за осужденными, принимающими участие в видеоконференцсвязи, предложены пути их устранения. Методологической основой исследования выступил анкетный опрос, предполагающий получение ответов в письменной форме на сформулированные в анкете вопросы от сотрудников исправительных учреждений Сибирского федерального округа с целью получения реальных данных о деятельности, связанной с организацией участия осужденных в видеоконференцсвязи с судами. Указанный метод позволил выявить организационные проблемы, связанные с выводом, сопровождением, организацией и осуществлением надзора за осужденными в период их участия в видеоконференцсвязи с судами. В результате проведенного исследования предложен алгоритм вывода, сопровождения и надзора за осужденными, принимающими участие в видеоконференцсвязи.

Ключевые слова

осужденный, надзор, видеоконференцсвязь, уголовно-исполнительное право, исправительные учреждения, сотрудник

Для цитирования

Ковалев Н.С., Каретников К.В. Участие осужденных в видеоконференцсвязи с судами: правовые и организационные проблемы // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 1. С. 132-140. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-132-140>

Participation of convicts in videoconferences with courts: legal and organizational problems

© Nikolay S. KOVALEV,

Lecturer of the Department of Regime Organization in the Penal System, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 49 Oktyabrsky Ave., Novokuznetsk, 654066, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-4221-9767>, dddes2017@mail.ru

© Konstantin V. KARETNIKOV,

Lecturer of the Department of Regime Organization in the Penal System, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 49 Oktyabrsky Ave., Novokuznetsk, 654066, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-4066-0807>, kostya_385@mail.ru

Abstract

The object of the present study is the penitentiary legal relations associated with the participation of convicts in videoconferencing with the courts. A study is made of the practice of implementation in the activities of correctional institutions of measures related to the participation of convicts in video conferencing with the courts. An analysis is made of the provisions of regulatory legal acts regulating the withdrawal, escort and supervision of convicts participating in videoconferencing with the courts. A survey is conducted among employees of correctional institutions, whose activities are related to the organization of the participation of convicts in videoconferencing with the courts. Legal and organizational shortcomings associated with the withdrawal, escort and supervision of convicts participating in video conferencing are identified, and ways to eliminate them are proposed. The methodological basis of the study is a questionnaire survey, which involves receiving written answers to the questions formulated in the questionnaire from employees of correctional institutions of the Siberian Federal District in order to obtain real data on activities related to organizing the participation of convicts in videoconferencing with courts. This method made it possible to identify organizational problems associated with the withdrawal, support, organization and supervision of the convict during their participation in videoconferencing with the courts. As a result of the study, an algorithm is proposed for withdrawing, accompanying and supervising convicts participating in video conferencing.

Keywords

convict, supervision, video conferencing, penitentiary law, correctional institutions, employee

For citation

Kovalev, N.S., & Karetnikov, K.V. (2023). Participation of convicts in videoconferences with courts: legal and organizational problems. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 1, pp. 132-140 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-132-140>

Введение

Актуальность мероприятия по организации проведения видеоконференцсвязи (далее – ВКС) с судами в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), с участием осужденных, заключается в необходимости и обязательности реализации прав и свобод человека в местах лишения свободы [1–4].

В соответствии с действующим законодательством Российской Федерации отбывание наказания в виде лишения свободы и нахождение лица в учреждении УИС не является основанием для лишения или ограничения его в правоспособности и дееспособ-

ности. Рассматриваемая мера реализуется с целью участия осужденного в судебном заседании для рассмотрения вопроса о замене не отбытой части наказания более мягким видом наказания, об условно-досрочном освобождении осужденного от отбывания наказания, об изменении осужденному вида исправительного учреждения (далее – ИУ) и т. д. Особенно явно необходимость реализации данного процессуального аспекта возникает во время действия ограничительных мер, связанных с периодом пандемии COVID-19. Эта мера позволяет оперативно проводить судебные заседания и экономить время и денежные средства, затрачиваемые

УИС на доставку осужденного из учреждения УИС в суд и обратно.

Вопросами, связанными с использованием средств ВКС для реализации прав осужденных, занимались С.Г. Рогожина, Ю.В. Миронова, Е.О. Сирякова, Н.Г. Шурхнов и др.

Учеными отмечаются такие проблемы, как «отрывочный и несистемный характер» использования ВКС [5, с. 144], отсутствие достаточного правового регулирования организации проведения судебных заседаний в режиме ВКС в местах лишения свободы [6, с. 166], а также отсутствие «технической возможности» участия осужденных в ВКС с судами [7, с. 36].

Процесс ВКС осужденных с судами, как следует из проведенного анкетирования сотрудников УИС Сибирского федерального округа (далее – СФО), осуществляется от трех до пяти раз в неделю, что еще раз подчеркивает его актуальность в практической деятельности. Однако рассматриваемый процесс не лишен недостатков. По результатам проведенного анкетирования можно констатировать, что у сотрудников УИС нередко возникают сложности при организации предоставления осужденных для участия в ВКС с судами. В частности, речь идет о том, что на ведомственном уровне не определен точный порядок вывода, сопровождения, организации и осуществления надзора за осужденными, принимающими участие в ВКС с судами.

Целью исследования является разработка алгоритма вывода, сопровождения, организации и осуществления надзора за осужденными, принимающими участие в ВКС с судами.

Результаты исследования

1. Правовые и организационные проблемы вывода осужденных за пределы изолированных участков ИУ для участия в ВКС с судами

По общему правилу в ИУ осужденным запрещается¹:

¹ См. п. 12.3 Приложения № 2 Приказа Минюста России от 04.07.2022 № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Пра-

1) без разрешения администрации ИУ покидать помещения, нахождение в которых регламентировано распорядком дня;

2) выходить за пределы изолированных участков², камерных помещений, запираемых помещений и изолированных жилых помещений, запираемых в свободное от учебы или работы время, прогулочных дворов, служебных помещений и входить в них.

Соответственно, для того чтобы осужденный мог выйти за пределы изолированного участка (общежития, рабочего объекта, запираемого помещения, режимного объекта), администрация ИУ должна предоставить ему такое разрешение. В данном случае основанием для выхода осужденных из изолированного участка будет являться необходимость их участия в ВКС с судами.

Как показывают данные проведенного анкетирования, во всех случаях такую информацию предоставляет отдел специального учета, однако, в 63 % из них информация передается в дежурную часть учреждения, в остальных – в отдел воспитательной работы с осужденными. Из представленных результатов следует, что в ИУ СФО нет единого подхода в централизации предоставления информации о необходимости предоставления осужденных для участия в ВКС с судами. Отсутствие единого подхода в данном вопросе на практике приводит к нарушению прав осужденных [8, с. 29].

В ИУ обеспечением соблюдения распорядка дня, своевременной подачи сигналов и команд, не допущением бесконтрольного передвижения осужденных по территории

вил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» (ред. от 17.07.2022). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207060002> (дата обращения: 09.11.2022).

² Исключением будут являться колонии-поселения, в которых осужденные в часы от подъема до отбоя пользуются правом свободного передвижения в пределах колонии-поселения. См. п. 517 Приложения № 2 Приказа Минюста России от 04.07.2022 № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» (ред. от 17.07.2022). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207060002> (дата обращения: 09.11.2022).

учреждения и за его пределами занимается дежурный помощник начальника учреждения (далее – ДПНУ). Он же имеет право отдавать распоряжения сотрудникам всех отделов и частей по вопросам, связанным с поддержанием в ИУ установленного порядка³.

Исходя из этого, необходимо определить, что информацию о необходимости участия осужденных в ВКС с судами отдел специального учета должен передавать ДПНУ (его заместителю), который, в свою очередь, информирует заинтересованные службы о необходимости своевременного предоставления осужденных в помещения для проведения ВКС с судами.

Соответственно, первым вспомогательным аспектом вывода осужденных для участия в ВКС с судами является наличие в дежурной части информации о необходимости предоставления осужденных и времени проведения ВКС с судами.

2. Правовые и организационные проблемы сопровождения осужденных за пределами изолированных участков ИУ для участия в ВКС с судами

Лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы, могут передвигаться вне строя по территории ИУ только в сопровождении⁴ администрации ИУ⁵.

Из результатов проведенного анкетирования следует, что сопровождение осужденных для проведения ВКС с судами осуществляют в 51 % случаев сотрудники дежурной части, в 47 % – сотрудники отдела воспитательной работы с осужденными и лишь 2 %

проанкетированных отметили, что сопровождение осужденных осуществляет любой сотрудник ИУ. Следовательно, передвижение осужденных по территории ИУ осуществляют сотрудники дежурной части в лице младшего начальствующего состава и отдела воспитательной работы с осужденными. При этом в 70 % случаев при выяснении проблем, связанных с проведением ВКС с судами, сотрудники отмечают недостаток кадрового состава для сопровождения и надзора за осужденными.

Важно отметить, что сотрудники дежурных смен из числа младшего начальствующего состава в процессе несения службы по надзору за осужденными выполняют ряд специальных задач и функций, предопределенных как ведомственными нормативными актами (инструкциями о надзоре за осужденными в ИУ и СИЗО), так и должностными инструкциями. Следовательно, они должны осуществлять свою деятельность только в рамках надзора на постах, и никаких других обязанностей у них быть не должно [9, с. 147].

Представляется важным отметить, что контроль за соблюдением осужденными порядка передвижения⁶ является одной из задач надзора в ИУ, а осуществление надзора за осужденными, в свою очередь, является обязанностью всех сотрудников, за исключением службы охраны⁷. В частности, это могут быть:

- 1) сотрудники, входящие в состав дежурной смены и осуществляющие надзор в секторах и на объектах;
- 2) сотрудники, входящие в оперативную группу;
- 3) сотрудники, не входящие в состав дежурной смены, но закрепленные за тем или иным объектом по линиям работ;
- 4) иные сотрудники, назначаемые по распоряжению начальника колонии (его заместителя).

³ См. п. 5.5.6 Приказа Минюста России от 23.06.2005 № 95 «Об утверждении Инструкции о надзоре за осужденными, содержащимися в воспитательных колониях Федеральной службы исполнения наказаний» (ред. от 15.08.2016). URL: <https://docs.cntd.ru/document/901940392> (дата обращения: 09.11.2022).

⁴ Исклучением будут являться колонии-поселения, в которых осужденные в часы от подъема до отбоя пользуются правом свободного передвижения в пределах колонии-поселения. См. п. 517 Приложения № 2 Приказа Минюста России от 04.07.2022 № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» (ред. от 17.07.2022). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207060002> (дата обращения: 09.11.2022).

⁵ Там же. П. 417.

⁶ См. п. 1.4.3 Приказа Минюста России от 23.06.2005 № 95 «Об утверждении Инструкции о надзоре за осужденными, содержащимися в воспитательных колониях Федеральной службы исполнения наказаний» (ред. от 15.08.2016). URL: <https://docs.cntd.ru/document/901940392> (дата обращения: 10.11.2022).

⁷ Там же. П. 1.3.

Решение об организации проведения ВКС с судами должно приниматься начальником учреждения в виде издания локального нормативного акта по аналогии, например, с приказом «О закреплении сотрудников, ответственных за сопровождение женского персонала по территории учреждения», либо приказом «О закреплении сотрудников, ответственных за сопровождение транспортных средств по территории учреждения». Практика такого нормативного регулирования в ИУ СФО, как следует из материалов анкетирования, имеется, в частности, в ФКУ КП-2 УФСИН России по Алтайскому краю издается приказ «Об организации и проведении ВКС с судами общей юрисдикции в учреждении».

Таким образом, сопровождением осужденных по территории ИУ для проведения ВКС с судами может осуществляться не только сотрудниками дежурной части и отделом воспитательной работы с осужденными, но и всеми сотрудниками, осуществляющими надзор в ИУ. Для упорядочивания данного вопроса в ИУ необходимо издавать приказ «Об организации проведения видеоконференцсвязи с судами», в котором будет закреплён перечень сотрудников, ответственных за проведение данного мероприятия. В случае невозможности привлечения сотрудников дежурной части либо сотрудников отдела воспитательной работы с осужденными ДПНУ самостоятельно определяет сотрудника для проведения мероприятия исходя из перечня, закреплённого в приказе учреждения «Об организации проведения видеоконференцсвязи с судами».

Вторым вспомогательным аспектом вывода осужденных для участия в ВКС с судами являются:

1) издание начальником ИУ приказа «Об организации проведения видеоконференцсвязи с судами в учреждении»;

2) передача ДПНУ (его заместителем), полученной от отдела специального учета, информации сотруднику дежурной части, либо иному сотруднику, в соответствии с перечнем, закреплённым в приказе учреждения «Об организации проведения видеоконференцсвязи с судами в учреждении».

3. Правовые и организационные проблемы надзора за осужденными, принимающими участие в ВКС с судами

В деятельности администрации исправительных учреждений СФО, как показывают результаты проведенного анкетирования, нет единого подхода к определению места сбора осужденных, которым предстоит принять участие в ВКС с судами. В частности, в 57 % случаев осужденные предоставляются сотрудниками в помещение дежурной части, при этом во всех из них проводится неполный личный обыск осужденного. В 43 % случаев осужденные сопровождаются напрямую в помещение, в котором будет проводиться ВКС с судами, без предварительного проведения вышеуказанного мероприятия.

В соответствии с пунктом 347.8 Правил внутреннего распорядка ИУ неполный личный обыск осужденного проводится при его выводе с места размещения или работы для встречи с представителями администрации ИУ, прокуратуры, лицами, осуществляющими личный прием осужденных к лишению свободы, и после их проведения⁸.

Представляется, что при проведении ВКС с судами необходимо данное правило применять по аналогии. Поскольку, во-первых, помещение для проведения ВКС с судами оборудовано техническими устройствами, представляющими материальную ценность для ИУ. Во-вторых, осужденный находится в данном помещении не один, а под надзором сотрудника. В-третьих, результат проведенного заседания может оказать негативное влияние на психофизиологическое состояние осужденного, при котором у него имеется потенциальная возможность нанесения материального или физического ущерба как учреждению, сотруднику администрации, так и себе [10, с. 36-38].

⁸ См.: п. 347.8 Приложения № 2 Приказа Минюста России от 04.07.2022 № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» (ред. от 17.07.2022). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207060002> (дата обращения: 12.11.2022).

Следовательно, проведение неполного личного обыска осужденного представляется важным и необходимым мероприятием перед началом проведения ВКС с судами. Исходя из того, что помещение для проведения обыска осужденного, как правило, оборудуется в помещении дежурной части, то и местом сбора осужденных перед проведением ВКС с судами должно быть данное помещение.

Третьим вспомогательным аспектом вывода осужденных для участия в ВКС с судами является сбор осужденных в помещении дежурной части учреждения для проведения неполного личного обыска перед их участием в ВКС с судами.

4. Предложения по решению организационных проблем вывода, сопровождения и надзора за осужденными, принимающими участие в ВКС с судами

Деятельность сотрудников администрации ИУ, связанная с выводом, сопровождением и надзором за осужденными, принимающими участие в ВКС с судами, является частным проявлением аналогичной деятельности в отношении осужденных в целом. По результатам проведенного анкетирования в 91 % случаев сотрудники ИУ отмечают, что надзор и сопровождение осужденных по территории ИУ для участия в ВКС с судами ничем не отличается от надзора и сопровождения по территории ИУ в других вопросах.

Соответственно, при организации такой деятельности сотрудники ИУ должны руководствоваться общими правилами, закрепленными в нормативных правовых актах. Так, например, в колониях-поселениях процедура вывода и сопровождения осужденных отсутствует в связи с особенностями условий отбывания наказаний в данных ИУ. В остальных ИУ особенности вывода осужденных для проведения различных мероприятий зависят от места содержания осужденного.

При выводе осужденного с отряда или рабочего объекта ИУ, с учетом ранее описанных вспомогательных аспектов, ДПНУ, после получения информации от отдела специального учета и передачи ее сотруднику, должен оповестить осужденного о необходимости подготовки к участию в ВКС с су-

дами. Средством оповещения может выступать как громкоговорящая связь, так и телефонная связь с дневальным общежития для осужденных либо с дневальным производственной зоны (в случае отсутствия громкоговорящей связи). После этого в сопровождении назначенного ДПНУ сотрудника осужденный направляется в помещение дежурной части для проведения неполного личного обыска.

Вывод осужденных из камер запираемых или режимных помещений осуществляется в точном соответствии с положениями закрытого Приказа Минюста России от 13 июля 2006 г. № 252-дсп «Об утверждении инструкции о надзоре за осужденными, содержащимися в исправительных колониях». В соответствии с п. 347.2 Правил внутреннего распорядка ИУ, неполный личный обыск проводится при выводе из данных помещений⁹. Соответственно, повторное его проведение в помещении дежурной части не требуется.

Важно отметить, что уголовная и уголовно-исполнительная характеристика осужденных, содержащихся в таких помещениях, требует более тщательного контроля со стороны сотрудников исправительного учреждения, соответственно, сопровождение такой категории осужденных должно осуществляться наиболее опытным сотрудником.

Для осуществления надзора за осужденными, при осуществлении ВКС с судами, по результатам проведенного анкетирования в 93 % случаев назначается сотрудник отдела безопасности и сотрудник отдела по воспитательной работе с осужденными. Надзор за осужденными во время проведения ВКС с судами по результатам анкетирования во всех случаях осуществляется в целях обеспечения сохранности оборудования и порядка проведения ВКС. Однако при этом со-

⁹ См.: п. 347.2 Приложения № 2 Приказа Минюста России от 04.07.2022 № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» (ред. от 17.07.2022). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207060002> (дата обращения: 12.11.2022).

трудники, присутствующие на ВКС с судами, выполняют различные функции. Так, если сотрудник отдела безопасности осуществляет непосредственный надзор за осужденными, то сотрудник отдела воспитательной работы с осужденными находится в помещении на случай появления каких-либо вопросов у суда.

Заключение

На основе изложенного выше авторами предлагается для внедрения в практическую деятельность сотрудников учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, алгоритм вывода, сопровождения и надзора за осужденными, принимающими участие в ВКС с судами. В частности:

1. Передача отделом специального учета ДПНУ (его заместителю) информации о необходимости предоставления осужденных для участия в ВКС с судами и времени его проведения.

2. Передача ДПНУ (его заместителем), полученной от отдела специального учета, информации сотруднику дежурной части либо иному сотруднику в соответствии с перечнем, закрепленным в приказе ИУ «Об организации проведения видеоконференцсвязи с судами в учреждении».

3. Вывод и сопровождение осужденных до помещения дежурной части в соответствии с общими правилами, закрепленными в нормативных правовых актах.

4. Проведение неполного личного обыска осужденных в помещении дежурной части перед их участием в ВКС с судами, за исключением осужденных, выводимых из запираемых или режимных помещений.

5. Сопровождение до помещения, где проводится ВКС с судами, в соответствии с общими правилами, закрепленными в нормативных правовых актах.

6. Для осуществления надзора за осужденными, при осуществлении ВКС с судами, ДПНУ назначается:

- сотрудник, входящий в состав дежурной смены и осуществляющий надзор в секторах и на объектах;

- сотрудник, входящий в состав дежурной смены в качестве оперативной группы;

- сотрудник, не входящий в состав дежурной смены, но закрепленный за тем или иным объектом по линиям работ;

- иной сотрудник, назначаемый по распоряжению начальника колонии (его заместителя) либо в соответствии с приказом начальника колонии «Об организации и проведении ВКС с судами общей юрисдикции в учреждении».

Привлечение сотрудников дежурных смен из числа младшего начальствующего состава не должно осуществляться в силу выполнения ими специальных задач и функций на постах надзора.

Список источников

1. Акимов В.С. Использование систем видеоконференцсвязи как способ обеспечения состязательности при рассмотрении уголовного дела // Российский судья. 2021. № 3. С. 46-49. <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2021-3-46-49>, <https://elibrary.ru/efsyuu>
2. Бызова М.В. О действии принципа обеспечения права на защиту на стадии исполнения приговора // Законность. 2022. № 7 (1053). С. 67-68. <https://elibrary.ru/krpsir>
3. Долгих Т.Н. Порядок рассмотрения вопроса об исполнении приговора при наличии другого неисполненного приговора // Адвокат. 2016. № 9. С. 21-27. <https://elibrary.ru/wmeytd>
4. Качалов В.И., Качалова О.В. Об использовании видео-конференцсвязи в судебном производстве по уголовным делам // Российский судья. 2017. № 12. С. 34-38. <https://elibrary.ru/ylzhp>
5. Миронова Ю.В. Отдельные аспекты проблемы применения видеоконференцсвязи в гражданском процессе с участием осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сб. материалов 6 Междунар. науч.-практ. конф. Пермь: Изд-во «Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний», 2019. С. 144-145. <https://elibrary.ru/kdhbgi>
6. Сирякова Е.О. Права человека в уголовно-исполнительной системе // Уголовно-исполнительное право. 2021. Т. 16. № 2. С. 166-175. [https://doi.org/10.33463/2687-122X.2021.16\(1-4\).2.166-175](https://doi.org/10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.166-175), <https://elibrary.ru/yusopn>

7. Безбородова М.А. Проблемы участия в гражданском судопроизводстве лиц, осужденных к лишению свободы // Будущее науки-2021: сб. науч. ст. 9 Междунар. молодежной науч. конф.: в 6 т. / отв. ред. А.А. Горохов. Курск: Юго-Запад. гос. ун-т, 2021. Т. 3: Юриспруденция. Государство. Педагогика. Лингвистика и филология. С. 35-38. <https://elibrary.ru/lhsljg>
8. Семенов А.В. Использование системы видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве: положительные и негативные черты // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 5 (13). С. 25-32. <https://elibrary.ru/xearrd>
9. Козловский С.Н. Силы и средства осуществления надзора в учреждениях УИС // Юридическая наука и практика. Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. Самара: Изд-во «Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний», 2017. Вып. 5, ч. 1. С. 146-148. <https://elibrary.ru/zjuciz>
10. Шурухнов Н.Г. Использование организационных, процессуальных, информационно-технологических средств для активизации участия осужденных в допросе при расследовании преступлений, совершенных в учреждениях федеральной службы исполнения наказаний // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 4 (22). С. 35-39. <https://elibrary.ru/vkwitj>

References

1. Akimov V.S. (2021). The use of video conferencing as a means of securing adversariality in criminal case review. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, no. 3, pp. 46-49. <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2021-3-46-49>, <https://elibrary.ru/efsyyu>
2. Byzova M.V. (2022). On the principle of guaranty of the right to defense on the stage of execution of the sentence. *Zakonnost' [Legality]*, no. 7 (1053), pp. 67-68. <https://elibrary.ru/krpsir>
3. Dolgikh T.N. (2016). Poryadok rassmotreniya voprosa ob ispolnenii prigovora pri nalichii drugogo neispolnennogo prigovora [The procedure for considering the issue of the execution of a sentence in the presence of another unexecuted sentence]. *Advokat [Advocate]*, no. 9, pp. 21-27. <https://elibrary.ru/wmeytd>
4. Kachalov V.I., Kachalova O.V. (2017). On the use of video conferencing in criminal case proceedings. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, no. 12, pp. 34-38. <https://elibrary.ru/ylzhp>
5. Mironova Yu.V. (2019). Otdel'nye aspekty problemy primeneniya videokonferentsssvyazi v grazhdanskom protsesse s uchastiem osuzhdennykh, otbyvayushchikh nakazanie v mestakh lisheniya svobody [Separate aspects of the problem of using video conferencing in civil proceedings with the participation of convicts serving sentences in places of deprivation of liberty]. *Sbornik materialov 6 Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Penitentsiarnaya sistema i obshchestvo: opyt vzaimodeistviya»* [Collection of Materials 6th International Scientific and Practical Conference: "The Penitentiary System and Society: the Experience of Interaction"]. Perm, Perm Institute of the FPS of Russia Publ., pp. 144-145. <https://elibrary.ru/kdhbgi>
6. Siryakova E.O. (2021). Human rights in the penitentiary system. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo [Penal Law]*, vol. 16, no. 2, pp. 166-175. [https://doi.org/10.33463/2687-122X.2021.16\(1-4\).2.166-175](https://doi.org/10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.166-175), <https://elibrary.ru/yusopn>
7. Bezborodova M.A. (2021). Problemy uchastiya v grazhdanskom sudoproizvodstve lits, osuzhdennykh k lisheniyu svobody [Problems of participation in civil proceedings of persons sentenced to deprivation of liberty]. *Sbornik nauchnykh statei 9 Mezhdunarodnoi molodezhnoi nauchnoi konferentsii «Budushchee nauki-2021» v 6 t. T. 3* [Collection of Scientific Articles of the 9th International Youth Scientific Conference: "The Future of Science-2021" in 6 vols. Vol. 3]. Kursk, The Southwest State University, pp. 35-38. <https://elibrary.ru/lhsljg>
8. Semenov A.V. (2016). Ispol'zovanie sistemy videokonferentsssvyazi v ugolovnom sudoproizvodstve: polozhitel'nye i negativnye cherty [Use of the videoconferencing system in criminal proceedings: positive and negative features]. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, no. 5 (13), pp. 25-32. <https://elibrary.ru/xearrd>
9. Kozlovskii S.N. (2017). Sily i sredstva osushchestvleniya nadzora v uchrezhdeniyakh UIS [Forces and means of exercising supervision in institutions Penitentiary system]. *Al'manakh nauchnykh trudov Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii: «Yuridicheskaya nauka i praktika»* [Almanac of Scientific Works of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia: "Legal Science and Practice"]. Samara, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia Publ., issue 5, pt 1, pp. 146-148. <https://elibrary.ru/zjuciz>
10. Shurukhnov N.G. (2015). Ispol'zovanie organizatsionnykh, protsessual'nykh, in-formatsionno-tekhnologicheskikh sredstv dlya aktivizatsii uchastiya osuzhdennykh v doprose pri rassledovanii prestupleniy [Use of organizational, procedural, information-technological means for activation of participation of convicts in questioning during investigation of crimes]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*, 2015. No. 4 (22). P. 35-39. <https://elibrary.ru/vkwitj>

nii, sovershennykh v uchrezhdeniyakh federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii [The use of organizational, procedural, information and technological means to enhance the participation of convicts in interrogation in the investigation of crimes committed in institutions of the federal penitentiary service]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo* [Penal Law], no. 4 (22), pp. 35-39. <https://elibrary.ru/vkwitj>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Authors declare no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 20.11.2022

Поступила после рецензирования / Revised 23.02.2023

Принята к публикации / Accepted 17.03.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.9

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-141-148>

Шифр научной специальности 5.1.4

**Проблемные вопросы криминалистического анализа,
возникающие на первоначальном этапе расследования
использования рабского труда**

© **ПОПОВ Владимир Анатольевич,**

кандидат юридических наук, полковник полиции, начальник кафедры криминалистики, Рязанский филиал ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя», Российская Федерация, 390043, г. Рязань, ул. 1-я Красная, 18, <https://orcid.org/0000-0001-9994-0147>, volpopov@mail.ru

© **ТЕТКИН Денис Валентинович,**

кандидат юридических наук, полковник полиции, доцент кафедры уголовного процесса, Рязанский филиал ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя», Российская Федерация, 390043, г. Рязань, ул. 1-я Красная, 18, <https://orcid.org/0000-0002-1735-0395>, tyotkinden@mail.ru

© **ПУДОВКИН Андрей Анатольевич,**

кандидат юридических наук, полковник полиции, начальник кафедры уголовного процесса, Рязанский филиал ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя», Российская Федерация, 390043, г. Рязань, ул. 1-я Красная, 18, <https://orcid.org/0000-0002-2827-1852>, mr.andre.81@mail.ru

Аннотация

Рассмотрен ряд проблемных вопросов, связанных с проведением криминалистического анализа в ходе расследования на первоначальном этапе использования рабского труда. Представлены некоторые проблемные ситуации, возникающие в процессе аналитической деятельности следователя по рассматриваемой категории уголовных дел, в том числе ситуации, связанные с установлением соответствия преступного деяния требованиям диспозиции ст. 127² УК РФ. Приведен доказательственный ряд фактических данных, свидетельствующих об осуществлении полномочий собственника в отношении физического лица. Также акцентировано внимание на тот факт, что криминалистический анализ по рассматриваемой категории уголовных дел должен учитывать всю совокупность имеющихся по делу доказательств, учитывая, в том числе, и этап подготовки к совершению преступления. Сделан вывод, что на первоначальном этапе расследования следователю надлежит в ходе криминалистического анализа оценить весь комплекс имеющихся в его распоряжении фактических данных, на основе которых будут базироваться основные направления выдвижения версий и планирование всего хода расследования. Также отмечено, что системный подход к проведению криминалистического анализа позволит в оптимальные сроки провести все необходимые следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, направленные на раскрытие и расследование такого сложного преступного деяния, как использование рабского труда.

Ключевые слова

криминалистический анализ, уголовная ответственность, расследование использования рабского труда, вещественные доказательства

Для цитирования

Попов В.А., Теткин Д.В., Пудовкин А.А. Проблемные вопросы криминалистического анализа, возникающие на первоначальном этапе расследования использования рабского труда // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 1. С. 141-148. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-141-148>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-141-148>

Problematic issues of forensic analysis arising at the initial stage slave labor investigations

© Vladimir A. POPOV,

Cand. Sci. (Law), Police Colonel, Head of Criminalistics Department, Ryazan Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot, 18 1st Krasnaya St., Ryazan, 390043, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-9994-0147>, volpopov@mail.ru

© Denis V. TETKIN,

Cand. Sci. (Law), Police Colonel, Associate Professor of Criminal Procedure Department, Ryazan Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot, 18 1st Krasnaya St., Ryazan, 390043, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-1735-0395>, tyotkinden@mail.ru

© Andrey A. PUDOVKIN,

Cand. Sci. (Law), Police Colonel, Head of Criminal Procedure Department, Ryazan Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot, 18 1st Krasnaya St., Ryazan, 390043, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-2827-1852>, mr.andre.81@mail.ru

Abstract

We consider a number of problematic issues related to the conduct of forensic analysis during the investigation at the initial stage of the use of slave labor. We present some problematic situations that arise in the course of the investigator's analytical activity in the category of criminal cases under consideration, including situations related to establishing the compliance of a criminal act with the requirements of the disposition of Article 127² of the Criminal Code of the Russian Federation. The evidentiary series of factual data is given, testifying to the exercise of the powers of the owner in relation to an individual. Also, attention is focused on the fact that the forensic analysis of the category of criminal cases under consideration should take into account the totality of the evidence available in the case, taking into account, among other things, the stage of preparation for the commission of a crime. It is concluded that at the initial stage of the investigation, the investigator should, in the course of forensic analysis, evaluate the entire range of factual data at his disposal, on the basis of which the main directions for putting forward versions and planning the entire course of the investigation will be based. It is also noted that a systematic approach to conducting forensic analysis will allow, in the optimal time frame, to carry out all the necessary investigative actions and operational-search measures aimed at uncovering and investigating such a complex criminal act as the use of slave labor.

Keywords

forensic analysis, criminal liability, investigation of slave labor usage, physical evidence

For citation

Popov, V.A., Tetkin, D.V. & Pudovkin, A.A. (2023). Problematic issues of forensic analysis arising at the initial stage slave labor investigations. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 1, pp. 141-148 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-141-148>

Введение

Появлению проблемных вопросов криминалистического анализа, возникающих на первоначальном этапе расследования ис-

пользования рабского труда, сопутствовало, прежде всего, закрепление в законодательстве российского государства уголовной ответственности за использование рабского

труда, которая введена в Российской Федерации Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации». Таким образом, статья 127² УК РФ «Использование рабского труда» действует почти 20 лет. Прошедшие годы показали, что, несмотря на введение уголовно-правового основания для борьбы с данным видом преступной деятельности, случаи использования рабского труда продолжают оставаться многочисленными и по большей части латентными [1, с. 98].

Но не только высокая латентность остается проблемой в борьбе с использованием рабского труда. Расследование выявленных деяний, предусмотренных статьями 127² УК РФ, также вызывает немало трудностей.

Нередко проблемы возникают в ходе криминалистического анализа уже на первоначальном этапе расследования. Это подтверждают исследования таких российских ученых, как: А.Н. Калюжный [2], С.К. Крепышева [3], А.И. Колесов [4], М.А. Полякова [5].

Таким образом, по нашему мнению, рассматриваемая проблематика является актуальной и требует исследования вопросов, связанных с проведением криминалистического анализа в ходе расследования на первоначальном этапе использования рабского труда.

Результаты исследования

Специфику исследования затронутой темы мы подтверждаем словами А.И. Колесова: «осмысление первичной информации и имеющихся в распоряжении субъекта расследования доказательственных фактов, их криминалистический анализ являются неотъемлемой частью практической деятельности по расследованию данного вида преступлений. Точный анализ информации – основа выбора правильной методики работы» [6, с. 162]. На наш взгляд, стоит согласиться с данным высказыванием А.И. Колесова, так как действительно от качества аналитической деятельности следователя по системному исследованию имеющейся в его распоряжении информации и иных фактических данных в значительной степени зависит, обосновано ли будет принято решение о возбуждении уголовного дела, не будет ли ошибки в квалификации преступного дея-

ния, какие будут выдвинуты версии совершения преступления, а также иные важные вопросы, связанные с ходом расследования уголовного дела.

Основу криминалистического анализа составляет системный подход к изучению всей совокупности данных по уголовному делу. Такой анализ должен включать изучение как общих, так и частных составляющих криминалистической структуры преступления. Тщательность и полнота исследуемых в процессе анализа сведений напрямую влияют на качество всего процесса расследования, на своевременность принятия решений по делу, успешность проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Остановимся не некоторых проблемных ситуациях, возникающих в процессе аналитической деятельности следователя по рассматриваемой категории уголовных дел.

Прежде всего трудности возникают в установлении соответствия преступного деяния требованиям диспозиции статьи 127² УК РФ. Дело в том, что законодатель в Уголовном кодексе РФ не дает толкования ни рабства, ни рабского труда. И только сопоставление названия статьи с ее диспозицией позволяет трактовать использование рабского труда как «использование труда человека, в отношении которого осуществляются полномочия, присущие праву собственности, в случае, если лицо по независящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ (услуг)» [7]. По данному факту В.А. Попов высказывает мнение, что «совершенно очевидно, что в диспозиции статьи 127² УК РФ российский законодатель не конкретизировал, необходимо ли для признания труда рабским всех трех правомочий: владения, пользования и распоряжения либо достаточно лишь некоторых из них» [8, с. 18]. Таким образом, по нашему мнению, необходимо отметить, что в диспозиции статьи 127² УК РФ говорится не просто о труде по принуждению, а о рабском труде, то есть о труде, основанном на предварительном обращении человека в рабство, о завладении этим человеком, дающем рабовладельцу безграничную власть над ним, не частично, а полностью ограничивая его личную свободу во всех ее аспектах, в том числе свободу вы-

бора рода трудовой деятельности, режима рабочего времени, предпочтительных условий оплаты труда, а также условий труда, обеспечивающих его безопасность.

В процессе анализа фактических данных по делу непременно возникает вопрос о том, какие конкретно полномочия собственника осуществлялись в отношении потерпевшего. Конечно, полномочия собственника в данном случае можно рассматривать только условно, по аналогии с вещным правом, поскольку применительно к человеку они являются противозаконными. В гражданском праве Российской Федерации полномочия, присущие праву собственности, выражаются через триаду полномочий: владения, пользования и распоряжения.

А если, к примеру, анализ собранных по делу доказательств показывает, что какое-либо из этих полномочий в отношении потерпевшего вообще не осуществлялось, то следует ли расценивать это обстоятельство как отсутствие состава преступления, предусмотренного статьей 127² УК РФ?

Проведенный нами ранее теоретический анализ показывает, что для признания труда рабским необходимо и достаточно осуществления в отношении потерпевшего совокупности двух полномочий – владения и пользования, а не всей триады полномочий, присущих праву собственности [9]. В связи с этим отсутствует и необходимость доказывания применения в отношении потерпевшего помимо полномочий владения и пользования еще и полномочия распоряжения. Полномочие распоряжения в отношении потерпевшего могло осуществляться, а могло и не осуществляться – на объективную сторону преступления это не влияет.

Какие же доказательства свидетельствуют о том, что в отношении потерпевшего осуществлялись полномочия владения? В российском гражданском законодательстве главное, что характеризует полномочия собственника, – это возможность осуществлять их по своему усмотрению (пункт 2 статьи 209 ГК), то есть самому решать, что делать с принадлежащим имуществом, руководствуясь исключительно собственными интересами, совершая в отношении этого имущества любые действия, не противоречащие закону и

не нарушающие прав и законных интересов других лиц [10, с. 249].

Следовательно, и по отношению к человеку необходимо устанавливать обстоятельства, указывающие на то, что так называемый «собственник» обладал над «рабом» реальной властью, не давая ему возможности действовать по собственной воле. Чаще всего для этих целей применяется физическое насилие: нанесение побоев, истязание, причинение телесных повреждений. Ограничение свободы может проявляться и в том, что потерпевших заковывают в кандалы, сажают на цепь, помещают за высокую изгородь и т. д. Нередко «рабовладельцы» используют и психическое насилие, например, угрожая убийством или другой расправой потерпевшему или его близким, применяя шантаж, изымая документы в чужой стране и т. д. В подобных обстоятельствах потерпевшие вынуждены для сохранения своей жизни или жизни близких им людей полностью подчиняться воле «рабовладельца» и выполнять указанную им работу.

Вопрос о том, мог ли потерпевший по своему желанию отказаться от выполнения работ или услуг, к выполнению которых его принудили, естественным образом вытекает из наличия осуществления в отношении него полномочия владения. В связи с этим следователю надлежит установить, насколько реально в отношении потерпевшего осуществлялось полномочие владения и какие конкретно обстоятельства не позволяли ему проявить свою волю и отказаться от выполнения труда.

Теперь обратимся к полномочию пользования. Осуществление в отношении потерпевшего полномочий пользования должно выражаться именно в принуждении к осуществлению той или иной трудовой деятельности. Наиболее распространено использование рабского труда в сфере сексуальных услуг, изготовлении порнографической продукции, в наркобизнесе. Нередко рабский труд используется в строительстве, швейном производстве, сельском хозяйстве. Однако уголовный закон не устанавливает конкретных видов рабского труда, следовательно, труд, к выполнению которого потерпевшего принудили, может быть абсолютно любым, например, даже сопряженным с вы-

полнением хозяйственных работ по дому «рабовладельца». Важен сам факт, что потерпевший не просто был ограничен в своей свободе, но еще и вынужден был осуществлять ту или иную трудовую деятельность.

Доказательства, свидетельствующие о выполнении трудовой деятельности лицом, находящимся в рабском положении, могут быть получены, например, в ходе осмотра места происшествия. Обнаружение вспаханных потерпевшим участков земли, изготовленных им предметов, построенных помещений и т. д. – все это будет свидетельствовать о том, что потерпевший не только находился в подневольном положении, но и выполнял определенную работу.

Значительно труднее обнаружить вещественные доказательства оказания потерпевшим сексуальных услуг. Для этого потребуется производство таких следственных действий, как допросы самого потерпевшего и свидетелей, производство обысков, направленных на поиск видео- и аудиоматериалов, изъятие с места происшествия биологических следов и т. д.

В ходе расследования использования рабского труда нередко выявляются факты, когда субъект преступления оплачивает труд находящегося у него в рабстве человека. Мотивом такой оплаты может служить как необходимость обеспечить минимальные нужды «раба», так и желание скрыть от правоохранительных органов истинное положение жертвы. И действительно, порою правоприменители трактуют выплату жертве денежного вознаграждения за труд как элемент трудовых или гражданских правоотношений, что приводит их к выводам об отсутствии осуществления в отношении жертвы полномочия владения. Однако недаром законодатель в диспозиции статьи 27² УК РФ сделал акцент на том, что важным условием объективной стороны использования рабского труда является отсутствие у лица по независящим от него причинам возможности отказаться от выполнения работ (услуг). А наличие или отсутствие оплаты за труд человека, находящегося в рабском положении, в данном случае значения не имеет.

Кроме того, криминалистический анализ по рассматриваемой категории уголовных дел должен учитывать всю совокупность

имеющихся по делу доказательств, в том числе учитывая и этап подготовки к совершению преступления. Это помогает следователю увидеть целостную картину обстоятельств, способствующих совершению использования рабского труда.

Дело в том, что, как правило, преступления рассматриваемой категории совершаются преступными группами, в которых имеется четкая иерархия и распределение ролей. Нередко эти преступные группы действуют на международном уровне, осуществляя преступную деятельность одновременно на территории нескольких государств. Преступления тщательно готовятся и реализуются по определенному алгоритму.

Использованию рабского труда непременно предшествует ряд активных действий субъекта преступления или его сообщников, направленных на приведение потерпевшего в такое состояние, когда по отношению к нему возможно будет применить полномочия собственника. Прежде всего, типичными для использования рабского труда являются действия по поиску потенциальных жертв и их последующей вербовке. Преступные намерения реализуются, например, через публикацию в средствах массовой информации, в том числе и в сети Интернет, объявлений о наборе на работу за границей. Чаще всего такие объявления не содержат конкретного описания предлагаемой трудовой деятельности, однако ярко описывают высокую оплату труда. Поиском потенциальных жертв могут заниматься и входящие в преступное сообщество рекрутеры. Их действия связаны с изучением маргинальных социальных групп, информационно-психологическим воздействием на них, отбором подходящих кандидатов, мотивацией их к принятию решений о возможном заработке и т. д. Однако рекрутеры, как правило, не владеют завербованными ими лицами и не используют их труд. На этапе вербовки жертвы добровольно принимают решение о возможности заработать и, доверяя рекрутеру, также добровольно отправляются к месту будущей трудовой деятельности. Затем завербованных различным образом лиц доставляют к месту их будущего пребывания, где в отношении них и будут осуществляться полномочия владения и пользования.

Сложность сбора доказательств на этом этапе состоит в том, что даже в случае имеющихся оперативных данных о готовящемся преступлении и наличии некоторых признаков планируемого общественно опасного деяния обеспечить сбор доказательств покушения на использование рабского труда на этапе подготовки преступления бывает чрезвычайно сложно, поскольку использование рабского труда фактически еще не наступило, жертвы еще не подозревают о ждущей их участи, а поведение сопровождающих их лиц зачастую прикрывается правовой основой. Например, с завербованными могут заключить трудовые или гражданско-правовые договоры от лица несуществующих или реальных фирм-однодневок, им могут быть выплачены некоторые денежные суммы в качестве аванса за последующую работу, им даже могут быть оплачены путевки для отдыха в другой стране, полученные за победу в каком-нибудь придуманном конкурсе.

Все кардинально меняется, как только жертвы оказываются в месте назначения. Именно на этом этапе в отношении них начинают осуществлять полномочия собственника. В российском гражданском законодательстве главное, что характеризует полномочия собственника, – это возможность осуществлять их по своему усмотрению (пункт 2 статьи 209 ГК), то есть самому решать, что делать с принадлежащим имуществом, руководствуясь исключительно собственными интересами, совершая в отношении этого имущества любые действия [10, с. 249].

Следовательно, и по отношению к доставленным на место эксплуатации людям преступники действуют таким образом, чтобы обеспечить себе полную, реальную власть над ними, не давая им возможности действовать по собственной воле.

Выводы

По результатам исследования проблемных вопросов криминалистического анализа, возникающих на первоначальном этапе расследования использования рабского труда, следует отметить, что вырабатываемые общие версии должны учитывать следующую информацию:

- об общих закономерностях и алгоритмах совершения преступлений, связан-

ных с торговлей людьми и использованием рабского труда;

- о криминогенных особенностях региона;

- о местах вербовки жертв, адресах их содержания, маршрутах транспортировки, зонах передачи, расположения объектов их эксплуатации;

- о лицах, которые могут быть причастны к расследуемому преступлению;

- о способах совершения преступного деяния, предусмотренного статьей 127² УК Российской Федерации.

При этом частные версии должны учитывать характерные черты взаимодействия между фигурантами уголовного дела, их психологические особенности, личностные качества, сведения о криминальном прошлом, национальности, родственных и социальных связях.

Также следует отметить, что на первоначальном этапе расследования следователю надлежит в ходе криминалистического анализа оценить весь комплекс имеющихся в его распоряжении фактических данных, на основе которых будут базироваться основные направления выдвижения версий и планирование всего хода расследования. Ему следует изучить факты, влияющие на направленность следственных действий, и оптимальное время их проведения.

Из вышепредставленного следует, что системный подход к проведению криминалистического анализа позволит в оптимальные сроки провести все необходимые следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, направленные на раскрытие и расследование такого сложного преступного деяния, как использование рабского труда. По мнению авторов, проблематика криминалистического анализа, возникающая на первоначальном этапе расследования использования рабского труда, является актуальной как для практических сотрудников органов внутренних дел, так и для юристов уголовно-процессуальной и криминалистической специализации и требует дальнейшего рассмотрения с целью совершенствования методики и практики расследования вышеуказанной категории преступлений.

Список источников

1. Курсаев А.В. Квалификация использования рабского труда в зависимости от завершенности деяния // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2 (93). С. 96-104. <https://doi.org/10.24411/2312-3184-2020-10034>, <https://elibrary.ru/ebqtak>
2. Калюжный А.Н. Типичные следственные ситуации предварительного этапа расследования преступлений, связанных с торговлей людьми и использованием рабского труда // Современное государство и правовая система: материалы Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей и аспирантов. Смоленск, 2021. С. 134-140. <https://elibrary.ru/zljfqj>
3. Крепышева С.К. Некоторые особенности производства тактики освидетельствования при расследовании преступлений, связанных с торговлей людьми и использованием рабского труда // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2014. № 3 (2). С. 122-125. <https://elibrary.ru/ridedb>
4. Колесов А.И. Отдельные тактико-методические особенности обнаружения и фиксации признаков преступной деятельности, связанной с торговлей людьми, использованием рабского труда // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 1 (12). С. 274-278. <https://elibrary.ru/mvwisn>
5. Полякова М.А. Обнаружение следов преступной деятельности, связанной с торговлей людьми, использованием их рабского труда // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 1 (12). С. 298-302. <https://elibrary.ru/mvwiuv>
6. Колесов А.И. Проблемы первоначального этапа расследования торговли людьми, использования рабского труда и связанных с ними преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. 271 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004823801>
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. М.: Проспект, 2021. 816 с. URL: [https://lex.spbstu.ru/userfiles/files/kommentariy-k-ugolovnomu-kodeksu-rossiyskoy-federatsii--\(pos.rtf](https://lex.spbstu.ru/userfiles/files/kommentariy-k-ugolovnomu-kodeksu-rossiyskoy-federatsii--(pos.rtf)
8. Попов В.А. Уголовно правовые меры борьбы с использованием рабского труда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 24 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004613781?page=1&rotate=0&theme=white>
9. Попов В.А., Пудовкин А.А., Теткин Д.В. Осуществление полномочий собственника как составляющая объективной стороны использования рабского труда: вопросы квалификации // Право: История и современность. 2022. Т. 6. № 3. С. 365-374. <https://doi.org/10.17277/pravo.2022.03.pp.365-374>, <https://elibrary.ru/knsjtl>
10. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Части первая–третья: с постатейными материалами / под ред. Е.Л. Забарчука. М.: Экзамен, 2006. 955 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002834799>

References

1. Kursaev A.V. (2020). Qualification of the use of slave labor depending on the completion of the act. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Vestnik Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, no. 2 (93), pp. 96-104. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2312-3184-2020-10034>, <https://elibrary.ru/ebqtak>
2. Kalyuzhnyi A.N. (2021). Typical investigative situations at the preliminary stage of the investigation of crimes related to human trafficking and the use of slave labor. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii prepodavatelei i aspirantov «Sovremennoe gosudarstvo i pravovaya sistema»* [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference of Teachers and Post-Graduate Students “Modern State and Legal System”]. Smolensk, pp. 134-140. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zljfqj>
3. Krepyшева S.K. (2014). Some features of examination tactics in the investigation of crimes associated with human trafficking and the use of slave labor. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*, no. 3 (2), pp. 122-125. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ridedb>
4. Kolesov A.I. (2010). Some tactical-and-methodical specificities of detection and determination of the signs of criminal activity connected with the people trade, use of slave labor. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 1 (12), pp. 274-278. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mvwisn>

5. Polyakova M.A. (2010). Detection of the traces of criminalactivity connected with people trade and use of their slave labor. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 1 (12), pp. 298-302. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mvwiuv>
6. Kolesov A.I. (2010). *Problemy pervonachal'nogo etapa rassledovaniya trgovli lyud'mi, ispol'zovaniya rabskogo truda i svyazannykh s nimi prestuplenii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Problems of the Initial Stage of the Investigation of Human Trafficking, the Use of Slave Labor and Related Crimes. Cand. Sci. (Law) diss.]. Nizhny Novgorod, 271 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004823801>
7. Esakov G.A. (ed.) (2021). *Kommentarii k Uголовnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (Article by Article)]. Moscow, Prospekt Publ., 816 p. (In Russ.) Available at: [https://lex.spbstu.ru/userfiles/files/kommentariy-k-ugolovnomu-kodeksu-rossiyskoy-federatsii--\(pos.rtf](https://lex.spbstu.ru/userfiles/files/kommentariy-k-ugolovnomu-kodeksu-rossiyskoy-federatsii--(pos.rtf)
8. Popov V.A. (2010). *Uголовno pravovye mery bor'by s ispol'zovaniem rabskogo truda: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal Legal Measures to Combat the Use of Slave Labor. Cand. Sci. (Law) diss. abst.]. Moscow, 24 p. (In Russ.) Available at: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004613781?page=1&rotate=0&theme=white>
9. Popov V.A., Pudovkin A.A., Tetkin D.V. (2022). The exercise of the owner's powers as a component of the objective side of the use of slave labor: qualification issues. *Pravo: Istoriya i sovremennost' = Law: History and Modernity*, vol. 6, no. 3, pp. 365-374. (In Russ.) <https://doi.org/10.17277/pravo.2022.03.pp.365-374>, <https://elibrary.ru/knsjtl>
10. Zabarchuk E.L. (ed.) (2006). *Kommentarii k Grazhdanskomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii. Chasti pervaya–tret'ya: s postateinymi materialami* [Commentary on the Civil Code of the Russian Federation. Parts One to Three: with Article-by-Article Materials]. Moscow, Ekzamen Publ., 955 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002834799>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Authors declare no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 19.12.2022

Поступила после рецензирования / Revised 15.02.2023

Принята к публикации / Accepted 17.03.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ОБЗОР ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ
REVIEW OF LEGISLATION
AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-149-158>

Шифр научной специальности 5.1.1

**«Пандемическое соглашение» Всемирной организации
здравоохранения: анализ концептуального нулевого проекта**

© САФРОНОВА Елена Викторовна,

доктор юридических наук, профессор, руководитель Центра трансграничных правовых исследований, профессор кафедры конституционного и международного права, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Российская Федерация, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, <https://orcid.org/0000-0002-0335-9890>, elena_safronova_2010@mail.ru

© ПЕТРИЩЕВА Наталья Сергеевна,

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Российская Федерация, 305040 г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94, <https://orcid.org/0000-0002-5336-9253>, petrishceva_nc@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу концептуального нулевого проекта пандемического соглашения, представленного на втором заседании Межправительственного переговорного органа Всемирной организации здравоохранения в декабре 2021 г. Цель исследования – определить соотношение национального и наднационального элементов в регулировании глобального воздействия и принятия глобальных решений в рамках создаваемой архитектуры мирового здравоохранения. Методологической основой исследования послужили такие принципы научного познания, как объективность, всесторонность, системность, комплексность. В работе использованы такие методы, как формально-юридический (способствовал комплексному анализу концептуального нулевого проекта, структуры и содержания предлагаемого механизма правового воздействия), структурный анализ и синтез (применен для обнаружения противоречий и причинно-следственных связей), сравнительно-правовой (способствовал выявлению негативных тенденций разрабатываемого проекта «пандемического соглашения» ВОЗ в отношении суверенитета и безопасности Российской Федерации), научно-прогностический (предоставил возможность оценить допустимость имплементации норм проекта в российское законодательство). Сделаны выводы о том, что рассматриваемый проект «пандемического соглашения» ВОЗ противоречит суверенитету и безопасности Российской Федерации. Основопологающие принципы и условия ограничивают суверенное право государств-участников на защиту национальной безопасности и прав граждан. Проект концептуального нулевого проекта пандемического соглашения ВОЗ допускает возможность его принятия без явно выра-

женного согласия государств-членов, включая Российскую Федерацию, предусмотренного конституционной процедурой, на основе нотификации в простом уведомительном порядке.

Ключевые слова

пандемия, концептуальный нулевой проект, пандемическое соглашение, суверенитет, национальная безопасность, Всемирная организация здравоохранения, Всемирная ассамблея здравоохранения, межправительственный переговорный орган

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания на 2023 год «Трансформация частного и публичного права в условиях, эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851 – 20200033).

Для цитирования

Сафронова Е.В., Петрищева Н.С. «Пандемическое соглашение» Всемирной организации здравоохранения: анализ концептуального нулевого проекта // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 1. С. 149-158. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-149-158>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-149-158>

The “Pandemic Agreement” of the World Health Organization: an analysis of the conceptual zero project

© Elena V. SAFRONOVA,

Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Center for Cross-Border Legal Studies, Professor of Constitutional and International Law Department, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-0335-9890>, elena_safronova_2010@mail.ru

© Natalya S. PETRISCHEVA,

Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of Theory and History of State and Law Department, Southwest State University, 94 50 let Oktyabrya St., Kursk, 305040, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-5336-9253>, petrishcheva_nc@mail.ru

Abstract

The work is devoted to the analysis of the conceptual zero project of the pandemic agreement presented at the second meeting of the Intergovernmental negotiating function of the World Health Organization in December 2021. The purpose of the study is to determine the ratio of national and supranational elements in the regulation of global impact and global decision-making within the framework of the world health architecture being created. The methodological basis of the study is such principles of scientific cognition as objectivity, comprehensiveness, consistency, complexity. The work uses such methods as formal-legal (contributed to a comprehensive analysis of the conceptual zero project, the structure and content of the proposed mechanism of legal impact), structural analysis and synthesis (used to detect contradictions and cause-effect relationships), comparative-legal (contributed to the identification of negative trends of the World Health Organization pandemic agreement project being developed in relation to sovereignty and security of the Russian Federation), scientific and prognostic (providing an opportunity to assess the admissibility of the implementation of the project norms in Russian legislation). Conclusions are drawn that the draft of the World Health Organization “pandemic agreement” under consideration contradicts the sovereignty and security of the Russian Federation. The fundamental principles and conditions limit the sovereign right of the participating states to protect national security and the rights of citizens. The draft of the conceptual zero project of the World Health Organization pandemic agreement allows for its adoption without the express consent of the member states, including the Russian Federation, provided for by the constitutional procedure, on the basis of notification in a simple notification procedure.

Keywords

pandemic, conceptual zero project, pandemic agreement, sovereignty, national security, World Health Organization, World Health Assembly, Intergovernmental negotiating function

Acknowledgements

The study was carried out within the framework of the state task for 2023 “Transformation of private and public law in conditions of evolving personality, society and the state” (No. 0851 – 20200033).

For citation

Safronova, E.V., & Petrisheva, N.S. (2023). The “Pandemic Agreement” of the World Health Organization: an analysis of the conceptual zero project. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 1, pp. 149-158 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-149-158>

Введение. Постановка проблемы

В последнее время нейтральность и объективность деятельности Всемирной организации здравоохранения – межправительственной международной организации и специализированного учреждения ООН ставится под сомнение. ВОЗ обвиняют в коррупции, политизации работы, обслуживании интересов крупнейших фармацевтических компаний (Биг Фармы), продвижении трансгендерной идеологии и др. Немало вопросов вызывают и объявленные ВОЗ в недавнем времени пандемии свиного и птичьего гриппа, а также коронавируса. Неслучайно Парламентской ассамблеей Совета Европы в 2010 г. принята резолюция, в которой отмечалась обеспокоенность последствиями принятых ВОЗ решений и сформулированных рекомендаций, приведших «к нарушению приоритетов деятельности служб здравоохранения во всей Европе, бесцельному расходованию значительных государственных средств, а также к неоправданным страхам и опасениям всего населения Европы за свое здоровье»¹.

Чиновники организации не устают предвещать миру новые пандемии и эпидемии. Так, 2 марта 2023 г. эпидемиолог ВОЗ Ричард Пибоди предупредил об угрозе пандемии птичьего гриппа². Декларируя благородную цель борьбы с чрезвычайными ситуациями в области здравоохранения, в рамках организации начался процесс обсужде-

ния поправок в Международные медико-санитарные правила (ММСП), которые планируется принять в мае 2023 г. на очередной сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения (ВАЗ), а также нового международного договора о готовности к пандемиям и реагированию на них (пандемического соглашения). Однако тексты обсуждаемых документов свидетельствуют о превращении ВОЗ в надгосударственную структуру, угрожающую суверенитету и национальной безопасности. Особую обеспокоенность вызывает опубликованный ВОЗ нулевой проект «пандемического соглашения», анализ которого дается в данной статье.

Впервые о необходимости принятия «пандемического соглашения» было заявлено на совещании 25 глав правительств и международных агентств, проходившем в Женеве 30 марта 2021 г. Мировые лидеры, обращая внимание на то, что «...будут другие пандемии и серьезные чрезвычайные ситуации в области здравоохранения. Ни одно правительство или многостороннее агентство не смогут справиться с этой угрозой в одиночку...», договорились о создании надежной мировой архитектуры здравоохранения, которая позволит защитить будущие поколения от угроз пандемий³. В мае 2021 г.

¹ Реакция на пандемию H1N1: необходимость повышения транспарентности: Резолюция ПАСЕ № 1749 (2010) // Официальный сайт Совета Европы. URL: https://www.coe.int/T/Tr/Parliamentary_Assembly/%5BRussian_documents%5D/%5B2010%5D/%5BJun2010%5D/Rus1749_rus.asp#P3_75 (дата обращения: 13.02.2022).

² В ВОЗ предупредили об угрозе новой пандемии из-за птичьего гриппа // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/63ff89f29a794705a5a88a6a> (дата обращения: 02.03.2022).

³ См. подробнее: Комментарий подписан премьер-министром Фиджи Дж. В. Байнимарамом; Прают Чан-Оча, премьер-министр Таиланда; Антониу Луис Сантуш да Кошта, премьер-министр Португалии; Марио Драги, премьер-министр Италии; Клаус Йоханнис, президент Румынии; Борис Джонсон, премьер-министр Соединенного Королевства; Поль Кагаме, президент Руанды; Ухуру Кениата, президент Кении; Эммануэль Макрон, президент Франции; Ангела Меркель, канцлер Германии; Шарль Мишель, президент Европейского совета; Кириакос Мицотакис, премьер-министр Греции; Мун Чжэ Ин, президент Республики Корея; Себастьян Пиньера, президент Чили; Андрей Пленкович, премьер-министр Хорватии; Карлос Альварадо Кесада, президент Коста-Рики; Эди Рама, пре-

в ходе 74-й сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения генеральному директору ВОЗ поступило предложение созвать в ноябре 2021 г. специальную сессию ВА3 (вторую за историю ВОЗ с 1948 г.) и включить в повестку дня только один пункт: рассмотрение преимуществ разработки «конвенции, соглашения или иного международного инструмента по обеспечению готовности к пандемии и принятию мер реагирования» (далее «пандемическое соглашение»)⁴. С июля по ноябрь 2021 г. образованная на основе резолюции WHA74.7 (2021 г.)⁵ рабочая группа государств-членов по повышению готовности ВОЗ и реагированию на чрезвычайные ситуации в области здравоохранения (далее – РГТР) провела четыре заседания, два диалога с негосударственными структурами и несколько межсессионных неофициальных консультаций. Для содействия более эффективному распространению информации и взаимодействию с государствами – членами ВОЗ, а также с целью предоставления заинтересованным сторонам на региональном уровне возможности для обмена мнениями и получения информации о региональном опыте Президиум РГТР⁶ допол-

нительно организовал брифинги для пяти из шести региональных комитетов ВОЗ.

На второй специальной сессии ВА3 (29 ноября – 1 декабря 2021 г.) для подготовки и согласования проекта «пандемического соглашения» по предложению РГТР был сформирован открытый для участия всех государств – членов ВОЗ и ассоциированных членов (в том числе в соответствующих случаях региональных организаций экономической интеграции) Межправительственный переговорный орган (далее – МППО)⁷. В состав Президиума МППО вошли представители от шести регионов ВОЗ: африканский регион: г-жа Прешиз Матсосо (Южная Африка), регион стран Америки: посол Товар да Силва Нуниш (Бразилия), регион Восточного Средиземноморья: г-н Ахмед Салама Солиман (Египет), европейский регион: г-н Роланд Дрис (Нидерланды), регион Юго-Восточной Азии: д-р Вирой Тангчароенсатъен (Таиланд), регион Западной части Тихого океана: г-н Казухо Тагучи (Япония)⁸.

По мнению генерального директора ВОЗ Тедроса Адханома Гебрейесуса, COVID-19 наглядно продемонстрировал, что сохранение текущего статуса ВОЗ недостаточно для обеспечения глобальной безопасности здравоохранения, добровольные механизмы не решили и не позволят решить вызванные пандемией проблемы, поэтому повышение готовности мира к предотвращению угроз пандемии возможно достичь пятью способами⁹:

мьер-министр Албании; Сирил Рамафоса, президент ЮАР; Кейт Роули, премьер-министр Тринидада и Тобаго; Марк Рютге, премьер-министр Нидерландов; Кайс Саид, президент Туниса; Маки Салл, президент Сенегала; Педро Санчес, премьер-министр Испании; Эрна Солберг, премьер-министр Норвегии; Александр Вучич, президент Сербии; Джоко Видодо, президент Индонезии; Владимир Зеленский, Президент Украины; д-р Тедрос Адханом Гебрейесус, Генеральный директор Всемирной организации здравоохранения. URL: <https://www.who.int/news/item/30-03-2021-global-leaders-unite-in-urgent-call-for-international-pandemic-treaty> (дата обращения: 22.02.2023)

⁴ Решение WHA74(16). URL: [https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA74/A74\(16\)-en.pdf](https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA74/A74(16)-en.pdf) (дата обращения: 22.02.2023)

⁵ WHA74.7 Укрепление готовности и реагирования ВОЗ на чрезвычайные ситуации в области здравоохранения. URL: https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA74-REC1/A74_REC1-ru.pdf#page=27 (дата обращения: 22.02.2023)

⁶ См. подробнее: состав Президиума РГТР: сопредседатели: Ее Превосходительство г-жа Грата Энда Верданингтиас, Индонезия, и г-н Колин Макифф, Соединенные Штаты Америки; заместители Председателя: д-р Малегобо Кебабонье, Ботсвана; Его Превосходительство г-н Франсуа Ривассо, Франция; д-р Ала Алван, Ирак; д-р Лин Джеймс, Сингапур. URL:

https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHASSA2/SSA2_3-ru.pdf (дата обращения: 22.02.2023)

⁷ WHASS2/2021/REC/1. URL: https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHASS2-REC1/WHASS2_REC1-ru.pdf#page=13 (accessed: 22.02.2023)

⁸ Virtual meeting of the nominated members of the Bureau of the Intergovernmental Negotiating Body (INB) Wednesday, 2022. 9 February. URL: https://apps.who.int/gb/inb/pdf_files/NFR/NFR_INB_09-02-2022-en.pdf (accessed: 22.02.2023)

⁹ Вступительное слово Генерального директора ВОЗ на первом заседании Межправительственного органа для ведения переговоров по разработке и согласованию конвенции, соглашения или другого международного документа ВОЗ по профилактике пандемии, обеспечению готовности к ней и реагированию на нее. 2022. 24 февр. URL: <https://www.who.int/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-first-meeting-of-the-intergovernmental-negotiating-body-to-draft-and-negotiate-a-who-convention-agreement-or-other-international-instrument>

1) путем создания национального, регионального и глобального потенциала для подготовки к пандемиям и другим глобальным чрезвычайным ситуациям в области здравоохранения и реагирования на них на основе общегосударственного и общесоциального подхода;

2) путем установления глобального доступа и совместного использования выгод для всех патогенов и определения глобальной политики справедливого производства и распределения контрмер;

3) путем создания надежных систем и инструментов для обеспечения готовности к пандемии и реагирования на нее;

4) путем разработки долгосрочного плана устойчивого финансирования, с тем чтобы поддержка глобальных систем управления угрозами здоровью и реагирования была общей для всех;

5) путем наделения ВОЗ полномочиями выполнять свой мандат в качестве руководящего и координирующего органа в области международного здравоохранения.

Правовым механизмом обеспечения реализации обозначенных способов и должно стать разработанное и согласованное МППО новое «пандемическое соглашение», которое будет носить юридически обязательный характер.

В декабрь 2022 г. на третьем совещании МППО прошло рассмотрение концептуального нулевого варианта проекта «пандемического соглашения». Полное техническое наименование «Конвенция, соглашение или другой международный документ ВОЗ по предотвращению пандемии, обеспечению готовности и реагированию на нее» (далее – К/С+ ВОЗ, «пандемическое соглашение», соглашение)¹⁰. Положения данного проекта направлены на формулирование принципов и организационно-правовых основ будущей глобальной системы здравоохранения. В этой связи исследовательский интерес представляет вопрос о соотношении национального и

[on-pandemic-prevention-preparedness-and-response-24-february-2022](#) (дата обращения: 13.12.2022).

¹⁰ Концептуальный «нулевой» вариант проекта для рассмотрения на третьем совещании межправительственного переговорного органа. URL: https://apps.who.int/gb/inb/pdf_files/inb3/A_INB3_3-ru.pdf (дата обращения: 13.12.2022).

наднационального элементов в регулировании глобального воздействия и принятия глобальных решений в рамках создаваемой системы.

Специальные исследования проекта «пандемического соглашения» в юридической науке пока отсутствуют. Однако его анализ невозможен без обращения к трудам видных российских юристов-международников (Д.А. Дегтярева, Е.И. Каркищенко, И.И. Лукашук, В.С. Маличенко, В.С. Михайлова, Б.И. Осминина, Т.Н. Нешатаевой, А.Н. Талалаева, В.Л. Толстых, Е.А. Шибачевой и др.), посвященных правовому статусу международных межправительственных организаций, их нормотворческим полномочиям и механизму принятия решений [1–10].

Методология

Методологической основой исследования стали принципы научного познания: объективность, всесторонность, системность, комплексность. Формально-юридический метод позволил провести комплексный анализ концептуального нулевого проекта, исследовать структуру и содержание предлагаемого механизма правового воздействия на общественные отношения в условиях борьбы с угрозами будущих пандемий; структурный анализ и синтез применялся для обнаружения противоречий и причинно-следственных связей; сравнительно-правовой метод позволил обнаружить негативные тенденции разрабатываемого проекта «пандемического соглашения» ВОЗ в отношении суверенитета и безопасности Российской Федерации; научно-прогностический метод позволил оценить возможность имплементации норм проекта в российское законодательство.

Результаты исследования и их обсуждение

Представленное исследование концептуального нулевого варианта проекта «пандемического соглашения» проводилось в рамках следующих вопросов.

1. Угрожает разрабатываемый проект «пандемического соглашения» ВОЗ суверенитету и безопасности Российской Федерации?

2. Возможно ли вступление в силу «пандемического соглашения» ВОЗ без явно выраженного согласия Российской Федерации, предусмотренного конституционной процедурой?

Положения, содержащиеся в статье 2 настоящего проекта, ограничивают право сторон на заключение региональных или субрегиональных двусторонних и многосторонних договоров как по вопросам, напрямую относящимся к К/С+ ВОЗ, так и дополнительным к ним, если они противоречат обязательствам сторон данного соглашения. Тем самым, государственная политика стран – участников соглашения сможет осуществляться исключительно в рамках системы глобального управления ВОЗ. Статья 4 пункт 17 определяет центральную роль ВОЗ «в качестве руководящего и координирующего органа в области глобального здравоохранения». При этом сфера применения К/С+ ВОЗ разноуровневая: и национальная, и региональная, и международная.

Достижение декларируемой цели ВОЗ, заключающейся в спасении жизней и защите источников средств к существованию путем упреждающего укрепления мирового потенциала в области предотвращения пандемий, подготовки к ним и реагирования на них, а также восстановления систем здравоохранения после пандемий базируется, наряду с общеправовыми принципами, на принципах, ограничивающих национальный суверенитет государств – участников соглашения.

Признавая суверенное право национальных правительств самостоятельно определять подход к общественному здравоохранению, государства-участники берут на себя обязательства действовать, не нанося ущерб другим государствам и их народам (статья 4 пункт 3). При этом проект соглашения не закрепляет содержание понятия и виды потенциального ущерба, вводя, однако, принцип подотчетности и ответственности сторон за соблюдение медико-санитарных правил, устанавливаемых ВОЗ. Отсутствие конкретизации создает дополнительные возможности глобальному центру управления в лице ВОЗ и его доноров оказывать влияние на системы здравоохранения государств – участников соглашения, что подрывает основы их национальной безопасности.

В соответствии с принципами подотчетности, ответственности и прозрачности система здравоохранения подлежит глобальной коллегиальной оценке и мониторингу. Стороны несут ответственность за соответствие

проводимой политики глобальной стратегии готовности, реагирования и восстановления систем здравоохранения и обязаны регулярно предоставлять информацию, данные и отчеты (статья 12).

На стороны возлагается ряд обязанностей (статьи 7–15) по сути, лишающий государств-участников прав на верховенство в пределах собственной территории, в частности стороны обязаны: разрабатывать многосторонние механизмы, обеспечивающие доступ к своим технологиям; способствовать развитию глобальных производственных мощностей; вводить меры по укреплению координации, включая трехстороннее сотрудничество между Всемирной организацией здравоохранения, Всемирной торговой организацией и Всемирной организацией интеллектуальной собственности; развивать меры по обеспечению международных стандартов и надзору, а также отчетности по лабораториям и исследовательским учреждениям, которые проводят работы по генетическому изменению организмов для повышения их патогенности и трансмиссивности; предоставить доступ к генетическим ресурсам; наращивать потенциал в области геномного секвенирования; создать квалифицированные глобальные кадры для чрезвычайных ситуаций в области общественного здравоохранения; проводить международные имитационные учения и коллегиальные проверки; расширять применение глобального механизма коллегиальной оценки; содействовать глобальным политическим обязательствам; поддерживать механизмы, обеспечивающие принятие глобальных, политических решений; усилить центральную роль ВОЗ как органа, направляющего и координирующего международную работу в области здравоохранения, и др.

К/С+ ВОЗ призвано обеспечить развитие глобального здравоохранения, создав систему, которая будет осуществлять управление цепочками поставок предметов снабжения, сырья и других необходимых ресурсов для производства и ограничения вакцин и лекарств посредством внедрения механизма закупок ВОЗ, транспортировкой сырья и товаров путем учреждения международных центров консолидации и региональных

плацдармов, стоимостью и ценообразованием лекарств и вакцин (статья 6).

Кроме того, в рамках этой системы управления будет осуществляться контроль над научными и клиническими исследованиями государств – членов ВОЗ, их лабораториями и исследовательскими учреждениями, распространением результатов исследований (статья 8). Стороны должны будут обеспечить доступ к своим технологиям и ноу-хау (статья 7), информации о государственном финансировании исследований и разработках потенциальных продуктов для реагирования на пандемию, цене и условиях контрактов на государственные закупки во время пандемий (статья 8). Стороны обязаны создавать условия для быстрого доступа групп экспертов ВОЗ к местам вспышек для оценки и определения мер реагирования на возникающие вспышки (статья 13).

Еще одним обязательным условием для государств – участников соглашения становится создание стандартизированной глобальной платформы, работающей в режиме реального времени и обеспечивающей доступ международных организаций и их доноров к генетическим ресурсам для передачи интероперабельных данных о генетических последовательностях, патогенах, образцах, материалах и данных пациентов. Предварительным условием обмена такими данными выступает соответствие международным стандартам биобезопасности и биозащитности (статья 9). Таким образом, развитие цифрового здравоохранения в рамках К/С+ ВОЗ направлено на передачу функций оператора персональных данных пациентов от национальной системы здравоохранения к глобальным наднациональным структурам (статья 10).

Внедрение общих образовательных стандартов и протоколов ВОЗ (статья 11) в национальные системы подготовки квалифицированных медицинских кадров, не основанных на традиционных духовно-нравственных ценностях, приведет к насаждению чуждой российскому обществу и разрушительной системы идей и ценностей, утрате нравственных ориентиров и моральных принципов, подрыву основ общероссийской гражданской идентичности, что представляет прямую угрозу национальной безопасности.

ВОЗ получит исключительное право на формирование информационной повестки о пандемиях и их последствиях. Задача национальных правительств состоит только в укреплении общественного доверия к поступающей информации, в том числе об использовании вакцин, терапевтических средств и пр. Альтернативные сообщения, не отвечающие общей информационной политике, будут расцениваться как инфодемия (статья 16). По сути, устанавливается запрет на независимое экспертное мнение.

Основной идеей выступает создание под контролем ВОЗ интегрированной системы эпиднадзора «Единое здоровье» (статья 17). При этом стороны должны обеспечить его устойчивое финансирование (статья 18). Принцип «Единое здоровье» устанавливает взаимодействие сторон в рамках «Четырехсторонней инициативы» Всемирной организации здравоохранения, Всемирной организации охраны здоровья животных (ВООЗЖ, ранее МЭБ), Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО) и Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП), обязывая участников действовать в рамках единого глобального подхода в области здравоохранения, к проблемам окружающей среды, изменениям климата и землепользования. Содержание данного принципа вступает в прямое противоречие с национальной стратегией РФ, где подчеркивается, что повышенное внимание мирового сообщества к проблемам изменения климата и сохранения благоприятной окружающей среды используется в качестве предлога для ограничения доступа российских компаний к экспортным рынкам, сдерживания развития российской промышленности, установления контроля над транспортными маршрутами, воспрепятствования освоению Россией Арктики.

В соответствии со статьей 19 контроль за реализацией «пандемического соглашения» возлагается на руководящий орган. Структура руководящего органа, его полномочия и процедуры принятия решений сформулированы рамочно, что фактически оставляет «открытыми» условия формирования механизма управления.

Руководящий орган имеет трехзвенную структуру, которая включает в себя Конфе-

рению сторон, состоящую из делегатов, представляющих стороны, Канцелярию, состоящую из двух Президентов и четырех Вице-Президентов, избираемых Конференцией сторон, а также двух докладчиков, избираемых Расширенной конференцией сторон, а также Расширенную конференцию сторон, в которую могут войти «заинтересованные стороны», представители ООН и ее смежных учреждений, представители любых организаций (правительственных или неправительственных), частного или государственного сектора, которые квалифицированы в вопросах, охватываемых К/С+ ВОЗ, и которые при выдвижении кандидатуры любой стороной поддерживаются большинством в две трети.

В условиях финансового контроля над ВОЗ, осуществляемого ныне США, их правительственными и неправительственными организациями, а также их союзниками, государства-участники, не являющиеся крупными донорами, фактически не смогут влиять на принятие решений Руководящим органом К/С+ ВОЗ и противостоять глобальной системе управления, действующей в интересах стран коллективного запада и крупных транснациональных корпораций.

Важнейшим вопросом выступает участие Российской Федерации в данном соглашении. На своем втором совещании в июле 2022 г. Межправительственный переговорный орган определил, что в соответствии со статьей 19 Устава (Конституции ВОЗ) «для принятия такого рода конвенций и соглашений требуется большинство в две трети голосов Ассамблеи здравоохранения, причем означенные конвенции или соглашения в отношении каждого отдельного члена Организации входят в силу по принятии их согласно порядку, предусмотренному его конституционной процедурой»¹¹. Действительно в рассматриваемом проекте «пандемического соглашения» предусматриваются процедуры выражения согласия государств на обязательность его норм (ратификация, принятие, присоединение, официаль-

ное подтверждение) (статья 30). Однако К/С+ ВОЗ не допускает оговорок. Статья 23 прямо запрещает делать какие-либо оговорки. Текст должен приниматься полностью, не предусматривается возможности исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора.

Кроме того, печальна статистика разработки и принятия конвенций под эгидой ВОЗ. На практике единственным международным соглашением, принятым 21 мая 2003 г. на 56-й сессии ВОЗ и вступившим в силу 27 февраля 2005 г., стала «Рамочная конвенция ВОЗ по борьбе против табака»¹². В связи с этим Межправительственный переговорный орган на втором заседании предусмотрел альтернативный вариант принятия «пандемического соглашения» через процедуру, установленную в статье 21 Устава ВОЗ. Правила и регламенты, которые принимаются в соответствии с этой статьей, становятся обязательными без процедуры ратификации для всех членов после того, как будет «сделано должным образом оповещение об их принятии Ассамблеей здравоохранения, за исключением тех членов Организации, которые известят Генерального директора в указанный в оповещении срок об отклонении их или оговорках в отношении них». Таким образом, сохраняется вероятность принятия К/С+ ВОЗ на основе нотификации в простом уведомительном порядке, причем без права, как отмечалось выше, на оговорку.

Заключение

По первому вопросу. Рассматриваемый проект «пандемического соглашения» ВОЗ противоречит суверенитету и безопасности Российской Федерации. Основополагающие принципы и условия К/С+ ВОЗ ограничивают суверенное право государств-участников на защиту национальной безопасности и прав граждан. В условиях политизированности решений ВОЗ, принимаемых в интересах глобальных корпораций, стран-доноров, аффилированных правительственных и неправительственных организаций, обеспечить паритет в международных отношениях не-

¹¹ Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения // Основные документы, сорок девятое издание (с поправками по состоянию на 31.05.2019). Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2020. С. 1-23.

¹² Рамочная конвенция ВОЗ по борьбе против табака // Официальный сайт ВОЗ. URL: <http://www.who.int/fitc/ru/index.html> (дата обращения: 13.12.2022).

возможно. Создание системы глобального здравоохранения и делегирование части суверенных прав государств – участников соглашения транснациональным элитам позволит достичь истинной цели настоящего соглашения, заключающейся в установлении тотального контроля и управления человеческим ресурсом.

По второму вопросу. Проект концептуального нулевого проекта пандемического соглашения ВОЗ допускает возможность его принятия без явно выраженного согласия государств-членов, включая Российскую Федерацию, предусмотренного конституционной процедурой, на основе нотификации в простом уведомительном порядке.

В настоящее время в рамках четвертого (27 февраля – 3 марта 2023 г.) и пятого (3–6 апреля 2023 г.) совещаний МППО проходит публичное обсуждение «нулевого варианта проекта К/С+ ВОЗ»¹³, подготовленного на основе концептуального нулевого проекта.

¹³ «Нулевой» вариант проекта К/С+ ВОЗ для рассмотрения Межправительственным переговорным органом на его четвертом совещании. URL: https://apps.who.int/gb/inb/pdf_files/inb4/A_INB4_3-ru.pdf (дата обращения: 27.02.2023)

Далее, в мае 2023 г. МППО представит доклад о ходе своей работы на 76-й сессии ВАЗ, и окончательный итоговый доклад будет рассмотрен в повестке заседания 77-й сессии ВАЗ (май 2024 г.).

Таким образом, ВОЗ планирует в ближайшей перспективе завершить работу по определению контуров глобальной системы управления национальными системами здравоохранения, создания механизма наднационального контроля и мониторинга в области медицины, экономического и технологического развития здравоохранения. Эта система призвана на основе глобального воздействия на системы здравоохранения суверенных государств обеспечить принятие глобальных решений, основанных на правилах и нормах, принимаемых без учета суверенных прав и законных интересов стран – участниц ВОЗ. При этом нельзя не учитывать, что эти глобальные решения будут приниматься в интересах мировых игроков в сфере здравоохранения, которыми, в том числе, являются западные правительственные и неправительственные организации и транснациональные корпорации.

Список источников

1. Дестерев Д.А. Механизмы принятия решений в международных организациях и коллективных наднациональных органах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2014. № 4. С. 88-96. <https://elibrary.ru/safcln>
2. Каркищенко Е.И. Нормотворческая деятельность Всемирной организации здравоохранения // Московский журнал международного права. 2004. № 1. С. 76-84. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2004-1-76-84>, <https://elibrary.ru/urwvby>
3. Лукашук И.И. Современное право международных договоров: в 2 т. Т. 2. Действие международных договоров. М.: Волтерс Клувер, 2006. 483 с. <https://elibrary.ru/qwbblx>
4. Маличенко В.С. Формирование международного права здравоохранения // Московский журнал международного права. 2021. № 4. С. 6-20. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-6-20>, <https://elibrary.ru/styrlc>
5. Михайлов В.С. К вопросу о так называемых «неактивных членах» международных организаций (на примере членства в ВОЗ) // Советский ежегодник международного права. 1981. Т. 1980. С. 204-213. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_837231/
6. Осминин Б.И. Правовые модели прекращения и приостановления государствами действия международных договоров // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 4. С. 116-133. <https://doi.org/10.12737/jflcl.2019.4.9>, <https://elibrary.ru/plsbxz>
7. Нешатаева Т.Н. Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. М.: Дело, 1998. 270 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001802928>
8. Талалаев А.Н. Право международных договоров: в 2 т. Т. 2: Действие и применение договоров. Договоры с участием международных организаций. М.: Зерцало-М, 2009. 504 с. URL: <https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785807801784.html> (дата обращения: 27.02.2023)
9. Толстых В.Л. COVID-19 и международное право: общие вопросы // Московский журнал международного права. 2021. № 3. С. 45-62. <https://doi.org/10.24833/08690049-2021-3-45-62>, <https://elibrary.ru/lmbgtt>

10. Шибаета Е.А. Специализированные учреждения ООН (Международно-правовые аспекты). М.: Международные отношения, 1966. 112 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006259295>

References

1. Degterev D.A. (2014). Decision-making mechanisms in international organizations and collective supranational bodies. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, no. 4, pp. 88-96. (In Russ.) <https://elibrary.ru/safcln>
2. Karkishchenko E.I. (2004). Normotvorcheskaya deyatel'nost' Vsemirnoi organizatsii zdavookhraneniya [Rulemaking activities of the World Health Organization]. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, no. 1, pp. 76-84. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2004-1-76-84>, <https://elibrary.ru/urwvby>
3. Lukashuk I.I. (2006). *Sovremennoe pravo mezhdunarodnykh dogovorov: v 2 t. T. 2. Deistvie mezhdunarodnykh dogovorov* [Modern Law of International Treaties: in 2 vols. Vol. 2. The Effect of International Treaties]. Moscow, WoltersKluwer Publ., 483 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qwbblx>
4. Malichenko V.S. (2021). Formirovanie mezhdunarodnogo prava zdavookhraneniya // *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, no. 4, pp. 6-20. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-6-20>, <https://elibrary.ru/stylrc>
5. Mikhailov V.S. (1981). K voprosu o tak nazyvaemykh «neaktivnykh chlenakh» mezhdunarodnykh organizatsii (na primere chlenstva v VOZ) [On the issue of the so-called “inactive members” of international organizations (on the example of World Health Organization membership)]. *Sovetskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava* [Soviet Yearbook of International Law], vol. 1980, pp. 204-213. (In Russ.) Available at: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_837231/
6. Osminin B.I. (2019). The legal models of termination and suspension of international treaties by states. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, no. 4, pp. 116-133. (In Russ.) <https://doi.org/10.12737/jflcl.2019.4.9>, <https://elibrary.ru/plsbxz>
7. Neshataeva T.N. (1998). *Mezhdunarodnye organizatsii i pravo. Novye tendentsii v mezhdunarodno-pravovom regulirovanii* [International Organizations and Law. New trends in International Legal Regulation]. Moscow, Delo Publ., 270 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001802928>
8. Talalaev A.N. (2009). *Pravo mezhdunarodnykh dogovorov: v 2 t. T. 2: Deistvie i primeneniye dogovorov. Dogovory s uchastiem mezhdunarodnykh organizatsii* [The Law of International Treaties: in 2 vols. Vol. 2: The Effect and Application of treaties. Agreements with the Participation of International Organizations]. Moscow, Zertsalo-M Publ., 504 p. (In Russ.) Available at: <https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785807801784.html> (accessed 27.02.2023)
9. Tolstykh V.L. (2021). COVID-19 and international law: general issues. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, no. 3, pp. 45-62. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/08690049-2021-3-45-62>, <https://elibrary.ru/lmbgtt>
10. Shibaeva E.A. (1966). *Spetsializirovannye uchrezhdeniya OON (Mezhdunarodno-pravovye aspekty)* [Specialized Agencies of United Nations (International and Legal Aspects)]. Moscow, International Relations Publ., 112 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006259295>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Authors declare no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 07.03.2023

Поступила после рецензирования / Revised 15.03.2023

Принята к публикации / Accepted 17.03.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ЮРИДИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО LEGAL COMMUNITY

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.1

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-159-164>

Шифр научной специальности 5.1.1

Культурно-правовой феномен В.Г. Баева (в память об ученом, преподавателе и общественном деятеле)

© САДОХИНА Наталия Евгеньевна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, <https://orcid.org/0000-0002-8980-2936>, nsadokhina@yandex.ru

Аннотация

Освещены основные этапы жизненного пути доктора юридических наук, кандидата исторических наук, профессора Валерия Григорьевича Баева. Отмечен его вклад в развитие образования на Тамбовщине как в ходе научной, педагогической деятельности, так и в результате административной работы в органах государственной власти и местного самоуправления. Уделено внимание применяемым В.Г. Баевым педагогическим методикам, основанным на диалоговом формате взаимоотношений преподавателя и студента, привлечении к образовательному процессу наиболее видных представителей практической юриспруденции, а также российских и зарубежных ученых, использовании произведений художественной литературы и кинематографического искусства для обсуждения этических вопросов профессиональной деятельности юриста. В частности, отмечено, что площадкой для научных дискуссий, а также обсуждения этических проблем юридической профессии становились практические занятия, когда каждый студент в группе являлся их участником, а аксиологический подход к изучению права формировал осознание его безусловной авторитетности и значимости, что происходило посредством знакомства с мировыми шедеврами отечественной и зарубежной литературы и кинематографии, помогало воспитанию всесторонне развитой личности. Проанализированы научные труды ученого, посвященные особенностям германского конституционализма второй половины XIX – первой половины XX века.

Ключевые слова

юридическая наука, юридическое образование, методика преподавания юридических дисциплин, германский конституционализм

Для цитирования

Садохина Н.Е. Культурно-правовой феномен В.Г. Баева (в память об ученом, преподавателе и общественном деятеле) // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 1. С. 159-164. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-159-164>

Cultural and legal phenomenon of V.G. Baev (in memory of the scientist, teacher and social activist)

© Nataliya E. SADOKHINA,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Institute of Law and National Security, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-8980-2936>, nsadokhina@yandex.ru

Abstract

The main stages of the life path of Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor Valery Grigoryevich Baev are highlighted. His contribution to the development of education in the Tambov region was noted both in the course of scientific, pedagogical activities, and as a result of administrative work in state and local government bodies. Attention is paid to the applied V.G. Baev pedagogical methods based on the interactive format of the relationship between the teacher and the student, the involvement in the educational process of the most prominent representatives of practical jurisprudence, as well as Russian and foreign scientists, the use of works of fiction and cinematographic art to discuss ethical issues of professional activity of a lawyer. In particular, it was noted that practical classes became a platform for scientific discussions, as well as discussions of ethical problems of the legal profession, when each student in the group was a participant in them, and the axiological approach to the study of law formed an awareness of its unconditional authority and significance, which happened through acquaintance with the world masterpieces of domestic and foreign literature and cinematography, helped education of a comprehensively developed personality. The scientific works of the scientist devoted to the peculiarities of German constitutionalism of the second half of the 19th – first half of the 20th century are analyzed.

Keywords

legal science, legal education, methods of teaching legal disciplines, German constitutionalism

For citation

Sadokhina, N.E. (2023). Cultural and legal phenomenon of V.G. Baev (in memory of the scientist, teacher and social activist). *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 1, pp. 159-164 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-1-159-164>

11 декабря 2022 г. не стало Валерия Григорьевича Баева – широко известного на Тамбовской земле и за ее пределами ученого, государственного и общественного деятеля.

Основные этапы жизненного пути

Валерий Григорьевич родился 24 ноября 1947 г. в г. Мичуринске Тамбовской области. В 1966 г. с отличием окончил факультет иностранных языков Тамбовского государственного педагогического института. Работал учителем в школах Тамбовской области, затем инженером на Тамбовском машиностроительном заводе. В 1979 г. он становится преподавателем высшей школы. Сначала в должности ассистента, затем доцента, а впоследствии и заведующего кафедрой всеобщей истории работает в своей alma mater – Тамбовском государственном педагогическом институте. В 1980 г. в Томске защитил диссертацию на соискание ученой степени

кандидата исторических наук на тему «Парламентские документы как источник по истории Веймарской республики».

В сложный период становления суверенной российской государственности занимал различные должности в системе государственной и муниципальной службы. В 1992–1993 гг. – директор департамента (начальник управления) образования администрации Тамбовской области, в 1994–1996 гг. – вице-мэр Тамбова, курировавший социальную сферу. Однако педагогическое призвание взяло верх над административно-командной работой, и в 1996 г. Валерий Григорьевич вновь возвращается к преподавательской деятельности в Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, образовавшийся в 1994 г. в результате объединения ТГПИ и ТФ МГУКИ. В 2000 г. он возглавил созданную в структуре Института

права кафедру конституционного права, которой руководил на протяжении 13 лет. За этот период произошли значительные изменения в статусе Валерия Григорьевича как ученого. В 2001 г. под научным руководством д.ю.н., профессора Н.А. Придворова он защищает кандидатскую диссертацию по юриспруденции на тему «Законодательная деятельность германского рейхстага в период Веймарской республики (1919–1933)», в 2009 г. при научном консультировании д.ю.н., профессора С.А. Комарова состоялась защита докторской диссертации Баева на тему «Генезис и развитие германского конституционализма в начале XIX – первой трети XX века». В 2013 г. Валерий Григорьевич получает ученое звание профессора. В этом же году В.Г. Баев перешел на работу в Тамбовский государственный технический университет, где также возглавил кафедру. Преподавательской деятельности он больше не изменит до конца своей жизни.

За многолетний и добросовестный труд Валерий Григорьевич Баев был удостоен звания Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Преподавательское мастерство

Более 40 лет проработал В.Г. Баев в вузах Тамбовской области. Его ученики, многие из которых стали профессиональными историками, юристами, преподавателями, с теплотой и благодарностью вспоминают своего наставника.

Он обладал ораторским мастерством, артистизмом. Валерия Григорьевича можно назвать популяризатором науки и культурным миссионером. Опираясь на широкую источниковую базу, научные исследования, при чтении лекций он активно использовал примеры из художественной литературы, произведения кинематографического искусства. Призывал студентов знакомиться с ними.

Площадкой для научных дискуссий, а также обсуждения этических проблем юридической профессии становились практические занятия. Каждый студент в группе являлся их участником. Аксиологический подход к изучению права формировал осознание его безусловной авторитетности и значимости. А знакомство с мировыми шедеврами

отечественной и зарубежной литературы и кинематографии помогало воспитанию всесторонне развитой личности.

В.Г. Баев – интеллектуал, владеющий несколькими иностранными языками, говорил со студентами на равных, умел слушать и слышать, не навязывать свое мнение, а находить компромисс, если это возможно, или уважительно относиться к аргументированной позиции оппонента.

Валерий Григорьевич активно сотрудничал не только с коллегами из других вузов области, но и российскими, и зарубежными учеными. По его приглашению на организуемых в ТГТУ мероприятиях выступали такие видные правоведы, как В.В. Лапаева, В.И. Лафитский, Е.А. Лукьянова, В.Д. Мазеев, В.М. Сырых, а также Ван Чжихуа, профессор Политико-юридического университета (Китай), Уильям Батлер, профессор Пенсильванского университета (США), Даниэль Гийо, заместитель Председателя суда Парижа большой инстанции в отставке (Франция) и др.

Гостями проекта «Диалог», задуманного и реализованного В.Г. Баевым и имевшего целью познакомить студентов с виднейшими представителями профессиональной юридической деятельности, в разное время становились судьи Конституционного суда РФ Г.А. Гаджиев, А.Н. Кокотов и руководители органов государственной власти в Тамбовской области – заместитель Председателя Тамбовского областного суда Н.А. Бурашников, и.о. главы администрации Тамбовской области М.Б. Егоров и др.

Эти встречи являлись площадкой для сотрудничества как российских и зарубежных ученых, так и студентов вузов Тамбовской области, которые по приглашению Валерия Григорьевича принимали участие в обсуждении проблем научной и практической юриспруденции.

Будучи человеком увлеченным, В.Г. Баев любовью к науке смог передать и ученикам, которые защитили кандидатские диссертации под его руководством, выбрав при этом темы, продолжающие его научные исследования и посвященные проблемам парламентаризма (В.В. Крамской) и государственному строю нацистской Германии (А.Н. Марченко).

Научные взгляды

Валерий Григорьевич был широко образованным человеком. Три высших образования (в области зарубежной филологии, истории и юриспруденции) «сошлись» в сфере его научных интересов и позволили трижды достойно защитить свои научные взгляды, став сначала кандидатом исторических, а затем кандидатом и доктором юридических наук.

Большую часть своих научных трудов В.Г. Баев посвятил государственно-правовой истории Германии второй половины XIX – первой трети XX века. Предметом его исследования становились как общие вопросы конституционализма, так и развитие конституционно-правовой теории и практики в зарубежных государствах в исторической ретроспективе.

Неоднократно в работах В.Г. Баева ставится вопрос о роли личности в истории и, в частности, о значении деятельности рейхсканцлера Отто фон Бисмарка в контексте формирования германского государства [1–3].

Много внимания в работах ученого было уделено анализу германского законодательства периода Веймарской республики в сфере экономики, федеративного устройства, прав и свобод человека и гражданина, а также причинам, в том числе экономического характера, которые привели к приходу власти в Германии нацистов [4–7].

В своих трудах В.Г. Баев часто призвал обратить внимание на становление и развитие конституционных идей в Германии, проводя при этом параллели с российской историей и современной конституционно-правовой теорией [8; 9]. Предметом такого сравнения выступали развитие парламентаризма, федеративных отношений, централизованный характер государственной власти в рассматриваемый период.

Стремление к научной дискуссии отразилось в публикациях Валерия Григорьевича, посвященных рецензиям на книги известных ученых [10–18]. Часто такие статьи становились итогом обсуждений на заседаниях студенческого научного сообщества и выполнялись в соавторстве со студентами и аспирантами.

Жизнь Валерия Григорьевича Баева оборвалась внезапно. Он до последних дней вел активную научно-исследовательскую работу, строил планы организации дискуссионных площадок с приглашением экспертов, вел переговоры, налаживал научные связи. Его уход – невосполнимая потеря. Но после него осталось не одно поколение учеников, которым он смог привить любовь к науке, образованию, художественной культуре.

Юридическая общественность Тамбовщины хранит память о Валерии Григорьевиче и выражает глубокие соболезнования его родным и близким.

Список источников

1. Баев В.Г. Конституционный конфликт в Пруссии 1862–1864 гг. и позиция Бисмарка в борьбе двух принципов легитимности // Политика и общество. 2008. № 3 (39). С. 69–76. <https://elibrary.ru/szrhfhf>
2. Баев В.Г. Тарифная политика Бисмарка и становление административного государства в Германии (на примере судебного процесса «Бисмарк против университетского профессора Моммзена», 1880-е гг.) // Журнал российского права. 2019. № 10. С. 5–14. <https://doi.org/10.12737/jrl.2019.10.1>, <https://elibrary.ru/bhdxxsi>
3. Баев В.Г. Отто фон Бисмарк и милитаризация Германии (законодательное оформление военной реформы в Германии в 80-е годы XIX в.) // Lex Russica (Русский закон). 2020. Т. 73. № 9 (166). С. 77–87. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.166.9.077-087>, <https://elibrary.ru/fcuilr>
4. Баев В.Г. Нормативно-правовая организация государственной власти в сфере экономики: Веймарская республика в Германии 1919–1933 гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2001. № 2 (22). С. 50–57. <https://elibrary.ru/ntwybz>
5. Баев В.Г. Германский конституционализм (конец XVIII – первая треть XX в.). Историко-правовое исследование. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2007. 422 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003147240>
6. Баев В.Г. Экономическая конституция нацистской Германии // Lex Russica (Русский закон). 2017. № 4 (125). С. 120–132. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.125.4.120-132>, <https://elibrary.ru/ysqrbx>
7. Марченко А.Н., Баев В.Г. Трансформация демократии в фашистское государство: Веймарская конституция и законодательство национал-социалистической Германии // Современное право. 2012. № 5. С. 21–32. <https://elibrary.ru/oygfxr>

8. Баев В.Г. Европейский конституционализм после Наполеона (на примере Германии) // Журнал российского права. 2005. № 7 (103). С. 113-123. <https://elibrary.ru/opctsv>
9. Баев В.Г. Парламентаризм в России и Германии: эпоха становления (последняя треть XIX – начало XX в.) // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 3. С. 175-182. <https://elibrary.ru/laimcb>
10. Баев В.Г., Баранов В.А. «Новый» взгляд на решение экономических проблем (Чупилкина А.Ф. Конституционно-правовая ответственность органов публичной власти за экономическое развитие Российского государства. Самара, 2018) // Современное право. 2019. № 10. С. 135-138. <https://doi.org/10.25799/N1.2019.90.98.025>, <https://elibrary.ru/xlphxa>
11. Баев В.Г., Марченко А.Н. В.М. Сырых. Красный террор: каноны библейские, да исполнение плебейское // Вопросы истории. 2019. № 11. С. 273-278. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii201911Statyi35>, <https://elibrary.ru/ivuntf>
12. Баев В.Г., Марченко А.Н. Рец. на кн.: Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 656 с. // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2019. № 2. С. 79-83. <https://elibrary.ru/qpoghs>
13. Баев В.Г., Крамской В.В. Кому не известен Ленин? Рецензия на книгу В.М. Сырых «Неизвестный Ленин: теория социалистического государства (без пристрастия и подобострастия)». (М.: Юрлитинформ, 2017. 520 с.) // Lex Russica (Русский закон). 2018. № 12 (145). С. 157-160. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.145.12.157-160>
14. Баев В.Г., Протасова О.Л., Воликова И.А. О сущности и специфике эволюции советского права в 1920-е годы: размышления над монографией В.В. Никулина // Современное право. 2022. № 6. С. 150-156. <https://doi.org/10.25799/N1.2022.11.20.026>, <https://elibrary.ru/glfgea>
15. Баев В.Г., Марченко А.Н. По следам прочитанного: малая книга о большой проблеме // Полис. Политические исследования. 2022. № 1. С. 166-175. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.01.13>, <https://elibrary.ru/yuhlj1>
16. Баев В.Г., Пузырева К.Ю. Рецензия на книгу: София Нагорная, Шамиль Хазиев. «Долг адвоката и этика психолога: психическая (психологическая) попытка в правовой системе России» (отв. ред. А.С. Ковалец; вступ. слово акад. РАН А.А. Гусейнова. М.: ЛУМ, 2020. 172 с.) // Право: история и современность. 2021. № 2 (15). С. 88-95. <https://doi.org/10.17277/pravo.2021.02.pp.088-095>
17. Баев В.Г., Силин Д.В. «Борьба за право» Рудольфа Иеринга: размышления над книгой // Юридическая наука. 2012. № 1. С. 105-107. <https://elibrary.ru/ornoox>
18. Баев В.Г., Крамской В.В. О монографии Н.В. Исаевой «Правовая идентичность: проблемы теории и практики» // Право и государство: теория и практика. 2010. № 5 (65). С. 136-138. <https://elibrary.ru/musmjx>

References

1. Baev V.G. (2008). Constitutional conflict in Prussia in 1862–1864 and Bismarck’s position in the struggle of two legitimacy principles. *Politika i obshchestvo = Politics and Society*, no. 3 (39), pp. 69-76. (In Russ.) <https://elibrary.ru/szrhfhf>
2. Baev V.G. (2019). Tariff policy of Bismarck and the formation of the administrative state in Germany (on the example of the case “Bismarck v. University professor Mommsen”, 1880s). *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, no. 10, pp. 5-14. (In Russ.) <https://doi.org/10.12737/jrl.2019.10.1>, <https://elibrary.ru/bhdxxsi>
3. Baev V.G. (2020). Otto von Bismarck and Germany militarization (legislative formalization of the military reform in Germany in the 80s of the 19th century). *Lex Russica (Russkii zakon) = Lex Russica*, vol. 73, no. 9 (166), pp. 77-87. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.166.9.077-087>, <https://elibrary.ru/fcuilr>
4. Baev V.G. (2001). The legal organization of state government in the sphere of economy: the Weimar republic in the Germany of 1919–1933. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review: Series Humanities*, no. 2 (22), pp. 50-57. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ntwybz>
5. Baev V.G. (2007). *Germanskii konstitutsionalizm (konets XVIII – pervaya tret’ XX v.). Istoriko-pravovoe issledovanie* [German constitutionalism (late 18th – first third of the 20th century). Historical and legal research]. Tambov, Derzhavin Tambov State University Publ., 422 p. (In Russ.) <https://search.rsl.ru/ru/record/01003147240>

6. Baev V.G. (2017). The economic constitution of Nazi Germany. *Lex Russica (Russkii zakon) = Lex Russica*, no. 4 (125), pp. 120-132. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.125.4.120-132>, <https://elibrary.ru/ysqrbx>
7. Marchenko A.N., Baev V.G. (2012). Transformation democracy in the fascist state: Weimar constitution and national-socialist legislation. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, no. 5, pp. 21-32. (In Russ.) <https://elibrary.ru/oygfixr>
8. Baev V.G. (2005). Evropeiskii konstitutsionalizm posle Napoleona (na primere Germanii) [European constitutionalism after Napoleon (on the example of Germany)]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, no. 7 (103), pp. 113-123. (In Russ.) <https://elibrary.ru/opctsv>
9. Baev V.G. (2009). Parlamentarizm in Russia and Germany: the period of forming (the last third 19th – the beginning of 20th century). *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' [Legal Policy and Legal Life]*, no. 3, pp. 175-182. (In Russ.) <https://elibrary.ru/laimcb>
10. Baev V.G., Baranov V.A. (2019). “New” view on solving economic problems (Chupilkina A.F. Constitutional and legal responsibility of public authorities for the economic development of the Russian state). *Sovremennoe pravo = Modern Law*, no. 10, pp. 135-138. (In Russ.) <https://doi.org/10.25799/NI.2019.90.98.025>, <https://elibrary.ru/xlphxa>
11. Baev V.G., Marchenko A.N. (2019). V.M. Syrych. “Red terror: the canons of the bible, but the execution plebeian”. *Voprosy istorii [Issues of History]*, no. 11, pp. 273-278. (In Russ.) <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstории201911Statyi35>, <https://elibrary.ru/ivuntf>
12. Baev V.G., Marchenko A.N. (2019). Review of the book: Medushevskii A.N. Political history of the Russian revolution: norms, institutions, forms of social mobilization in the 20th century. Moscow; Saint-Petersburg: Center for humanitarian initiatives, 2017. 656 p. *Ehlektronnoe prilozhenie k Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu = Electronic Supplement to Russian Juridical Journal*, no. 2, pp. 79-83. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qpoghs>
13. Baev V.G., Kramskoi V.V. (2018). Who doesn't Know Lenin? Review of the Monograph by V.M. Syrykh “Unknown Lenin: the Theory of the Socialist State (Without Prejudice and Servility)” (Moscow: Yurlitinform, 2017. 520 p.). *Lex Russica (Russkii zakon) = Lex Russica*, no. 12 (145), pp. 157-160. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.145.12.157-160>
14. Baev V.G., Protasova O.L., Volikova I.A. (2022). On the essence and specifics of the evolution of soviet law in the 1920s: reflections on the monograph by V.V. Nikulin. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, no. 6, pp. 150-156. (In Russ.) <https://doi.org/10.25799/NI.2022.11.20.026>, <https://elibrary.ru/glfgea>
15. Baev V.G., Marchenko A.N. (2022). In the footsteps of what we read: a small book on a big problem. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Studies*, no. 1, pp. 166-175. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.01.13>, <https://elibrary.ru/yuhlj1>
16. Baev V.G., Puzyreva K.Yu. (2021). Retsenziya na knigu: Sofiya Nagornaya, Shamil' Khaziev. «Dolg advokata i etika psikhologa: psikhicheskaya (psikhologicheskaya) pytko v pravovoi sisteme Rossii» [Book review: Sofia Nagornaya, Shamil' Khaziev. “The duty of a lawyer and the ethics of a psychologist: mental (psychological) torture in the legal system of Russia”]. *Pravo: istoriya i sovremennost' = Law: History and Modernity*, no. 2 (15), pp. 88-95. (In Russ.) <https://doi.org/10.17277/pravo.2021.02.pp.088-095>
17. Baev V.G., Silin D.V. (2012). «Bor'ba za pravo» Rudol'fa Ieringa: razmyshleniya nad knigoi [“Fight for the right” by Rudolf Iering: reflections on the book]. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*, no. 1, pp. 105-107. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ornooh>
18. Baev V.G., Kramskoi V.V. (2010). The monograph of N.V. Isaeva “Legal identity: problems of theory and practice”. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: The Theory and Practice*, no. 5 (65), pp. 136-138. (In Russ.) <https://elibrary.ru/musmjx>

Поступила в редакцию / Received 15.12.2022

Принята к публикации / Accepted 17.03.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная